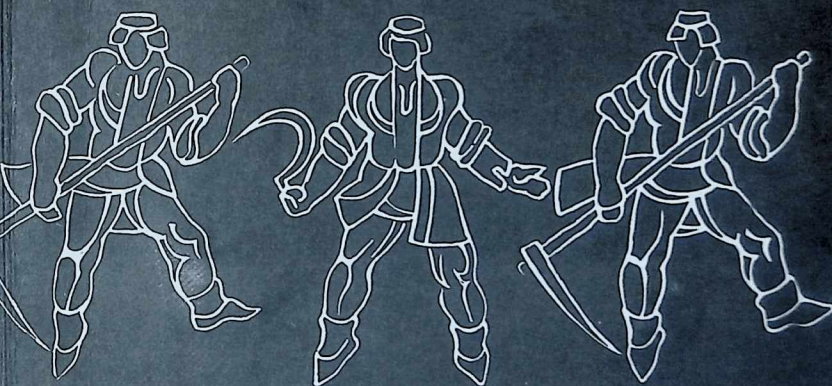

Т. Ш. Геладзе

ФОРМЫ
КОЛЛЕКТИВНОГО ТРУДА
В
ЗЕМЛЕДЕЛИИ
ВОСТОЧНОЙ ГРУЗИИ

„Мецნიერება“

АКАДЕМИЯ НАУК ГССР
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ МУЗЕЙ ГРУЗИИ ИМ. АКАД. С.Н. ДЖАНАШИА

Т.Ш. ГЕЛАДЗЕ

П

ФОРМЫ
КОЛЛЕКТИВНОГО ТРУДА
В ЗЕМЛЕДЕЛИИ
ВОСТОЧНОЙ ГРУЗИИ

(По этнографическим материалам)

ТБИЛИСИ
«МЕЦНИЕРЕБА»
1987

302.7(=59.631)
К 28. 63 5 (2Г)
Г 31

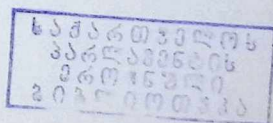
Работа посвящена изучению форм коллективного труда в земледелии Восточной Грузии.

На основе сравнительного изучения полевого этнографического материала в работе выявлены общегрузинские черты этого традиционного института, определены место и значение трудовых объединений в быту грузинского народа. Путем анализа различных сторон коллективного труда (организация работы, правовые отношения членов объединения, распределение работы, степень трудового участия и разделение рабочих дней, обычаи, связанные с коллективными работами) произведена систематизация форм трудовых объединений, что дает возможность проследить процесс их преобразования в соответствии с социально-экономическим развитием общественных отношений.

Редактор: доктор исторических наук
Г.В. Джалабадзе

Рецензенты: доктор исторических наук
Дж. А. Рухадзе
кандидат исторических наук
Г.С. Гаситашвили

0503000000
Г 0503000000 237 — 86 © Издательство «Мецниереба»,
М 607 (06) -87 1987

863
T

ВВЕДЕНИЕ

Изучение хозяйственного быта народов нашей страны в их историческом прошлом является одной из основных задач советской этнографии. Значительным моментом этой проблемы является трудовая взаимопомощь, которая и в настоящее время функционирует в сельском хозяйстве Грузии. Обычай взаимопомощи относится к прогрессивным традициям грузинского народа, которые нужно всемерно сохранять и укреплять [12]. Исходя из этого изучение старых форм коллективного труда имеет не только научное, но также и практическое значение.

Кооперация, как историческая категория, на разных стадиях развития общества имела различные формы. К. Маркс писал: «Та форма кооперации в процессе труда, которую мы находим на начальных ступенях человеческой культуры, например у охотничьих народов или в земледельческих общинах Индии, покоится с одной стороны, на общей собственности на условия производства, с другой стороны — на том, что отдельный индивидуум ещё столь же крепко привязан пуповиной к роду или общине, как отдельная пчела к пчелиному улью. То и другое отличает эту кооперацию от кооперации капиталистической. Спорадическое применение кооперации в крупном масштабе в античном мире, в средние века и в современных колониях покоится на отношениях непосредственного господства и подчинения, чаще всего на рабстве. Напротив, капиталистическая форма кооперации с самого начала предполагает свободного наемного рабочего, продающего свою рабочую силу капиталу» [I, с. 346].

Простая кооперация труда зародилась ещё в доклассовом обществе. По словам К. Маркса, «архаическая общественная формация открывает нам ряд различных этапов, отмечающих собой последовательно сменяющие друг друга эпохи» [2, с. 413]. Среди этих этапов самым ранним является родовая община. В родовом обществе применение простой кооперации имело обязательный и универсальный характер [105, 137]. Н.И. Зиббер трудовую кооперацию называет «условием существования первобытного экономического строя» [105, с. 12].

Как пишет К. Маркс, «на начальных ступенях человеческой культуры» кооперация труда была основана на общем владении средствами производства и кровном родстве [I, с. 346].

В книге Ф. Энгельса — «Происхождение семьи, частной собственности и государства» — показано, что экономика первобытного общества базировалась на коллективной, общинной собственности, что «Производство на всех предшествовавших ступенях общественного развития было по существу коллективным, равным образом и потребление сводилось к прямому распределению продуктов внутри больших или меньших коммунистических общин» [4, с. 195].

М. Ковалевский писал: «Первоначально существовало совместное производство, а как его естественное и необходимое следствие и совместное потребление» [124, с. 57]. По словам Н.И. Зибера, «Простая кооперация труда, естественно, обуславливает собой совместное потребление всего произведенного, а тем самым и общую собственность на недвижимое и даже движимое имущество» [105, с. 11].

Как отмечает К. Маркс, «Этот первобытный тип коллективного или кооперативного производства был, разумеется, результатом слабости отдельной личности, а не обобществлением средств производства» [2, с. 404].

Возникнув в родовом обществе, простая кооперация продолжала существовать и в условиях сельской общины.

По определению К. Маркса, сельская община была первым социальным объединением людей, не связанных кровными узами [2, с. 418]. В ней пахотная земля, являющаяся общей собственностью общины, периодически переделялась между её членами; так что, каждый собственными силами обрабатывал отведенный ему участок и урожай присваивал единолично [2, с. 418].

«Новейшему типу архаической общественной формации» [2, с. 404], сельской общине, соответствовал новый тип кооперации — кооперация индивидуальных хозяйств [190, с. 73].

Сельская община, будучи последней фазой первичной общественной формации, являлась в то же время переходной фазой ко вторичной формации, т.е. переходом от общества, основанного на общей собственности, к обществу, основанному на частной собственности [2, с. 419]. Однако, как известно, разные институты, возникшие на ранних ступенях общественного развития, продолжают существовать в последующих формациях. Отдельные институты, характерные для сельской общины, определенную роль играли при феодальном строе [168, с. 294 — 296]; они продолжали существовать и после его распада [48, с. 49 — 53; 136, с. 227].

В старых формах трудовых объединений, дошедших до XX в. в более или менее измененном виде, сохранились элементы, характерные для разных времен и социальных укладов. Поэтому восстановление их первоначальной природы возможно путем изучения той или иной конкретной формы коллективного труда в определенной социальной среде и рассмотрения её в историческом аспекте [178, с. 14].

С этой точки зрения интересным является этнографический материал Грузии.

В исследовании мы ограничиваемся изучением трудовых объединений в полеводстве Восточной Грузии. Хронологические рамки работы — II половина XIX — начало XX вв.

Выбор объекта исследования не является случайным, т.к. полеводство, а именно, возращивание зерновых культур являлось древнейшим занятием населения Грузии. Это, естественно, обусловливало существование многообразия форм коллективного труда, связанных именно с этой отраслью земледелия. Этому способствовало и разнообразие природных условий, хозяйства и уровня социально-экономических отношений в Восточной Грузии. Следовательно, изучение форм трудовых объединений в полеводстве Восточной Грузии по материалам II половины XIX — начала XX вв. даёт возможность проследить процесс развития и трансформации форм коллективного труда.

Исследуемый период является периодом развития капитализма в Грузии. Однако, как известно, при каждой формации остаются элементы предшествующих формаций. В.И. Ленин неоднократно отмечал сосуществование в России начала XX в. элементов различных общественно-экономических укладов, каковыми были: 1. патриархальное, т.е. в значительной степени натуральное, крестьянское хозяйство; 2. мелкое товарное производство; 3. частнохозяйственный капитализм; 4. государственный капитализм; 5. социализм [9, с. 296; II, с. 221].

Касаясь, в частности, вопроса землевладения, К. Маркс писал: «Та форма поземельной собственности, которую застаёт в истории начинающий развиваться капиталистический способ производства, не соответствует капитализму» [7, с. 252].

Как замечает В.И. Ленин, «И Маркс недаром делает в самом начале своего анализа ренты замечание, что капиталистический способ производства застаёт (и подчиняет себе) самые различные формы поземельной собственности, начиная от клановой собственности и феодальной собственности и кончая собственностью крестьянских общин» [6, с. 115].

Такое положение было и в Грузии. В частности, имело место большое разнообразие форм землевладения и землепользования [184, с. 36-37]. В сельском хозяйстве Грузии наблюдалось переплетение элементов, характерных для капиталистической и феодальной систем. В то же время имелись пережитки более раннего периода. В некоторых частях Грузии сохранилось общинное землевладение [26, с. 191; 69, с. 15; 19, с. 152]. Пережитки общинного землевладения преимущественно были сохранены в местах, населенных государственными крестьянами [69, с. 13].

Общинными землями, равно как и землями, находящимися в частном владении, крестьянские семьи пользовались индивидуально (общинные земли периодически делились между семьями, входящими в данную общину) [73, с. 120].

Исключение составляли пахотные участки святилища, находящиеся в общем пользовании общины [33, с. 165], а также земли,

находящиеся в общем пользовании патронимии [173, 174, 205] — мамани (Хевсурети) [206, с. 187] комба (Мтиулет) [207, с. 10].

Как уже было отмечено выше, эти случаи являлись нетипичными. Пахотные участки находились, главным образом, в индивидуальном пользовании отдельных семей. Мы касаемся именно этих случаев, т.е. коллективной обработки земель, находящихся в индивидуальном пользовании.

В качестве основного источника использован полевой этнографический материал, собранный автором в разных районах Восточной Грузии, в частности: в Картли (1965, 1966, 1972, 1984 гг.), Кахети (1970, 1973 гг.), Кизики (1970, 1972 гг.), Ксанском ущелье (1968, 1969 гг.), Месхети (1973 г.), Эрцо — Тианети (1972 г.). Параллельный материал был собран в Имерети (1971 — 1973 гг.), Самегрело (1974 — 1976 гг.), Гурии (1977, 1978 гг.), Лечхуми (1980 г.). При изучении этнографического материала автор руководствовался комплексно-интенсивным методом исследования [223, 233, 234].

Наряду с полевым материалом использованы литературные данные, фольклорный материал, исторические документы, а также неопубликованные материалы, хранящиеся в фондах Института рукописей АН ГССР и архиве Ахалцихского краеведческого музея АН ГССР.

Сведения о формах коллективного труда, бытовавших в Грузии, встречаются как в периодической литературе, так и в отдельных изданиях XIX — начала XX вв.

Факт существования в Грузии коллективного труда, в частности, коллективного пахания, отмечают многие путешественники, посетившие Грузию [56, с. 57; 97, с. 189; 200, с. 297; 201, с. 61]. Приведенные ими описания часто являются фрагментарными.

Для исследования экономического быта и вообще аграрных отношений в Восточной Грузии значительным источником являются «Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян Закавказского края».

Экономический быт государственных крестьян Восточной Грузии (Тифлисская губерния) был изучен разными авторами, в частности, Тифлисский и Горийский уезды изучил С.В. Мачабели [151, 152], Тианетский уезд — М.В. Мачабели [150], Душетский уезд — Н.К. Никифоров [161], Ахалцихский и Ахалкалакский уезды — Х.А. Вермишев [53], Телавский и Сигнахский уезды — А.М. Аргутинский [24, 25], Борчалинский уезд — А.Д. Ерицов [100]. Эти авторы при описании экономического быта крестьян, наряду с другими вопросами, касаются и вопроса коллективного труда. Сравнительно подробно они описывают трудовые объединения при пахании бытующим в равнинной части Восточной Грузии тяжелым пахотным орудием — большим плугом.

В связи с данной формой организации труда среди исследователей экономического быта государственных крестьян Тифлиской

губернии существовало два противоположных мнения. Часть исследователей считала эту форму организации труда справедливой, основанной на желании помочь маломощным соседям, формой взаимопомощи [152, с. 238], в то время, как некоторые авторы отмечали существующую несправедливость в распределении дней пахоты среди участников этих объединений и наличие признаков эксплуатации [52, с. 247; 24, с. 272; 25, с. 100].

Интересные сведения опубликованы исследователем Ахалцихского и Ахалкалакского уездов Х.А. Вермишевым [53, с. 151]. Зафиксированная им архаическая форма коллективного труда в дальнейшем в литературе стала именоваться «ахалцихским вариантом супряги» [177].

Достоен внимания материал, приведенный исследователем Сигнахского уезда А.М. Аргутинским. Он касается своеобразия супряг, распространенных в тех частях Кахети, где было сохранено «захватное» землепользование — архаический способ пользования общинными землями [24, с. 199, 213].

М.В. Мачабели при изучении экономического быта государственных крестьян Тианетского уезда засвидетельствовал факт существования там безвозмездной трудовой помощи [150, с. 447 — 448].

Коллективного труда при пахании большим плугом в Иорском ущелье касаются З. Биланишвили [42] и А. Хаханов [210]. Они описывают функции и обязанности участников данного объединения, порядок распределения дней пахоты. Этими авторами замечена существующая несправедливость в распределении дней пахоты и наличие эксплуатации со стороны владельца орудия. Показано также, как пользовались зажиточные крестьяне обычаем, созданным для помощи беднякам.

В этнографическом исследовании «Месхи» [209] А. Хаханов касается ахалцихской супряги, сведения о которой были опубликованы Х.А. Вермишевым в «Материалах ...»

В 1893 г. в газете «Квали» Ш. Гулисашвили писал об обычае коллективной трудовой помощи беднякам [76].

Н.Л. Абазадзе в своей работе «Семейная община у грузин» [13] касается коллективного труда в Картли при пахании большим плугом. Автор появления трудовых объединений вокруг больших плугов связывает с распадом больших семей.

Сведения о коллективном труде встречаются и в более ранних источниках. Они большей частью касаются трудовых повинностей, которые крестьянами выполнялись коллективно.

В грамоте Лаша Георгия (1220 г.) засвидетельствовано з р о х и с ш е б м а и (буквально — впряжение крупного рогатого скота) [112, с.11; 101, с.12-13], что подразумевало участие рабочим скотом в трудовом объединении во время пахоты при выполнении трудовой повинности [155, с.73]. В этом же значении встречаем слово ш е б м а (буквально — впряжение) и в документах, датированных XV в. [93, с. 8]. В одном документе, относящемся к XV в.,

для обозначения коллективного пахания при выполнении феодальной повинности употребляется термин *а л о в н о б а* [155, с.73]. В документах упоминаются коллективно выполняемые трудовые повинности и при других сельскохозяйственных работах [36, с.2; 113, с. 11 — 12, 31 — 32, 80; 101, с.60; 102, с.291 — 292; 170, с.123 — 124].

Данному вопросу определенное внимание уделили грузинские советские ученые.

Акад. И.А. Джавахишвили в «Экономической истории Грузии» [82, с.251] касается термина, обозначающего коллективную пахоту — *м о д г а м и*. Автор считает, что это слово грузинского происхождения.

Акад. Г.С. Читая, касаясь в своих работах трудовых объединений в связи с вертикальной зональностью, приходит к заключению, что осложнение форм трудовых объединений находится в прямой зависимости от осложнения пахотных орудий [232, с.366; 226, с.63].

Чл.-корр. АН ГССР А.И. Робакидзе специально этому вопросу посвятил труды: — «Формы организации труда в народном хозяйстве древней Грузии» [178] и «Супруги как одна из форм эксплуатации в дореволюционной Грузии» [177]. В первой работе автор касается пережитков коллективной охоты в Раче, а во второй — на основании этнографического материала Ксанского ущелья и соответствующей литературы дает этапы развития трудовых объединений при пахании.

Акад. П.В. Гугушвили в работе «Экономическая организация гутнеули» [71] исследует экономическую сторону трудового объединения при пахании и на основании анализа конкретного материала приходит к заключению, что во II половине XIX в. рассматриваемые объединения представляли собой одну из форм эксплуатации.

И.В. Чкония в статье «Модгами при пахании» [236] причину существования различных форм трудовых объединений при пахании объясняет наличием разнообразия пахотных орудий.

Г.В.Джалабадзе в отдельных работах, посвященных вопросам земледелия в Грузии, касается и форм организации труда [86, с.79 — 87; 83, с. 73 — 75].

Дж. А.Рухадзе в книге «Село Акура», рассматривая вопросы, связанные с полеводством, описывает и трудовые объединения [182, с. 90 — 107]. Л.К. Бериашвили засвидетельствована трудовая помощь беднякам в Месхети, т.н. *с а н и ч а р и* [40, с. 173].

Формы взаимопомощи у цалкских урумов изучены Т.А.Чикова-ни [222], а формы совместного труда в горной Осетии рассмотрены М.В. Кантария [120]. Указанные авторы на основании конкретного материала рассматривают последовательные ступени развития форм коллективного труда.

В качестве сравнительного материала приведены соответствующие данные из этнографии народов Кавказа [18, 27, 47, 54, 114, 130 и др.].

Методологической базой исследования являются труды классиков марксизма-ленинизма.

Несмотря на то, что многие авторы касались этого вопроса специально или в связи с другими вопросами, в научной литературе не существует специальной мнорафии на данную тему. Предлагаемая работа является первой попыткой в этом направлении.

Целью данной работы является изучение форм трудовых объединений в Восточной Грузии в конце XIX-начале XX вв., выявление их локальных особенностей, а также общегрузинских черт, определение их места в этнографическом быту грузинского народа, показ процесса трансформации форм взаимопомощи в соответствии с социально-экономическим развитием общественных отношений.

В связи с этим в работе дано подробное описание форм коллективного труда при выполнении отдельных видов полевых работ.

Наш материал отображает картину конца XIX — начала XX вв. Этот период является переломным периодом в жизни деревни. Экономическое неравенство, имущественная дифференциация крестьянства, развитие капиталистических отношений в деревне наложили свой отпечаток на её быт, в частности, традиционные формы трудовых объединений значительно меняются. В таких случаях имел место своеобразный синкретизм — сосуществование моментов, характерных для разных стадий развития данного института [178, с.14.]

Для систематизации форм коллективного труда произведен их детальный анализ.

Каждый вопрос, связанный с темой, автором изучался по мере возможности, в комплексе со смежными вопросами и в историческом разрезе.

Социально-экономические условия затронуты постольку, поскольку они оказывали влияние на характер трудовых объединений.

В работе автор придерживается общепринятого в советской этнографии принципа вертикальной зональности [166, с. 10]. Эта характерная черта географической среды Грузии определенную роль сыграла в процессе формирования основных элементов культуры и быта, в хозяйстве грузинского народа [29, с.29-30, 40; 172, с.11; 188; 225, с.205-206; 232, с.366; 229, с.500]. Характерная для Грузии вертикальная зональность в то же время достаточно ясно отражает и характер общественных отношений [173, с.66]. Исходя из этого, описание и систематизация материала производились с учетом принципа вертикальной зональности.

Путем анализа различных сторон коллективного труда (организация работы, правовые отношения членов трудового объединения, распределение работы, степень трудового участия и разделение рабочих дней, обычаи, связанные с коллективными работами) производится систематизация форм трудовых объединений, что дает возможность проследить процесс их преобразования.

Принципом классификации форм трудовых объединений является характер взаимных обязательств между лицами, оказывающими трудовую помощь, и лицом, получающим её.

В первой главе рассмотрены трудовые объединения, представляющие собой безвозмездную помощь несостоятельным семьям.

Во второй главе исследована неэквивалентная взаимопомощь по приглашению хозяина работы, за угощение.

В третьей главе изучена трудовая взаимопомощь, основанная на паритете.

В четвертой главе исследованы различные виды супруг (объединения для совместного пахания), основанные на разных принципах взаимного обязательства между соучастниками.

В пятой главе рассмотрены объединения для совместной работы по найму.

ГЛАВА I

ТРУДОВАЯ ПОМОЩЬ НЕСОСТОЯТЕЛЬНЫМ СЕМЬЯМ

Одной из форм трудовых объединений была безвозмездная трудовая помощь несостоятельным семьям — вдовам, сиротам, старикам, больным, а также семьям, не имеющим рабочего скота, т.е. всем тем, которые по той или иной причине были неспособны справиться с полевыми работами самостоятельно.

Для трудовой помощи в большинстве случаев объединялись по собственной инициативе, шли работать со своими орудиями труда, часто со своим хлебом, и помогали, не получая за это какого-либо вознаграждения. У семьи, которой оказывали помощь, было моральное обязательство — в случае надобности ответить тем же.

Подобную трудовую помощь оказывали при выполнении почти всех видов полевых работ (пахота, мотыжение, уборка урожая, перевозка и пр.).

Обычай помощи бедняку (не только трудовой, но и материальной) является пережитком отношений первобытно-общинного строя. Об этом Ф. Энгельс писал: «За несколько дней, проведенных в Ирландии, я снова живо осознал, в какой степени ещё сельское население живет там представлениями родовой эпохи... Там считают также, что всякий более богатый человек обязан помогать своим менее состоятельным соседям, когда они оказываются в нужде. Такая помощь — не милостыня, она по праву полагается менее состоятельному члену клана от более богатого или от вождя клана» [4, с.148]. Характеризуя родовой строй, Ф. Энгельс отмечал: «Бедных и нуждающихся не может быть — коммунистическое хозяйство и род знают свои обязанности по отношению к престарелым, больным и изувеченным на войне» [4, с.105].

О бытовавшей в Восточной Грузии, в частности, в Тифлисском уезде, трудовой помощи беднякам в свое время писал С.В. Мачабели: «Многим бедным крестьянам помогают в уборке хлеба соседи безвозмездно. В особенности часто оказывается такая помощь вдовам и сиротам» [152, с.239]. Существование подобной трудовой помощи в Телавском уезде зафиксировано А.М. Аргутинским. «Общественная помощь — пишет А.М. Аргутинский — практикуется во всех селениях, хотя мир оказывает помощь своим членам только в случае крайней необходимости... При особенной бедности помогающие от них не требуют никаких угощений и на работу каждый

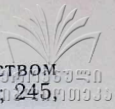
является со своим хлебом» [25, с.34]. По сведениям П.Кропоткина, «Так как хорошая еда добровольным помощникам обходится дорого, и бедняку негде её взять, то соседи, приходя на «помощь», приносят с собой и овцу для пира после работы» [136, с.248].

В 1893 г. З.Гулишвили писал: «Сжать ниву вдовам и сиротам, доставить на дом, обработать виноградники — до сих пор было частым явлением в деревне» [76]. Факт существования подобной помощи зафиксирован и С. Мглоблишвили [153, с.9].

В этнографической действительности Восточной Грузии сохранились термины, обозначающие данную форму трудового объединения. В Эрцо-Тианети нами был зафиксирован термин *с а м а д л о д д а х м а р е б а* (буквально — помощь из милости). Им обозначалась трудовая помощь при выполнении отдельных видов полевых работ. Подобная форма организации труда в Месхети была известна под названием *с а н и ч а р и* [40, с.173]. Это слово в то же время обозначало «свадебный подарок» [94, с.364; 143, с.96; 164, с. 299] и «вообще подарок, подношение» [193, с.758].

В с. Алвани среди тушинского населения безвозмездная коллективная трудовая помощь бедняку называлась *о ч х а р и*. Данный термин довольно широко использовался в Грузии и имел несколько значений. Так назывался и распространенный в горной части Восточной Грузии обычай, усматривавший помощь пострадавшим во время стихийного бедствия овчарам. В связи с этим пострадавший овчар устраивал обед, на котором приглашенные состоятельные хозяева жертвовали в пользу разорившейся семьи определенное количество овец и тем самым давали ей возможность вновь обзавестись хозяйством [43, с.77; 96, с.138; 186, с.509; 104, с.98; 202, с.138]. В данном случае этот термин вполне отображает суть данного вида материальной помощи, т.к. *о ч х а р и* этимологически обозначает «овцу» [96, с.74]. В ряде случаев слово *о ч х а р и* обозначало сбор в пользу пострадавшей семьи не только овец, но и коров [30, с.163], а также помощь бедняку деньгами [237] или зерном [96, с.79]. Следует заметить, что в Кизики подобный вид помощи назывался *о ч х и* [156, с.141].

Эти данные в некоторой степени пополняются этнографическим материалом Эрцо-Тианети. Согласно этому материалу, *о ч х а р и* подразумевало коллективную материальную помощь семье, пострадавшей от стихийного бедствия или разорившейся по какой-либо другой причине. Оказание такой помощи было связано с выполнением определенного обряда. По материалам с. Чекураант-гори, впавший в нужду человек гнал водку и отправлялся в ближайшую деревню. Там, в сравнительно состоятельной семье, устраивал пирушку. Хозяин дома созывал односельчан, сообщив им, что у него устраивается очхари. Собирались поселяне, имеющие возможность оказать какую-либо помощь бедняку. По окончании пирушки каждый из гостей обещал помочь чем мог — одни обещали дать скот, другие — зерно. На второй день человек, устроивший очхари, обходил село и собирал обещанное. Подобный обычай коллективной

материальной поддержки и помощи для обзаведения хозяйством был известен и среди других народов [98, с. 73; 167; 218, с. 86; 245, с. 67-70].

Как было отмечено выше, в с. Алвани *очхари*, помимо материальной помощи, обозначало также и коллективную трудовую помощь бедной семье. К очхари обращались при выполнении разных видов полевых работ, а также при постройке дома.

Из приведенного материала видно, что с *аничари* и *очхари* и выражали как материальную, так и трудовую помощь бедняку. Значение *очхари*, как термина, не исчерпывается вышесказанным. По определению Сулхана-Саба Орбелиани, *очхари* — то же самое, что и *мука* [164, с. 504]. Последнее же, по этнографическому материалу, означает безвозмездную трудовую помощь по приглашению хозяина работы. В толковом словаре грузинского языка *мука* объясняется как *очхари*, *нади* [193]. Последний термин также обозначает безвозмездную трудовую помощь по приглашению хозяина работы. В таком же значении зафиксирован термин *очхари* и Г.В. Джалабадзе [85, с. 33].

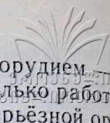
В горной части Западной Грузии, Раче, под *очхари* подразумевался пир, который устраивался осенью после сбора урожая [41, с. 33]. В Раче так именовались и общесельские пиршества, устраиваемые охотниками после массовых охот [178, с. 128].

Согласно собранному нами этнографическому материалу, в Хевсурети для трудовой помощи была отведена суббота. Помощь по субботам называлась *шабатоба* (субботник), а люди, оказывающие помощь — *мешабатэ*. В этой связи интересен термин *мешабатэ*, зафиксированный Н.Хизанашвили и Р.Л. Харадзе. По данным Р.Л. Харадзе, так именовались входящие в *маматдакопа* (ближайшие родственники — Т.Г.) все мужчины [206, с. 199].

Н.Хизанашвили в «Статьях по этнографии» так описывает этот институт: «Община является объединяющей силой, но гораздо большее значение имеет другой союз, а именно, мешабатэоба. Каждый родственник до седьмого поколения является мешабатэ. И там же поясняет: «Мешабатэоба — это группа ближайших родственников». Далее автор описывает права и обязанности мешабатэ: «В радости и горе мешабатэ должен поддерживать своего родственника. Особенно в старое время мешабатэоба придавалось большое значение» [214, 82].

Трудовая помощь бедной семье при пахании была известна под названием *хармахнави* (буквально — вол и пахарь, Тушети) [85, с. 35], *махнави* (пахарь, Хевсурети) [83, с. 75]. В этом же значении употреблялись иногда и термины *кутиало* [86, с. 85] и *гатреула* (буквально — проволооченный).

Организация коллективной трудовой помощи при пахании в горной и низменной частях Восточной Грузии осуществлялась по-разному.

В низменности земля пахалась тяжелым пахотным орудием — большим плугом, требующим 6 — 12 пар волов и несколько работников. Работа таким сложным орудием нуждалась в серьезной организации. Пахота производилась объединенными силами нескольких дворов. Последние сообща снаряжали плуг и каждому члену этого товарищества распахивали поле. Такие товарищества после завершения работы один день пахали беднякам, вдовам и сиротам, кто не мог принять участия в товариществе. В горах же, где земля пахалась легкими пахотными орудиями, требующими небольшое количество волов, обычно специально составлялись трудовые объединения для пахоты земель бедняков. Согласно нашим полевым материалам, хевсуры, переселившиеся в Эрцо-Тианети в начале XX в., продолжали пользоваться легкими пахотными орудиями, требующими одну-две пары волов и одного или двух работников. Во время пахотного сезона несколько семей объединялись и обрабатывали земли хевсурским семьям, не имеющим рабочего скота. Если семья, которой помогали, была очень бедна, то работники не требовали даже пищи. Подобный обычай был зафиксирован нами в горной части Ксанского ущелья. Аналогичными видами трудовой помощи являлись *х а р м а х н а в и* и *м а х н а в и*.

Иногда трудовой помощью являлась *г а т р е у л а*. Так называлась в низменной части Восточной Грузии вспашка первого дня при работе большим плугом. В этот день «проволакивали» плуг на один из участков, предназначенных для вспашки. Это был неполный рабочий день. Фактически в этот день происходила проверка годности плужного комплекта.

В рассматриваемое время гатреулой в основном пользовался плугарь — руководитель плужного товарищества, которому в этот день пахали сверх его доли. В более ранний период гатреула, по-видимому, являлась трудовой помощью. В конце XIX — начале XX вв. этот обычай стал уже редким явлением, однако, нам удалось засвидетельствовать бытование его и в указанный период. По полевым материалам, записанным в с. Урбниси (Картли), первым днем пахоты пользовалась бедняцкая семья, которая из-за неимения рабочего скота и пахотного орудия или его частей, а также работника, не могла вступить в товарищество в качестве его члена. Это, должно быть, является наиболее ранним видом гатреулы.

В некоторых селах Картли и Кахети нами были зафиксированы случаи, когда гатреулой пользовалась семья, устроившая перед началом пахоты ужин, на котором должны были благословить работу товарищества. Этот ужин обычно устраивал бедняк. По словам сказителя: «Кто первый просил об этом, тому и пахали гатреулу. Им обычно бывал бедняк, которого соседи жалели и поддерживали. Этот человек мог и не быть членом товарищества» (Сико Николаевич Бердзнишвили, 79 лет, с. Тортиза, Картли, 1966 г.).

По сведениям З. Гулисашвили, плугари всех плужных товариществ села дешево продавали гатреулу вдовам и сиротам и на эти деньги справляли *с а г м р т о* [76] — весенний земледельческий

обряд с пиршеством, — на который приглашалось все мужское население села.

Собранный нами в Картли и Кахети материал, а также сведения З. Гулисашвили, должно быть, воспроизводят картину более позднего периода. Но и в данных случаях гатреула пока еще является помощью беднякам. Однако, следует заметить, что приведенные случаи представляли собой исключение. В рассматриваемое время первым днем пахоты, как правило, пользовался плугарь — руководитель товарищества. За день до начала пахоты он приглашал на ужин членов плужного товарищества, за что ему представлялось право пользоваться первым днем пахоты сверх положенной ему нормы.

О том, как использовала зажиточная часть крестьянства традиции, созданные в связи с трудовой помощью беднякам, видно из материала, приведенного А. Хахановым: «Земледельцы пахут из яровой хлеб сообща ещё пол-десятины («один дгиури» — однодневная пахоть, составляющая приблизительно $1/2$ десятины) и называют это «самхвто гутани», т.е. плуг божий. За день до распахки поля, предназначенного для весенних посевов, все земледельцы вместе справляют жертвоприношение «самхвто», заключающееся в том, что пахари «продают» или, лучше сказать, за известную плату пахут однодневное «ало» вдове, сироте, бедняку «самхвто», т.е. во имя бога, из сострадания и сочувствия к маломощному собрату. С целью облегчить возможность воспользоваться этим обычаем не состоятельному сельчанину, установлено распахивать им участок рублем дешевле положенной на этот предмет платы. К сожалению, теперь плуги на этот день «самхвто» скупаются часто зажиточными крестьянами, хотя ещё не осмеливаются явно и открыто нарушать священный порядок, идущий с древних времен, в уверенности, что плуг «не будет доставлять им обилия». Богатые прибегают к хитрости, чтобы воспользоваться дешевым плугом. Они отдают деньги бедным, которые и покупают для них «самхвто гутани» — божий плуг» [210, с. 195].

В Восточной Грузии был известен термин *ку т и а л о*. В предгорной полосе Картли им обозначалось однодневное пахание беднякам товариществом, объединенным вокруг *ор х е л а*, грядильного пахотного орудия [86, с. 85]. По собранному нами полевому материалу, в Кахети (Телавский район) под *ку т и а л о* подразумевалось однодневное пахание, которое плужное товарищество (при работе большим плугом) продавало, чтобы на вырученные деньги устроить пирушку, отмечая окончание пахоты. Этот факт тоже указывает на трансформацию старых законов и обычаев. Примечательно, что старый обычай безвозмездной трудовой помощи беднякам сохранился именно при работе сравнительно несложным пахотным орудием — орхелой.

Коллективная помощь беднякам оказывалась при выполнении всех видов полевых работ.

Масштабы трудового объединения и его характер зависели от выполняемой работы, а также и от местных условий. В одних случаях это имело стихийный характер, в других случаях проходило организовано. Сравнительно организованный характер имела подобная трудовая помощь в деревнях, населенных государственными крестьянами, т.к. там действовали законы общинного землепользования — все однородные работы проводились одновременно.¹ Несмотря на индивидуальное пользование земельными участками, отдельные думы тесно были связаны между собой в хозяйственном отношении. Если семья по какой-либо причине не успевала справиться с работой, односельчане помогали ей. По словам сказителя, «в случае смерти главы семьи вся деревня сговаривалась и принимала решение помочь вдове и сиротам» (Давид Хитоевич Сибошвили, 82 года, с. Патардзеули, Кахети, 1973 г.).

Согласно материалу, записанному в с. Мусхи (Месхети), в случае, если семья из-за неимения рабочей силы и рабочего скота, не успевала справиться с какой-либо работой (сбор, перевозка урожая), священник созывал людей. Явившиеся на зов, узнав кому и в чем должны помочь, немедленно отправлялись и оказывали соответствующую помощь. Помогали, по местному выражению, «бога ради», «из сострадания», «из уважения к соседу».

В Хеви, в случае, если у вдов и сирот в поле оставались снопы хлеба, полевой сторож сообщал об этом односельчанам, которые немедленно оказывали помощь [84, с.219].

В рассматриваемое время безвозмездная коллективная трудовая помощь беднякам не была обусловлена родственными отношениями. Однако, *м е ш а б а т э* (Хевсурети) — термин, обозначающий как людей, оказывающих трудовую помощь, так и ближайших родственников — говорит о ранее существовавшем родственном принципе при подобной помощи.

Трудовую помощь обычно оказывали в т.н. «запретные» дни, когда работать на себя было запрещено во избежание града или других бедствий. В Кахети (с.Череме) для помощи вдовам и сиротам был предназначен понедельник. В Хевсурети для этого была отведена суббота.

Обычай трудовой помощи бедной семье широко был распространен в Западной Грузии². В Самегрело данная форма организации труда именовалась специальным термином — *ш е н ц о о б а*

¹ Лица, преступившие этот обычай, наказывались. По сведению З. Гулисашвили, в Кизики в случае, если кто-нибудь осмеливался раньше срока скосить сено, то последнее у него отбирали в пользу бедняков; позже этим обычаем стали пользоваться «хапуги» [75, с.282]. Обычай одновременного проведения однородных сельскохозяйственных работ строго соблюдался и другими народами [126, с.541 — 542, 551; 127, с.18; 218, с.58].

² По сведениям А. Цуладзе, в Гурии (Западная Грузия) часто односельчане коллективно обрабатывали земельные участки семьям политических ссыльных и убитых в годы реакции, а также солдатским семьям во время империалистической войны. Иногда хозяева обрабатываемых участков узнавали об оказанной им трудовой помощи спустя несколько дней [115, с.24].

[65, с.56]. В Осетии такого вида трудовая помощь называлась а н-х о с [120, с.60]. Эта простая форма кооперации была известна среди народов мира [105, с.78].

Итак, в конце XIX — начале XX вв. в виде пережитка продолжала существовать старая форма коллективного труда — безвозмездная трудовая помощь бедной семье. Однако, данная форма коллективного труда в новых условиях зачастую значительно менялась. Из приведенного материала видно, как использовала в своих интересах зажиточная часть сельского населения старый обычай поддержки бедняков.

ГЛАВА II

«ДАДЗАХИЛИ»

В Восточной Грузии широко была известна одна из форм трудовых объединений — коллективная трудовая помощь по приглашению хозяина работы за угощение. У семьи, которой помогали, было моральное обязательство в случае надобности ответить тем же.

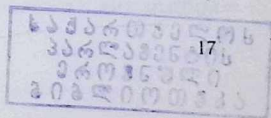
Исследователь экономического быта государственных крестьян Тианетского уезда М.В. Мачабели писал: «Взаимная помощь в горах сильно развита... Рабочие деревни собираются у того, который их пригласил... Все работают без вознаграждения и только хозяин обязан угостить рабочих» [150, с.447 — 448].

Данная форма организации труда в отдельных уголках Восточной Грузии обозначалась разными терминами — д а д з а х и л и, (зов), к о м а г и (защитник), м у ш а || м у ш а н и (рабочие), м а м к а л и (жнецы), м а м к л и с ш е к р а (сбор жнецов), м о м к а л м у ш а (рабочие жнецы), х а д и л и (зов), у л а м и, м а м и т а д и, н а д и, м у к а, о ч х а р и, с е п е³. Наиболее распространенным среди них был термин д а д з а х и л и.

К дадзахили обращались во время особо трудоемких и спешных работ, для выполнения которых сил одной семьи было недостаточно. Широко применялось дадзахили при уборке хлеба.

Благодаря климатическим условиям уборка хлебов производилась в очень короткий срок. Каждый вид, а также сорт злаковых требовал своевременной уборки. В противном случае зерно могло перезреть и осыпаться. Некоторые сорта зерновых убирались не вполне вызревшими, и затем окончательно дозревали после уборки, в скирдах. В силу этого обстоятельства уборка урожая считалась особенно срочным делом. Кроме этого, как и выше было сказано, все однородные работы было желательно провести одновременно. Особенно это касалось селений, где были в силе традиции общинного землепользования.

³ Часть из этих терминов, а именно, н а д и, с е п е, м а м и т а д и, у л а м и, м у ш а, помимо данной формы организации труда, обозначали и трудовую повинность в феодальной Грузии.

Уборка хлебов производилась с помощью серпа или косы. В Грузии поле большей частью жалось; коса употреблялась только на равнине.

Остановимся подробнее на дадзахили при жатве. Хозяин, решивший пригласить для помощи в жатве соседей и односельчан, заранее приготавливал к назначенному для помощи дню угощение. Запасался вином, хлебом, закалывал скот. Вечером, накануне предполагаемой работы, он оповещал село, что завтра приглашает к себе помогать в жатве. В назначенный день с рассветом соседи собирались у дома хозяина, а затем отправлялись в поле. По прибытии на предназначенное для жатвы место, после благословения хозяина, принимались за работу.

Труд между рабочими был разделен. Одна часть работников — *м о м к а л и* (жнецы) — жала, т.е. срезала серпами колосья, оставляя *х е л е у р и* (охапки стеблей хлебных злаков) на месте. Те, которые подбирали хелеури, назывались *м е х е л е у р е*. Последние относили сжатый хлеб к *м е д з н е у р и* (Картли, Кахети), *м к о н а в и* (Гудамакари) — вязальщику, обязанность которого заключалась в вязании сжатого хлеба в снопы. Вязали снопы при помощи перевясел — *у л о*. В низменной части Восточной Грузии был выделен и т.н. *м е у л о е* — человек, который приготавливал перевясла из предварительно размеченной соломы. В горной части (Ксанское ущелье) при многолюдном дадзахили выделяли и человека, складывающего *к о ч а л а* — копны, состоящие из 12 снопов.

Обычно на 2 — 3 жнеца требовался один медзнеури. В горах, по сравнению с низменной частью, вязали снопы меньше по величине. Там два хелеури составляли один сноп.

Вязальщик, связав снопы, клал их по несколько штук вместе. В низменной части Картли было принято складывать по три снопа, в Кахети — по четыре снопа. Это называлось *д а с а м е у л е б а* (буквально — ставить по три штуки) и *д а о т х е у л е б а* (буквально — ставить по четыре штуки).

Следует отметить, что когда семья самостоятельно жала поле, обычно не выделялся меуло, мог отсутствовать и мехелеуре. Их обязанность ложилась на вязальщика. Когда же эта работа выполнялась по приглашению соседей и односельчан, вышеприведенное разделение труда в большинстве случаев оставалось в силе. Такое разделение труда давало возможность рационального распределения сил и таким образом обуславливало успешность труда.

В низменной и предгорной частях Восточной Грузии в дадзахили при жатве, как правило, участвовали только мужчины, а в горной части — мужчины и женщины. По материалам горной части Ксанского ущелья серпом работали мужчины, вязали снопы преимущественно женщины. Они же выполняли и роль мехелеуре. Что же касается Тушети, Пшави, Хевсурети, а также Мтиулет-Гудамакари и Хави, там жали преимущественно женщины [144, с.47; 148, с.65]. Интересным фактом является то, что в Тушети девушке, вы-

давая замуж, давали в приданое серп [204, с.208]. По сведениям И. Чкония, в Мтиулет и Картли обязательным элементом приданого являлись серп и с а т и т э (деревянные наперстки, применяемые во время жатвы) [235, с.85]. По его же сообщению, при выборе невесты особое внимание обращалось на её работоспособность [235, с.85].

Коллективная работа проходила в праздничном настроении, сопровождалась весельем. Песня помогала выработать ритм и такт в работе группы, облегчала процесс труда, являлась силой, организующей коллектив и способствовала повышению производительности труда [28, с.268]. Песня придавала работе торжественность.

Жатва сопровождалась разными песнями, которые соответствовали отдельным моментам и специфическому ритму выполняемого трудового процесса.

По материалу, записанному Т.Мамаладзе в Кахети, приступая к работе, пели «мушури» — т.н. «длинные песни», затем переходили на «негиога», «хопуна» — т.н. «короткие песни», состоящие в основном из припевов и восклицаний. Во время отдыха и по дороге домой, после окончания жатвы, опять пели «мушури». Во время заточки серпов пели «намгало» [149, с.61—64, 107]. По сведениям Т. Окрошидзе, после окончания жатвы перед уходом домой танцевали «перхули» и пели «мушури» [162, с.91].

По описанию Г.Надирадзе, во время жатвы жнецы пели «хопуна», по окончании жатвы одного ряда жнецы поворачивались, становились бок о бок и начинали петь «мушури». «Мушури» — песня отдыха и восстановления сил» [158, с.18 — 19].

По материалам Ф.Гогичайшвили, «Во время жатвы пшеницы рабочие распределяются по бороздам, в середину ряда становится старший рабочий. Он является вместе с тем и лучшим жнецом. Он запекает и этим подает знак всем. Пение определяет ритм всей работы. Старшой начинает его громким: «гооп», остальные повторяют: «гооп!» Потом старшой поет один стих песни — «Ты, парень, из Азамбури». Остальные повторяют его. Старшой поет снова «гооп!», все повторяют. За этим следует продолжение песни «Твой голос далеко звучит», потом снова «гооп!», «гооп!». Это «гооп» повторяется до 4-х раз... При каждом «гооп» или соответствующем ему стихе песни, жнец делает движение серпом и захватывает срезанную пшеницу левой рукой... Когда серпы затупятся, делают передышку. Все достают точильные брусы и в такт особой песни оттачивают серпы» [48, с.203].

В Земо Имерети жатва сопровождалась восклицаниями «hek!» «hok!» «heka!» «hoka!» [80, с.73]. В Картли (с. Корди) во время жатвы выкрикивали: «хоопуна, авхе, авхе»... «hem ой, hem ой».

Были также песни медзнеури, мехелеуре и лиц, ставящих скирды. Они от песен жнецов отличались содержанием и лексикой [149, с.113].

Тематика жатвенных песен разнообразна. Среди них встречаются любовные, шуточные тексты, но большинство из них отобра-

жает процесс труда. Во многих из этих песен встречается и социальная тематика.

Приводим некоторые образцы жатвенных песен.

Песни, распространенные в Картли и Кахети, записанные Ф.Гогичайшвили.

შენ, ბიჭო, აზამბურელო,
შენი ხმა ჩამოდიოდა.
შენი ნამგლისა ჟრიალი
წყალ გაღმა გამოდიოდა.
აზამბურელი მომეძალი
მე მოგვკალ უთარელმაო.
არცა შენ მოჰკალ, არცა მე,
მინდორმა მოჰკლა გრძელმაო.

Ты, парень, из Азамбури,
Твой голос далеко звучит,
А взмахи твоего серпа
Мы слышали из-за реки!
Азамбурийского жнеца
Я, Утариец, сшиб серпом,
Не я, не ты его сразил,
Он длинным полем утомлен.

[48, с.204]

გავლესოთ, ძმებო, ნამგალი,
პური შეგვექნია სამკალი

დელაო!
ჯერ ჰოპუმ დავაგუგუნოთ
და მერე პარიარალი,

ვერა ხედავ ჩვენს მეთაურს,
როგორა ხტის, გული უხურს.
რა სიამით და სიხარბით
ჩაჰყურებს დამძიმებულ პურს!

მეთაურო, დაგვაცალე
ჯერ ეს ყანწი გამოცალე!
მერე გნახავ, რაც ბიჭი ხარ,
ნამგალი დაატრიალე.

Ну, серпы точите, братцы!
Наш маис созрел для жатвы

Делао!

Мы споем сначала «Хопум!», а потом «Хариарали!»

Посмотри-ка на старшого,
Как он весело смеется,
Радуюсь богатой ниве!
Дай старшой нам передышку,
Выпить мы хотим из рога,
Посмотрю, как вы пойдете
Как серпами зазвените.

[48, с.206—207]

Жатвенные песни из книги Г.Чхиквадзе «Грузинская народная песня».

ჰერი ეგა

ჰერი, ჰერი, ჰერი ეგა!
ყანას უნდა ბაგი-ბუგი,

Нэри ега

ჰერი, ჰერი, ჰერი ეგა!
Шум, натиск нужны на полях,

ჰერი, ჰერი, ეგრე ბიჭო,
ვალაღალო, ვაიმე ბიჭო!
ჰეი, ჰეი ვაიმე ბიჭო!
ჰერი, ჰერი, ჰერი ეგა!
ომი გადასავალია,
ჰერი, ჰერი, ეგრე ბიჭო,
ჰერი.
ჰერი, ჰერი, ჰერი ეგა!
შენ გიყურებ თეთრო ქალო.
ჰერი, ჰერი ეგრე ბიჭო,
ჰერი...
ჰერი, ჰერი, ჰერი ეგა!
თორემ ქალი მრავალია

ჰერი, ჰერი, ეგრე ბიჭო,
ჰერი...

ჰერი, ჰერი, так ребята,
Валалало, ой ты парень,
хэй, хэй, ой ты парень.
ჰერი, ჰერი, ჰერი эга!
Сражение нам предстоит,
ჰერი, ჰერი, так ребята,
ჰერი...
ჰერი, ჰერი, эри эга!
Тебя я жду, белолицая,
ჰერი, ჰერი, так ребята,
ჰერი...
ჰერი, ჰერი, ჰერი эга!
Хоть немало женщин дру-
гих,
ჰერი, ჰერი, так ребята,
ჰერი...

(Картли) [244, с.98]

გლესამ და გლესამ ნამგალო
გლესამ და გლესამ ნამგალო,
ნამგალო, ჩემო რკინა!
ქასური საღესავითა,
ნამგალო, ჩემო რკინა!
გაგლესამ და მიგაყუდებ,
ნამგალო, ჩემო რკინა!
გასჭერ, გამიძებს წინა,
ნამგალო, ჩემო რკინა!

Точу, наточу тебя, серп
Точу, наточу тебя, серп,
Серп мой стальной!
Оселком, точилом,
Серп мой стальной.
Наточу, прислоню к стене,
Серп мой, стальной!
Веди меня за собой
Серп мой, стальной!

(Картли, Кахети) [244, с.112, 273]

მკის სიმღერა
გავლესოთ, ძმებო, ნამგალი,
პური შეგვქმნია სამკალი, არაღალო...

ჯერ „ჰოოპუმ“ დავაგუგუნოთ
და მერე „ჰარიარალე“, არაღალო...

ვერა ხედავთ ჩვენს მეთაურს,

Песня жнецов
Отточим, братцы, серпы,
Уже пора жать ниву, ара-
лало...
Сначала грянем «hoопум»,
Потом и «hარიарале»,
аралало...
Видишь нашего передово-
го,

როგორა ხტის, გული უხურს? არაღა-
ლო.

Как он спешит, разгоря-
чась? аралало.

(Кахети) [244, с.267]

Как отмечает Д.Аракишвили, в жатвенных песнях «отображе-
но соревнование жнецов, а во время работы отставать нельзя. Уни-
сонный мотив песни, быстрый по ритму, подгоняет, подталкивает и
заставляет быстрее работать» [22, с.16].

Между хорошими жнецами устраивалось соревнование — да-
д ж и б р е б а. Тут должен был проявиться лучший жнец — та в и
м о м к а л и (буквально — глава жнецов). По описанию Д.Ара-
кишвили, соревнование состояло в следующем: рабочие распреде-
лялись по рядам и одновременно начинали жать. Кто первый про-
ходил в конец, то получал награду, состоящую из головы барана
или кабана, 2 — 3 кувшинов вина и закуски [23, с.182].

Н.Берзенов следующим образом описывает процесс жатвы:
«Начинает обыкновенно тот, который утвердил за собою славу бра-
вого, сильного, ловкого жнеца; с громким, пронзительным кликом
«опума», «опума»!, с сверкающим серпом в руке, он вихрем устрем-
ляется на ниву, и не проходит минуты, как он уже очутился впере-
ди всех, в самой чаще золотистых волн, и только слышен вдали его
клич, в самом деле похожий на ржание дикого коня, когда он, жи-
вописно распустив хвост и гриву, мчится в необозримой степи...
Другие с теми же кликами подвигаются вперед, ловко складывая
направо и налево сжатые снопы и стараясь не слишком отстать от
молодца — товарища. Любо видеть этих тружеников в самом раз-
гаре их тяжелого занятия» [39].

Жатва напоминала битву со всеми своими атрибутами: коман-
дирами, подразделениями и боевым планом [162, с.85].

В жатвенных стихах замечательно отображены как процесс жа-
твы [195, с.82 — 87, 252], так и традиция трудовой взаимопомощи
[162, с.154; 133, с.185; 195, с.82; 252]. В устном народном творчест-
ве восхваляют лучшего жнеца. В одном из таких стихов говорится:

იქნება კარგად ვერ იცნობ

იმ ეროვნებაშილსაო,
თითო ციდა ფეხები აქვს,
ფრთები აქვს შვეარდნისაო.
მუშაში რომ შეერევა

სიცილი მოსდევს პირსაო,

Может вы хорошо не знае-
те

Того Эрбационашвили.
Ноги у него с ноготок,
А крылья соколиные.
Когда начинает он рабо-
тать,
Улыбка не сходит с его ли-
ца.

ისე დაჰვანტავს მუშასა
როგორც მიძინო მწყერსაო

Так разбросит рабочих в
разные стороны.
Как ястреб перепелок.

(Михако Захарович Мекокишвили, 90 лет, с. Гиორгицминда, Кахетия 1973. г.).

Соревновались также между собой жнецы и вязальщики снопов. Если вязальщик лучше справлялся со своим делом — быстрее вязал снопы, чем жнец жал поле, то он обматывал ногу жнецу перевязлом. Если же наоборот, жнец побеждал в соревновании, т.е. вязальщик не поспевал за ним в работе, то жнец охапки сжатого хлеба разбрасывал по полю беспорядочно.

К. Маркс большое значение придавал соревнованию в коллективном труде. Он писал: «Общественный контакт вызывает соревнование и своеобразное повышение жизненной энергии (animal spirits), увеличивающее индивидуальную производительность отдельных лиц» [1, с.337].

Работа сопровождалась шутками и весельем. Если на дороге появлялся случайный путник, один из жнецов подавал ему хелеури. Прохожий должен был жнеца взамен наградить рублем или чем-нибудь другим. В противном случае путника ожидал сквернословный сатирический стишок.

По окончании жатвы вечером все вместе принимались складывать снопы в копны, конусообразные кучи, которые в разных частях Восточной Грузии именовались по-разному: п е х и (Картли, низменная часть Ксанского ущелья), о ц е у л и (предгорная полоса Картли), а т э у л и (Кизики, Гаре Кахети), п т э м о к ц е у л и (Кахети, Телавский район), ц е р а ႁ ц е р и л а (Эрцо-Тианети), к о ч а л а (Картли, горная часть Ксанского ущелья). Каждая из них содержала разное количество снопов и складывалась по-разному, но так, чтоб зерно не промокало в случае дождя. В этом виде снопы оставались до полной просушки.

По окончании работы из последних колосьев лучший жнец — м е с в е у р и делал м к и с д ж в а р и (жатвенный крест), прикреплял к маленькой палочке, называемой м у ш а, и с ним, как знаком окончания жатвы, отправлялся домой к хозяину работы. Подавал крест хозяйке со словами пожелания, чтоб и впредь был такой урожай. «Амины!» — отвечала хозяйка и в награду давала петуха. Иногда в придачу давали и деньги. Крест из колосьев хозяева вешали у себя дома на стене или прикрепляли к столбу, а иногда клали в амбар; затем, при молотье нового урожая хлеба, бросали в первый настил.

Жатвенный крест подносили также проезжающей знатной особе, за что приветствуемый должен был одарить жнецов; иначе ему угрожал сатирический куплет по его адресу [211].

В Кахети существовал такой обычай: в день «выноса семян» из колосьев жатвенного креста выбивали зерна, «причащали вином»,

и сыпали в семена, приговаривая — «да будет и впредь такой урожай!» [182, с.104].

Точно соблюдался режим отдыха и питания. В течение рабочего дня несколько раз отдыхали. На питание рабочего человека в Грузии обращалось особое внимание. Увеличение и подбор дневного рациона определялись тяжестью выполняемой работы [90, с. 171]. Исходя из этого при жатве рабочих кормили лучше, чем во время других работ. Дневной рацион работников, занятых на жатве, сводился к четырехразовому питанию [90, с.174].

Иногда после окончания жатвы каждой полосы (с в е) хозяин угощал рабочих вином⁴.

По окончании работы все отправлялись к хозяину поля домой, где их ждал щедрый ужин. Голова зарезанного для этого ужина животного принадлежала «главе» жнецов. В Картли, согласно нашему полевому материалу, ему преподносили кабанью голову; в Кахети, по свидетельству Г.Ф. Чурсина, в этот день закалывали барана и главе жнецов в знак особого почта подавали голову и ножки барана [240, с.18], а по сведениям А.Хаханова, лучший жнец получал рыбу и куриную головы [211]⁵.

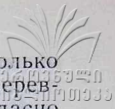
В одном стихотворении, записанном в с. Ламискана (Картли), нами зафиксирован термин *м о к в р и с м у ш а* (буквально — рабочие свояка), который обозначал трудовую помощь при жатве. В связи с этим заслуживает внимание известный в Гурии (Западная Грузия) *м о к в р и с н а д и*, суть которого заключалась в следующем: хозяин работы просил у своего родственника, проживающего в другой деревне, помочь ему в мотыжении кукурузных посевов. Родственник являлся для помощи в работе вместе со своими односельчанами [62, с.45].

Дадзахили устраивалось, как правило, в установленные селением запретные дни, именуемые *а к р д з а л у л и д г е*, *ш е н а х у л и д г е*, *к а д а г а д а д е б у л и д г е*, *а г к в е т и л и д г е*. В эти дни работать на себя было запрещено, считалось грехом, работать же для других дозволялось. По словам информатора, «все были загружены своими делами и поэтому если не в запретные дни, в другое время для соседей не удосуживались» (Мзия Георгиевна Гигаури, 75 лет, с. Архоти, Хевсурети, 1972 г.).

Согласно собранному нами материалу, в низменной части Картли и Кахети запретным днем был преимущественно понедельник. Этот день назывался *с е т к в и с д г е* (день града) || *с е т к в и с*

⁴ В Лечхуми (Западная Грузия) земельный участок, предназначенный для мотыжения, делили на несколько равных частей — *с в р е л и* || *с у р и е л и*. Все участники трудового объединения (*н а д и*) обрабатывали сперва первый сврели, затем второй и т.д. Лучший работник назывался *м е с в р е л е* || *м е с у р и е л е*. В конце каждого сврели стояли 2-3 кувшина с вином и *ч а к в а* — деревянные сосуды для питья вина. По окончании мотыжения каждого сврели рабочие отдыхали, угощаясь вином.

⁵ В Лечхуми (Западная Грузия) на ужине, устраиваемом после коллективной работы по очистке нового лесного участка под пашню лучшему работнику подавали голову заколотого для этого ужина животного.

укме (праздник града). В горной части обычно было несколько запретных дней. В каждом уголке, а иногда даже в разных деревнях в пределах одного уголка были свои запретные дни. Согласно нашим материалам, в Хевсурети запретными днями были пятница, суббота, понедельник, в Тушети — пятница, суббота, в Пшави — понедельник и суббота, в Гудамакари — пятница и понедельник, в горной части Ксанского ущелья — пятница и суббота. Это те дни, которые праздновались большинством деревень.

Запретные дни устанавливались в горах после окончания весеннего пахания, а в низменности — перед началом летнего пахания. Празднование запретных дней в одних местах (Картли—с.с.Одзиси, Дзегви) продолжалось до полного окончания жатвы, в других (Гудамакари, Хевсурети) — до окончания жатвы земельных угодий святилища. В горной части Ксанского ущелья (Картли) празднование запретных дней продолжалось до окончания жатвы ячменя.

Если семья нуждалась в помощи при срочных работах, в частности, при жатве, она могла пригласить рабочих именно в эти дни, но для этого в горах необходимо было совершить определенный обряд, называемый укмис данатвла (буквально — окрещение праздника). Это заключалось в следующем: хозяин работы должен был принести в жертву святилищу скот и тем самым выпросить прощение за нарушение праздничного дня. В Хевсурети в таких случаях закалывали козленка. Этот обряд совершал служитель святилища — хуцеси. Кожу козленка рабочие разрывали на мелкие куски и делили между собой. Затем зажигали свечи; гостей угощали кадой — сдобными лепешками с начинкой из муки, поджаренной на масле. Эта церемония совершалась на бани — плоской кровле дома. Совершив жертвоприношение, можно было пригласить односельчан для работы. Этот обычай засвидетельствован М.Ковалевским [126, с.209].

В том случае, если поселянин приглашал к себе соседей работать в воскресенье, по словам информаторов, он должен был заколоть козла или барана.

За сбором урожая следовала перевозка. Урожай перевозился в низменности специальными арбами — садзнеуреми (буквально — арба для снопов), в горной части на санях, а в переходной части с помощью болотриа⁶ [59, с.30 — 40]. Крестьянин, нуждавшийся в помощи, сообщал односельчанам, что на такой-то день у него назначено дадзахили. В назначенное время собирались соседи со своими средствами перевозки и за один день перевозили весь урожай. По материалу Ксанского ущелья в таких работах часто принимали участие и жители соседних деревень.

При расчистке новых лесных участков под пашню данная форма взаимопомощи, помимо дадзахили, обозначалась термина-

⁶ Болотриа — средство перевозки смешанного типа, конструкция которого основывается на комбинированном применении принципа скольжения и качения [59, с.161].

ми: мушани (рабочие — Хевсурети) [83, с.74], дадзахи и муша (созванные рабочие), улами (Ксанское ущелье).

Расчистка леса под пашню являлась довольно трудоемким делом. Об этом свидетельствует тот факт, что добытые таким путем пахотные участки — ахо в течение определенного времени оставались за дымом, добывшим его, как бы вознаграждение за затраченный труд. Затем, по истечении срока, ахо переходило в общественное владение [75, с.289; 83, с.7; 150, с.376]. Аналогичное явление имело место и в том случае, если крестьянский дым расчищал участок для пашни в частновладельческом лесу. Вложенный в это дело труд давал ему право пользоваться этим участком безвозмездно один год (Кахети, с. Ожио). В селах Эрцо-Тианети такими участками пользовались безвозмездно до их «полного истощения».

Расчистка леса под пашню широко была распространена в горной и предгорной частях Восточной Грузии. Коротко коснемся этого процесса.

В Картли, а именно, в Ксанском ущелье, расчистка новых участков леса производилась весной или осенью. В горной части данного ущелья этим занимались преимущественно весной (март, апрель), в предгорной полосе — весной или осенью. На покрытом лесом склоне горы выбирали сравнительно ровное место. Лучшей считалась земля, поросшая густым лесом, т.к. она имела более толстый слой почвы. Деревья срубали и вывозили; затем с помощью карчи (орудие для ручной обработки земли) производилось корчевание. Выкопанные корни собирали на одном месте и сжигали. Зола разбрасывали по участку с целью удобрения почвы. Иногда срубленные деревья не вывозили, а сжигали там же для получения древесного угля. Для этого вырывали яму, клали туда поленья и зажигали огонь. По мере сгорания, постепенно добавляли поленья до тех пор, пока вся яма не наполнялась горящими углями, которые затем засыпали землей и утапывали. Через неделю уголь был готов. Его применяли, главным образом, в кузницах. Этот способ расчистки леса был распространен в горной части Ксанского ущелья.

В Кахети (Телавский район) лес вырубали летом, чтобы при сильной жаре быстрее высохли деревья; осенью, в октябре, сжигали. Затем начинали корчевать с помощью мотыг и заступов. В с. Ожио (Телавский район) вырубали кустарник и затем корчевали посредством заступов и кирок. К сжигению обращались в случаях, если кустарник был тернистым.

Таким образом, работа, связанная с расчисткой нового лесного участка под пашню, состояла из разных последовательных процессов. Одним из этих процессов являлась очистка участка от корней деревьев и взрыхление почвы. При этой работе часто обращались к дадзахи.

Если семья расчисткой нового участка занималась самостоятельно, то в горах женщины работали наравне с мужчинами. Старики и подростки тоже принимали участие. Если же для корчева-

ния леса приглашались соседи, то собирались только мужчины. Обязанность женщины ограничивалась доставкой еды.

Помимо вышеприведенных сельскохозяйственных работ дадзали применялось и при выполнении менее трудоемких работ, какими были лущение и молотьба кукурузы.

Лущение кукурузы считалось женским делом. Женщины собирались по приглашению хозяйки дома обычно по вечерам. В то время как они занимались лущением кукурузы, мужчины (члены семьи, для которой работали) вязали кукурузную солому в небольшие связки — *к о н а*. На этих вечерах имели место разные увеселения и игры, шутки. После окончания работы хозяйка дома щедро угощала приглашенных.

При молотьбе кукурузы (*д а п ш в н а*, *г а н а к в а*, *д а н а к в а*) приглашалась молодежь — парни и девушки. По материалу, записанному нами в Месхети, очищенные от обертки кукурузные початки собирались на специально отведенном для этого месте — *к а л о*. Обмолачивание производилось ударами цепов (*х е л и с к е т и*) по початкам, уложенным в корзину. Этим делом занимались парни. Обмолоченное кукурузное зерно девушки просивали через грохот. Работа продолжалась допоздна и заканчивалась щедрым угощением, сопровождавшимся весельем, шутками, танцами и играми.

Все рассмотренные случаи взаимопомощи относятся к одному типу трудовых объединений — по приглашению хозяина работы, за угощение. Они отличались друг от друга по виду выполняемой работы.

Согласно нашим полевым материалам, воспроизводящим картину конца XIX — начала XX вв., такая взаимопомощь не была обусловлена родственными связями; устраивалась на один день. Хозяин работы и сам принимал участие в работе. Рабочие шли со своими орудиями труда; четко был установлен режим труда, питания и отдыха. Хозяин работы был обязан в этот день обеспечить всех пищей, а по окончании работы следовало щедрое угощение.

Указанные группы бывали мужскими, женскими или смешанными. Это зависело от вида выполняемой работы, а также от местности (в горной части женщина активно участвовала в сельскохозяйственных работах, в то время как в низменности её роль в этой области была сильно ограничена).

Коллективная работа велась в праздничном настроении, сопровождалась весельем.

Следует отметить, что при данной форме взаимопомощи работа имела особенно торжественный характер, подчас превращаясь в обрядность. В данном случае более точно выполнялись обычаи и режим, связанные с коллективными работами, чем при вышерассмотренной форме коллективного труда — помощи несостоятельным семьям, а также при *н а ц в а л г а р д а*, о которой речь будет ниже.

Подобная форма взаимопомощи в Западной Грузии была изве-

стна под названием *нади* (Имерети, Гурия), *ноди* (Самегрело), *мешвели* (Рача) [45, с.211; 175, с.317].

К данной форме трудовой взаимопомощи прибегали также и при выполнении других работ. При постройке дома в Хеви и Картли она именовалась *ула м* [59, с.129; 194, с.70; 107, с.10], в Триалети — *кома ги* [20, с.25], в Аджаре была известна под названием *нади* [121, с.96]. Взаимопомощь при прядении и трепании шерсти носила название *сакмис сагамо* (буквально — вечер дела, Хеви) [217, с.368], *мчечелни* (трепальщицы, Хевсурети) [217, с.378], *мортави* (прядильщицы, Месхети) [121, с.122].

Ф.Гогичаишвили отмечал, что безвозмездная материальная помощь, которую соседи оказывали семье, по случаю смерти или свадьбы, по сути, несомненно, являлась аналогичной *нади* (безвозмездная трудовая помощь по приглашению хозяина работы), «хотя в данном случае (при оказывании материальной помощи — Т.Г.) люди сами идут, их не «просят» об этом» [67, с.69].

Данная форма трудовой взаимопомощи имеет аналогии на Кавказе. В Осетии она была известна под названием *зиу* [55, с.88; 180, с.29; 241, с.33—34], в различных частях Дагестана под названием *гвай* [27, с.57], *марша* [163, с.9—16], *вук а* [18, с.76]. В Азербайджане она именовалась *имеджилек* [74, с.22], в Узбекистане — *урук хашар* [15, с.49]. Широко была известна и среди народов мира [105, с.85, 87; 135, с.77; 74, с.222].

Касаясь данной формы коллективного труда, авторы отмечают, что в более ранний период для нее определяющим моментом являлся фактор взаимного обязательства [46, с.94; 105, с.78; 135, с.79]. Но в условиях углубления имущественной дифференциации крестьян эта форма трудового объединения в некоторых случаях утрачивала характер взаимного обязательства, превращаясь в привилегию зажиточных слоев деревни [120, с.74; 15, с.51; 46, с.80; 98, с.74; 131, с.114; 132, с.16].

Данное положение подтверждается и этнографическим материалом Восточной Грузии. Анализ этого материала показывает, что в условиях имущественной дифференциации крестьянства [35, 197] данная форма коллективного труда зачастую утрачивала характер взаимного обязательства и превращалась в средство приобретения бесплатной рабочей силы зажиточным населением деревни. У бедняков не было ни крупных сельскохозяйственных работ, ни возможности обильного угощения. Поэтому они редко прибегали к приглашению соседей для работы, хотя и имели на это право. Если же обращались к *дадзахили*, то последнее у бедняков бывало немногочисленным. Зажиточная же часть сельского населения, имея возможность за одно угощение выполнить крупные сельскохозяйственные работы, часто обращалась к этому обычаю и пользовалась даровым трудом односельчан. В связи с масштабами *дадзахили* интересным является одно сведение, приведенное И.Чавчавадзе. Однажды по пути в Кахети царь Ираклий II, увидев в

поле множество жнецов, заинтересовался на кого работали эти люди. Ему доложили, что это «мамитади», работающий на одного зажиточного крестьянина, из с. Сагареджо. По словам сказителя, «обычай мамитади заключался в том, что хитрый, умелый человек созывал бедняков и заставлял работать на него ради одного угощения» (Вано Гаврилович Ростомашвили, 87 лет, с. Ниноцминда, Кахети, 1973 г.).

По материалу с. Дадинети (Ксанское ущелье), зажиточная семья отдавала односельчанам к празднику барана, за что крестьяне этого села жали ему поле один день.

Из приведенного материала видно, что старый обычай трудовой взаимопомощи в новых условиях соответствующим образом использовался зажиточной частью деревни в ущерб сельской бедноте и таким образом становился одной из форм эксплуатации. Следует заметить, что степень трансформации данной формы взаимопомощи зависела от конкретных условий. В этом отношении определенную роль играли как уровень социально-экономического развития общества, так и характер выполняемой работы. При выполнении особенно трудоемких и спешных работ (жатва, перевозка урожая), когда в селе был большой спрос на рабочих, данная простая форма трудового объединения в большинстве случаев утратила взаимный характер. В особенности в низменности (где был сравнительно высокий уровень социально-экономического развития общества) этой традицией пользовались преимущественно состоятельные крестьяне, от которых сельская беднота в какой-то мере и зависела. В таких случаях дадзахили приобретало характер узаконенного обязательства бедного по отношению к богатому.

ГЛАВА III «НАЦВАЛГАРДА»

Одной из форм взаимопомощи является трудовое объединение, основанное на принципе равного возмещения затраченного труда. Условившись взаимно помогать друг другу, несколько крестьян объединялись и сообща, по очереди работали друг у друга равное количество дней. Таким образом, все члены товарищества получали одинаковую трудовую помощь. Касаясь данной формы взаимопомощи, А.И. Робакидзе указывает, что это товарищество построено на почве общих хозяйственных интересов. В нем уже нет обязательства помощи беднякам, но пока нет также и отдачи своего труда зажиточным крестьянам [177, с.410].

Бытование подобной формы организации труда в Тифлисском уезде засвидетельствовано С.В. Мачабели [152, с.239].

Данная форма трудовой взаимопомощи обозначалась разными терминами — нацвалгарда, || санацvlo мушаоба || хелнацvloба || данацvлебит мушаоба (работа взамен), дгиснацvloба (день за день), нацвалгардо-

ба х а р е б и с а (работа быков взамен), р и г - р и г а (по очереди), б а д а л и (равный), м у ш а (рабочие), м с к о р а в а й (участники), в о ж и в а ю щ и е). Мы пользуемся термином н а ц в а л г а р д а, так последний является наиболее распространенным.

Обычно такие объединения создавались между крестьянами, равными по экономическому положению. Это были в основном бедняки. Состоятельные крестьяне при сельскохозяйственных работах либо приглашали соседей работать за угощение, либо применяли наемный труд.

В нацвалгарда объединялись не по родственному принципу. У каждого из членов этого товарищества работали равное количество дней. Очередь устанавливалась по договоренности. Семья, для которой работали, была обязана кормить рабочих. Пища была скромнее, чем при дадзахили, в основном без мяса. Нацвалгарда не была и столь многочисленным объединением. В неё объединялись примерно от двух до двенадцати человек. Режим труда, отдыха и питания был твердо установлен в зависимости от вида выполняемой работы. В нацвалгарда объединялись либо мужчины, либо женщины; это зависело от рода работы и местности. Согласно нашим полевым материалам, смешанных групп при данном виде взаимопомощи не наблюдалось.

К нацвалгарда прибегали при выполнении всех видов полевых работ, особенно при работах, выполняемых ручными орудиями труда (расчистка новых лесных участков, мотыжение, прополка, жатва, молотьба и лущение кукурузы и пр.). Остановимся на некоторых из них.

При расчистке новых лесных участков под пашню к нацвалгарда обращались в основном в таких случаях, когда несколько дворов принимали решение сообща расчистить один большой лесной участок под пашню. Все работы, связанные с этим, делались сообща (из каждой семьи выступало равное число рабочих) и затем уже расчищенный участок делили между собой поровну.

В полеводстве Восточной Грузии мотыжение, главным образом, было связано с обработкой кукурузных посевов. Обычно, участок, на котором была посеяна кукуруза, очищали два раза от сорной травы. Удаляли сорняки с помощью мотыги. В Картли мотыжили поле в мае-июне, в Кахети — в мае. Мотыжение считалось весьма спешным делом, т.к. в это время крестьянство особенно было перегружено сельскохозяйственными работами. В низменной части Картли и Кахети в июне производилась летняя вспашка, а в июле начиналась уборка хлебов. К этому времени все работы, связанные с возделыванием кукурузы, должны были закончиться. В силу этих обстоятельств состоятельные семьи, имеющие большие пространства кукурузных посевов, применяли наемный труд, а бедняки взаимно помогали друг другу.

Данная форма взаимопомощи при мотыжении была известна под различными названиями. В Картли она именовалась с а н а ц в л о м у ш а о б а, н а ц в а л г а р д а, р и г - р и г а, в Кахети —

нацвалгарда, в Эрцо-Тианети — хелнацвлоба, в Месхети — дгис нацвлоба.

При мотыжении, обычно, объединялись от двух до двенадцати крестьян. Члены товарищества друг у друга работали равное количество дней, сперва у одного, затем у другого и т.д. Очередь уставливалась по договоренности. При мотыжении объединялись мужчины. Работали «от восхода солнца до заката». Два раза в день из семьи, для которой работали, приносили еду: обед — с а д и л и и полдник — с а м х а р и. Если кукурузное поле было недалеко от деревни, пищу носили женщины. В случае отдаленности поля от деревни, пищу везли утром на арбе.

Во время прополки для взаимной помощи собирались женщины. Хлебные посевы пропалывались один или два раза — в апреле-мае. Пололи руками. В том случае, если трудно было выдергивать сорную траву руками, применяли разнообразные ножи, маленькие железные или деревянные лопатки — ч е к и (Картли), б е р л а о (Тушети).

При жатве собирались сравнительно большие группы, чем при мотыжении и прополке. Но все же это бывали группы не такие многочисленные, как дадзахили. Поэтому в данном случае не было такого детального разделения труда. Обычно группа рабочих, объединенная для уборки хлеба, жала; а вязанием снопов и их складыванием занимались члены семьи, для которой работали.

Согласно известному в Кахети обычаю, закончив жатву, участники нацвалгарда устраивали пирушку. Каждый приходил с петухом, который он получил от хозяйки, передав ей жатвенный крест. Этот петух назывался д ж в а р и с м а м а л и (буквально — петух креста), а пирушка — д ж в а р и с м а м л о б а [87, с.301]. Иногда для пирушки, устраиваемой по окончании намеченной работы, покупали на общие деньги барана.

В низинности при жатве в нацвалгарда объединялись мужчины, в горной же полосе составлялись группы как мужские, так и женские.

Иногда к подобным товариществам присоединялись крестьяне, не имевшие в ту пору у себя работы. Крестьянин, помогая соседу, тем самым обязывал его в свою очередь отплатить тем же. К такому способу обращались с целью обеспечить себя в будущем рабочими руками. Это называлось д а н а ц в л е б а. Так именовалась и взаимопомощь, при которой трудовую помощь оказывали друг другу отдельные лица. В Западной Грузии этот вид трудовой помощи был известен под названием г а д а х м а р и е б а (помощь, Имерети) || г и н о х в а р у а (помощь, Самегрело).

Во всех вышеприведенных случаях участники товарищества являлись на работу с собственными орудиями труда.

К нацвалгарда обращались и при выполнении работ, требующих рабочих скот. К таким работам относились: удобрение пашни, перевозка урожая, молотьба, пахота, боронование. В данном случае причиной объединения являлась не только спешность полевых

работ, но и отсутствие у крестьянских дымов упряжного скота в нужном количестве. Остановимся на нацвалгарда при некоторых из этих работ.

В земледелии Восточной Грузии большое значение придавали удобрению почвы навозом. В низменности унавоживались, главным образом, виноградники, сады и огороды. Редко, когда была возможность, унавоживались и пашни, близлежащие к селу, т.н. напудзари. В горах удобрялись пашни. Там, в тяжелых для земледелия условиях, удобрение было необходимо для получения урожая.

Согласно существующей по этому вопросу литературе [86, с.141 — 144; 53, с.152 — 154; 150, с.443], а также собранному нами полевому материалу, в Восточной Грузии существовали разные способы унавоживания пашень. Применение каждого из этих способов было обусловлено местоположением унавоживаемого участка.

Наиболее распространенным способом был вынос в пашню навоза с помощью рабочего скота. Этот способ удобрения полей был распространен как в низменности, так и в горах. Для этого в низменности употреблялись арба и сани (в снег — сани, в сухую погоду — арба, на которой стояло д ж и н и — плетеная корзина большого размера). В горной полосе навоз вывозился в поле на санях или д ж и н и — плетеной корзине с полозьями на дне, в которую впрягали одного вола или лошадь [150, с.433]. Для выноса в поле навоза употреблялись сравнительно маленькие сани. В Ксанском ущелье сани, предназначенные для этой цели, назывались м а н д ж и к а.

Крестьяне, у которых не было нужного количества рабочего скота, т.е. двух волов, обращались к совместному труду. Спрягали по одному волу и по очереди работали друг у друга.

К подобной организации труда обращались как в низменной, так и в горной части Восточной Грузии. В Тушети такая взаимная помощь при удобрении именовалась специальным термином м с к о р а в а й [85, с.35].

Иногда два-три крестьянина объединялись со своими саями или арбами и все работали сперва на одного участника, затем на второго и т.д. Это делалось для ускорения работы.

Если разбрасывание навоза по участку производилось сразу после выноса его в поле, то обычно это делалось сообща. Если же навоз раструживался по полю спустя некоторое время, то хозяева участков для проведения этой работы могли объединиться и с другими соседями. Но обычно эту работу семья выполняла своими силами, без посторонней помощи.

Довольно трудоемкой и спешной работой была перевозка собранного урожая. Особенно это касалось Кахети, где пашни были весьма отдалены от деревень.

В низменной части Восточной Грузии урожай хлеба перевозился на арбе — с а д з н е у р е м и (арба для снопов), в предгорной

полосе на арбе — болотри а, а в горной части на санях [59, с. 31 — 32]. По нашим материалам, в горной части Ксанского ущелья для этого была предназначена специальная арба, в которую при спуске с горы впрягали одну пару волов, а в подъеме — две пары.

Для перевозки урожая несколько крестьян объединялись и по очереди помогали друг другу. В данном случае каждому из членов товарищества принадлежало по одному средству перевозки с нужным количеством упряжного скота.

Семьи, не имеющие в достаточном количестве рабочего скота, объединялись: две семьи спрягали свой скот в одну упряжку и таким путём перевозили урожай. Крестьяне, вообще не имеющие рабочего скота, прибегали к данацв леба — обращались с просьбой к соседям перевезти им урожай, обязываясь отработать в будущем тем, кто им помог. При этом были выработаны определенные нормы. Приводим материал, записанный в с. Земо Бодбе (Кизики). «Мы пахали в Шираки. Туда шли после Элиоба (Ильин день) — одни во время жатвы, другие по окончании её; начинали перевозить урожай на арбах. Если у человека не было арбы и быков, он мог одолжить их у соседа, взамен обязываясь помочь ему в работе. Например, за использование в течение одного дня арбы с парой волов их владельцу нужно было отработать три дня во время жатвы» (Леван Глахоевич Лекишвили, 88 лет, с. Земо Бодбе, Кахети, 1970 г.).

Как видим, в данном случае в данацв леба принцип равного трудового участия нарушен.

Иногда возмещение труда производилось натурой — продуктами. В Кахети (с. Акура) было принято возмещение труда сыром и пшеницей. Это именовалось к вел зе да хор бал зе ш е л а (помощь за сыр и пшеницу). Крестьянин от скотовладельца в масленицу брал сыр и за это помогал ему в жатве. За однодневную помощь в жатве брали три фунта сыра [182, с.101].

Домохозяева, не имеющие рабочего скота, обращались также к перевозке хлеба с а б з е в е д (за саман). Крестьяне, лишенные возможности перевезти свой урожай, обыкновенно, выполняли эту работу чужим скотом, вознаграждая хозяина скота при молотье саманом. Причем, если хозяин скота свозил урожай и молотил, за это получал весь саман, а если ограничивался только перевозкой, то получал лишь половину самана.

После перевозки урожая следовала молотьба.

В низменности молотьба хлеба производилась на току — к а л о посредством молотильных досок — к е в р и, в которые впрягали по одной паре волов или одну лошадь.

Ток представлял собой круглую площадку, устраиваемую, обыкновенно, перед домом, а иногда в самом поле на продуваемом ветром ровном месте, под открытым небом. Предварительно, за день до молотьи, место, предназначенное для тока, очищали, выметали, утапывали, поливали и посыпали старым саманом.

Орудием труда, как уже отметили, была молотильная доска, в которую впрягали пару быков или одну лошадь. Одновременно работали двумя-четырьмя молотильными досками (количество молотильных досок зависело от величины тока). На каждой из них стояло по одному человеку.

Во время молотьбы требовались также вспомогательные орудия труда: орты (вилы с двумя зубьями), пилы (вилы с тремя зубьями), поцхи (грабли), ничаби (деревянная лопата), арнади (гребло — деревянное орудие для сгребания обмолоченного зерна), цхави (грохот), цхрили (решето), табакни (большое деревянное блюдо).

Хлеб расстилали на току ровным слоем. Затем впрягали в молотильные доски волов и начинали молотьбу, заключающуюся в езде по хлебу на молотильной доске. На каждой из молотильных досок стояло по одному человеку, которые гоняли волов или лошадей по кругу.

В течение обмолота одного настила его несколько раз переворачивали; сначала переворачивали, перетряхивая, вилами, затем деревянными лопатами. Когда весь настил был вымолочен полностью, обмолоченный хлеб сгребали с помощью гребла в кучу и приступали к веянию, используя для этой цели разные сельскохозяйственные орудия и различные приемы. Провеивали сперва вилами, затем деревянными лопатами. Оставшееся после провеивания зерно собирали в кучу. Для полной очистки от мякины зерно просеивали сперва через грохот, а затем через решето.

В горах хлеб молотился ногами животных. По материалам Ксанского ущелья, ток устраивался около дома. Были перекрытые токи — дапаребули кало и находящиеся под открытым небом — велис кало (буквально — полевой ток).

Дапаребули кало было расположено либо на земле, либо над хлебом. С трех сторон он был обведен каменной стеной, а четвертая оставалась открытой. Иногда вместо стен были деревянные или каменные столбы. Сверху ток перекрывался досками, покрытыми утрамбованной землей. Посередине стоял основной столб — дэдабодзи.

Велис кало устраивалось под открытым небом, также с основным столбом в центре. В дождь и ненастье им не пользовались. Однако, по сравнению с перекрытым током, он имел то преимущество, что был большего размера, а зерно, просыхавшее под солнечными лучами, легче обмолачивалось.

Зажиточные крестьяне имели токи обоих видов. В таком случае велис кало находилось над дапаребули кало. Бедняки обходились только велис кало.

У больших семей были сравнительно большие токи. Например, в с. Дабакнети у семьи Башарули был ток с двумя столбами.

Как уже отметили, хлеб обмолачивался ногами животных. В основном использовались волы. Лошадь применялась очень редко. На перекрытом току работало 4-5 волов, а на открытом — 6-7. Вол.

находящийся ближе всех к основному столбу, назывался дэда-бодзис хари (буквально — вол основного столба). Остальные были соединены между собой прутьями или цепями⁷ и тоже ходили вкруговую. Если при молотьбе использовалась и лошадь, то она шла за волами.

Минимальное количество работников было 2-3 человека. Один из них следил за правильным движением животных.

На току расстилалось количество снопов, помещавшееся на саянах. В течение обмолота одного настила его несколько раз переворачивали, трепали, перетряхивали. Затем сгребали собравшуюся сверху солому. Все это делалось посредством вил. Когда весь настил был вымолочен полностью, обмолоченный хлеб собирали на удобном для провеивания месте. Затем приступали к обмолоту следующего настила и т.д. В процессе молотьбы на волов надевали намордники — а б а н д о || а б а д у, которые снимались после обмолота каждого настила.

За день обмолачивали 3 — 5 настилов. Это зависело от вида зерновых. Например, ячмень и рожь легко обмолачивались; сравнительно больше времени требовалось на обмолачивание дикка.

По окончании молотьбы начиналось провеивание. Хозяева, имеющие только открытый ток, сразу же по окончании молотьбы должны были провеить хлеб. Для этого использовали вилы и деревянные лопаты. После этого просеивали (сперва через грохот, затем через решето). Оставшееся зерно очищали от мелких камней с помощью т а б а к и (деревянное блюдо). Этот процесс назывался д а к м а з в а . В горах молотьба продолжалась с начала сентября до конца декабря.

Как в горах, так и в низменности для молотьбы создавались трудовые объединения.

В низменной части Восточной Грузии объединение нескольких семейств по одной молотильной доске и по паре волов для поочередного обмолота хлеба было известно под названием н а ц в а л г а р д о б а х а р е б и с а (буквально — работа быков взамен). Такие же объединения, основанные на равном участии инвентарем и рабочей силой, имели место и в горах.

Случалось и так, что объединялись с неравным количеством рабочего скота. В таком случае член объединения, участвовавший меньшим количеством рабочего скота, возмещал эту разницу во время других работ. Знаменательно, что неравное участие упряжным скотом зачастую «уравнивалось» личным трудом. Домохозяева, которые вообще были лишены рабочего скота, молотили «за саман» — с а б з е в е д. Крестьянин, смолотивший хлеб, за оказанную услугу получал половину самана. Если он же и перевозил урожай, то весь саман принадлежал ему.

К нацвалгарда обращались и при пахании, но об этом речь будет в отдельной главе.

⁷ Цепи крестьяне покупали в местечке Ларгвиси.

В Западной Грузии эквивалентная взаимопомощь была известна под названием *нади* || *надური* *тохна* (Имерети) [64, с.57], *ноди* (Самегрело) [65, с.53], *маинди* (Гурия) [181, с.182]. Данная форма взаимопомощи имеет множество параллелей как на Кавказе [47, с.28], так и среди других народов [105, с.18; 190, с.78; 238, с.708].

Аналогичным является обычай хозяйственной взаимопомощи, именуемый в Картли *х а н у л о б а*. Этот обычай заключался в следующем: хозяйки двух домов, имеющих по одной, редко по две коровы, заключали договор, состоящий в том, что одну неделю одна хозяйка отсылала все свое молоко своей соучастнице, другую неделю — другая. Молоко шло на приготовление масла, сыра и других продуктов [14, с.258].

Как видно из приведенного материала, в нацвалгарда нередко имело место нарушение принципа равного трудового участия. Это, главным образом, касается работ, выполняемых с помощью рабочего скота. В таком случае член объединения, участвовавший меньшим количеством рабочего скота, возмещал эту разницу во время других работ своим личным трудом.

Таким образом, на характер рассматриваемой трудовой взаимопомощи определенное влияние оказывает имущественное положение её членов. Неравное участие инвентарем давало возможность состоятельным крестьянам пользоваться трудом бедняков. Данные случаи, должно быть, отражают отношения сравнительно позднего периода.

Г Л А В А IV

СУПРЯГИ

Пахота являлась одной из наиболее трудоемких работ. В дореволюционной Грузии бытовало большое разнообразие пахотных орудий, что было обусловлено сложной земледельческой системой. И.А. Джавахишвили писал: «Благодаря особенностям и разнообразию почвы, в Грузии пахотные орудия разной сложности не только не утратили своего значения и после появления новых, более усовершенствованных видов, но в определенных случаях сделались надлежащими. Поэтому жизненная действительность Грузии сохранила пахотные орудия разной сложности и разного уровня развития» [81, с.174].

Этнографическая действительность Грузии сохранила и формы организации труда, связанные с этими орудиями.

Характер организации труда при пахании первым долгом определялся уровнем социально-экономического развития общества. В то же время значительное влияние на него оказывали пахотные орудия. О значении орудий труда К. Маркс писал: «Средства труда не только мерили развития человеческой рабочей силы, но и по-

казатель тех общественных отношений, при которых совершается труд» [1, с.191].

Исходя из этого мы считаем целесообразным рассмотреть связанные с пахотой форты коллективного труда в соответствии с типами пахотных орудий. Для этого пользуемся схемой генеалогической классификации пахотных орудий Грузии [224, с.111].

§ 1. СУПРЯГИ ПРИ РАБОТЕ ПАХОТНЫМИ ОРУДИЯМИ ПРОСТОЙ КОНСТРУКЦИИ

Пахотные орудия простой конструкции были распространены по всей Восточной Грузии, как в горной, так и в низменной части. В горах они являлись основными видами пахотных орудий, а в низменной части бытовали наряду с тяжелыми пахотными орудиями и выполняли второстепенную работу (вторичное вспахивание почвы). Некоторые из них в редких случаях применялись и во время весенней вспашки. В предгорной полосе Восточной Грузии пахотные орудия простой конструкции являлись основными при весенней и осенней вспашках.

Как в горной, так и в предгорной и низменной частях Восточной Грузии при пахании этими орудиями организовывались определенные временные трудовые объединения — супряги.

1. Супряги в горной части Восточной Грузии

Горная часть Восточной Грузии резко отличалась от низменной части природными условиями, а следовательно, и хозяйством. Природные условия Восточной Грузии характеризуются вертикальной зональностью [29; 250, с.91 — 92; 249, с.66 — 67; 122, с.14 — 22; 123, с.13 — 25; 81, с.131, 298 — 317; 82, с. 129]. Разнообразный природный комплекс создал различные условия для развития отдельных отраслей хозяйства. Хозяйство Восточной Грузии представляло собой сочетание земледелия и животноводства. Преимущество той или иной отрасли в определенной хозяйственной зоне зависело от местных условий [172, с.11].

В горной части Восточной Грузии развитие земледелия было ограничено малоземельем и бесплодием почвы [58, с.151; 84, с.202; 202, с.152]. В данной зоне ведущей отраслью хозяйства являлось скотоводство [172, с.11; 108, с.117; 202, с.110; 84, с.152; 203, с.31; 212, с.75; 213, с.84]. Эта особенность хозяйства отразилась и на социальной стороне. Большие масштабы скотоводства обусловили наличие таких форм организации труда, какими были крупные овцеводческие товарищества — н а м г а л а [202, с.114; 203, с.38], м о н а р е о б а [202, с.123 — 125]. Небольшие масштабы земледелия обуславливали несложный характер организации труда, связанной с сельскохозяйственными работами.

Помимо малоземелья, этому способствовало и то, что земля тут

пахалась весьма несложными пахотными орудиями, не требующими многочисленного упряжного скота⁸.

В силу этих обстоятельств часть крестьянских дворов пахала земли самостоятельно, собственными силами. Тем более, что в рассматриваемое время в виде пережитка были сохранены большие семьи [111, с.195; 109, с.85; 127, с.110; 202]. В случае неимения упряжного скота в нужном количестве, обращались к разным способам, в частности, к т.н. х а р и с и х н и в и (Хевсурети) и к а б а л а (Ксанское ущелье).

Харис ихниви засвидетельствовано Г.В. Джалабадзе [83, с.75]. Материал, записанный нами среди хевсурского населения Эрцо — Тианети, повторяет и дополняет сведения Г.В. Джалабадзе. Согласно этим материалам, домохозяева, нуждающиеся в рабочем скоте, принимали на зиму чужой скот для прокормления, за что приобретали право весной использовать его во время пахоты. Взятый вола на прокормление давал его владельцу также и одного барана. Это было и х н и в и.

Если для использования в качестве тягловой силы брали бычка, то барана за него не полагалось давать, ограничивались лишь его прокормлением. Это называлось с а т а в к в е б о (буквально — за прокормление). В этом заключалось м о з в е р и с и х н и в и ихниви бычка.

В том случае, если рабочий скот брали не осенью, а весной, незадолго до начала пахоты, его хозяин за одного вола получал двух баранов, а за бычка одного барана или І л и т р а (4 кг) топленого масла.

К а б а л а⁹ нами была зафиксирована в горной части Ксанского ущелья. Семья, не имевшая рабочего скота или имевшая его в недостаточном количестве, с января брала чужой скот на прокормление, держала у себя три месяца и, использовав во время пахоты, возвращала хозяину. К этому обращались в тех случаях, когда, с одной стороны, семья нуждалась в тягловой силе, и, с другой стороны, когда у владельца скота были затруднения с кормом.

Иногда под кабала подразумевалось использование вола во время пахоты, за что бравший его за оказанную услугу отработывал владельцу вола во время полевых работ (с. Мартиани).

В ряде случаев (с.с. Ларгвиси, Папиани) за использование вола во время пахоты его владельцу платили зерном в день один ч а н а х (8 кг) ячменя. В последних двух случаях волов брали перед началом пахоты.

Было известно также и з и а р и х а р и (буквально — общий

⁸ В Хевсурети в случае особенной нужды пахали и одним волом. Это называлось м а р т у г е л ш и ш е б м а (буквально — впрягать в ярмо для одного упряжного животного).

⁹ По определению С.С. Орбелиани, к а б а л а обозначает брать вола для использования его во время пахоты с условием обязательного возмещения услуги [164, с.157]

вол). Две семьи приобретали общего вола, уход за которым делили поровну (Хевсурети) [140, с.44].

Несмотря на существование разнообразных способов восполнения недостающего количества упряжного скота, подавляющее большинство сельских жителей вынуждено было прибегать к трудовому объединению — супряге.

Среди распространенных в Грузии пахотных орудий наиболее простыми по конструкции являлись черкушка и яремные пахотные орудия, требующие одну пару волов [224, с.27]. К этой группе относятся пахотные орудия, бытовавшие в горной части Восточной Грузии — Хевсурети, Тушети, Хеви. При обработке земли данными пахотными орудиями создавались временные трудовые объединения, носившие название *мондави* || *мандави* (Хевсурети, Тушети, Хеви)¹⁰.

Это были трудовые объединения двух семей. По сведениям М.В. Мачабели, в Хевсурети два товарища — *ме мандаве* впрягали в пахотное орудие по одному волу. Один вносил лемех, другой — резак. Один день пахали и боронили для одного, другой день — для другого [256]. В работе «Экономический быт государственных крестьян Тианетского уезда, Тифлисской губернии», касаясь данной формы организации труда, М.В. Мачабели уточняет: «Каждый товарищ получает равное число рабочих дней» [150, с.442]. Таким образом, по данным М.В. Мачабели, на основании равного участия, члены товарищества друг у друга работали равное число дней.

Несколько отличный от этого материал приводит Г.В. Джалабадзе. Касаясь Хевсурети, он пишет: «Мондави || мандави — объединение во время пахоты, где было представлено два члена — пахарь и погонщик. Обе стороны старались в этом товариществе принять равное участие орудием труда и рабочим скотом. В этом маленьком объединении каждому из соучастников принадлежало по одному волу. Орудием труда тоже участвовали поровну. Одному из них принадлежали деревянные части пахотного орудия, второму — железные. Пахали земли члены мондави поочередно. Пищу для работников и корм для волов поставляла семья, для которой работали. Пахали каждому из участников не в зависимости от внесенного им инвентаря и тягловой силы, а по потребности» [83, с. 74].

Примерно сходный материал дается Г.В. Джалабадзе и по отношению к Тушети и Хеви, с маленькой лишь разницей, а именно, в Хеви возможно было нарушить принцип равного участия [84, с. 218]; кроме этого, в случае, если соучастникам пахали неравные по величине земельные участки, иногда «уравнивалась» эта разница во время других сельскохозяйственных работ [84, с.218; 85, с. 36].

Согласно нашим материалам, в Хевсурети две семьи, имевшие

¹⁰ Знаменательно, что в некоторых уголках горной части Восточной Грузии (Тушети, Ксанское ущелье) жены братьев называли друг друга специальным термином *мондави*, отличным от общего наименования — невестки [236, с.160; 202, с.113]. В Пшави служители святилища *дастури* назывались также *мондави*.

по одному волю, спрыгали их в одну упряжку. Объединялись, обычно, семьи с равными экономическими возможностями, по местному выражению, «эрти схвис ампани»¹¹. Это называлось *мондави*. Для пахоты своей земли каждый соучастник употреблял собственное пахотное орудие — *сахвниели*. В случае его отсутствия у одного из членов объединения можно было использовать пахотное орудие товарища безвозмездно. Пахали земли сперва одному члену товарищества, затем другому. Каждый вспахивал столько, сколько ему требовалось.

Если у одного из соучастников было больше пахотной земли, то он получал большее число дней пахоты на своем участке. Порой эта разница «уравнивалась»: кто пахал меньшее число дней на своем участке, тот мог использовать вола и рабочую силу своего товарища при выполнении других сельскохозяйственных работ. Но это было необязательно, и если случалось, то абсолютной точности не соблюдали.

Итак, для супруги, распространенной в Тушети, Хеви и Хевсурети, было характерно равное участие упряжным скотом и работниками. Равное участие орудием труда не соблюдалось. Распределение дней пахоты не было регламентировано. Оно зависело от потребности членов товарищества.

Следует заметить, что к такому объединению обращались семьи с одинаковым экономическим положением, у которых и пахотные земли имелись примерно равной величины. Поэтому членам супруги друг у друга фактически приходилось работать равное количество дней. Следовательно, наш материал не противоречит сведениям М.В. Мачабели о том, что каждый товарищ получал равное количество рабочих дней.

Более развитыми являлись грядильные пахотные орудия, требующие 2 — 3 пар волов. К этой группе пахотных орудий относятся *пшавская ачача* [226, с.63], *ксанский горный плуг* [229, с.486] и *орхела*, бытующая в Мтиулету [231, с. 39 — 40].

Пшавская ачача являлась основным пахотным орудием в Пшави. В нее, обычно, впрягали две пары волов. Из железных частей она имела лемех и резак. Трудовое объединение при пахании ею было известно под названием *хелнац влоба* [255], *мондави* [83, с.25].

В Пшави зафиксированы случаи, когда из-за крутизны склонов в ачачу впрягали лишь одну пару волов [83, с.25; 150, с.441]. По данным Г.В. Джалабадзе, в таком объединении участвовали две семьи по одному волю. Железные части ачачи вносили поровну. Пахали друг у друга равное число дней [83, с.25].

Аналогично проходила работа супругой и при двухпарной запряжке [83, с.26]. В данном случае каждому из соучастников принадлежало по одной паре волов и по одной железной части ачачи.

¹¹ Ампа — равня, соответствующий [156, с.7].

Таким образом, по данным Г.В. Джалабадзе, трудовое объединение вокруг пшавской ачачи являлось эквивалентной взаимопомощью, где участники на основании равного участия в трудовом объединении друг у друга работали равное количество дней. Материал, собранный нами среди пшавского населения Эрцо-Тианети, повторяет эти данные.

М.В. Мачабели, касаясь организации труда при работе пшавской ачачей, пишет, что это была супряга с регламентированной системой распределения дней пахоты. «При двухпарной запряжке, — пишет М.В. Мачабели, — составляется товарищество, причем ало (продолжительность периода пахания — Т.Г.) равняется 43 дням. Пахарь получает 7 рабочих дней, погонщик — 6 рабочих дней, 4 быка по 6 дней — 24 раб. дня, лемех — 3 рабочих дня, резец — 3 рабочих дня, итого 43 рабочих дня» [150, с. 441].

Г.В. Джалабадзе не соглашается с М.В. Мачабели, считая невозможным, чтобы в Пшави, где, по данным самого же М.В. Мачабели, пахотной земли на дым приходилось не более двух десятин, составлялись такие длительные объединения для пахоты [83, с.26]. Нам не удалось зафиксировать бытование в Пшави супряги с регламентированной системой распределения дней пахоты.

Согласно нашим материалам, в Мтиулет-Гудамакари супряга была известна под названием м о н д а в и. Для работы распространенным там пахотным орудием — а ч а ч а, о р х е л а — требовались две пары волов и три работника — м х в н е л и (пахарь), м е х р е (погонщик) и м к а р ч а в и || м е к в л е — лицо, которое следовало за пахарем и разрыхляло почву с помощью к а р ч и (орудие для ручной обработки почвы).

В мондави объединялись две семьи по одной паре волов. Работая на своих участках, члены товарищества использовали собственное пахотное орудие. В случае отсутствия ачачи у одного из соучастников, можно было в течение всего периода совместной работы пользоваться пахотным орудием того, у кого оно имелось. При распределении дней пахоты принадлежность пахотного орудия не играла какой-либо роли. Каждый из соучастников был пахарем при обработке своего участка. Второй член был погонщиком. Обязанность м к а р ч а в и || м е к в л е обычно выполняла женщина из той семьи, чья земля пахалась в тот день. Хозяин обрабатываемого участка был обязан обеспечить работников пищей. При равном участии в трудовом объединении волами и рабочей силой возмещение было равным — соучастники пахали земли равные по величине.

Но случалось и так, что члены мондави участвовали в этом объединении неодинаковым количеством волов. В таких случаях неравное участие упряжним скотом влияло на распределение дней пахоты. Например, если одному из членов товарищества принадлежало три вола, а другому — один, то владельцу трех волов пахали три дня, а владельцу одного вола — один день. По такой пропорции распределялся и весь период пахоты.

Таким образом, в супряге, распространенной в Мтиулет-Гудамакари, бывали случаи неравного распределения дней пахоты на основании неравного участия рабочим скотом, что не наблюдалось в рассмотренных нами выше видах супряги.

Согласно собранному нами материалу, в горной части Ксанского ущелья трудовое объединение при пахании называлось а л о в н о б а .

В этой части горной полосы Грузии для вспашки земли употреблялось пахотное орудие, известное в научной литературе под названием к с а н с к о г о г о р н о г о п л у г а [229, с.487]. Впрягали в него две-три пары волов.

Деревянную часть плуга крестьяне изготовляли сами; железные части (лемех и резак) покупали у кузнецов. К началу XX в. лемех и резак вместе стоили 1 рубль 20 коп. Иногда вместо денег платили зерном или обязывались пахать кузнецу один день. Для соединения ярем употреблялись цепи, которые приобретались крестьянами в местечке Ахалгори за деньги или за продукты. Вместо цепей иногда употребляли березовые прутья (с.с. Дадиянети, Дабакнети).

Как видно из приведенных данных, ксанский горный плуг не был дорогостоящим орудием. К трудовому объединению крестьяне прибегали, главным образом, потому, что большая часть малых семей не имела в достаточном количестве упряжного скота. При работе ксанским плугом требовалось 2 — 3 работника. При двухпарной запряжке — пахарь (г у т н и с д э д а, буквально — мать плуга)¹² и погонщик (м е х р е); в случае трехпарной запряжки — пахарь и два погонщика. Это объединение называлось а л о в н о б а , а члены его — м е а л о в н е .

В связи с работой а л о в н о б а нами было зафиксировано несколько различных случаев.

По материалу, записанному нами в с. Элоиани (Карчохское ущелье), в пахотные орудие впрягали преимущественно три пары волов. Объединялись три семьи по одной паре волов. Примерно одинаково участвовали и частями пахотного орудия. Одному принадлежала деревянная часть плуга, второму — лемех и резак, третьему — цепи. Равно участвовали члены товарищества и личным трудом. В данном случае рабочую силу составляли пахарь и два погонщика. Выполнение обязанности пахаря и погонщиков происходило поочередно. Каждый меаловне был пахарем на своей земле. На основании равного трудового участия, члены кооперации получали равное вознаграждение — всем отпахивали равное количество дней.

В данном случае мы имеем дело с формой организации труда, о которой А.И. Робакидзе пишет: «Взаимопомощь при пахании горным плугом (подразумевается ксанский горный плуг — Т.Г.) пост-

¹² Из термина г у т н и с д э д а (буквально — мать плуга), подразумевающего руководителя, видно, что на ранней степени развития земледелия пахотой и сеянием ведала женщина [81, с.267 — 268].

роена на принципе нацвалгардоба (буквально — работа взамен — Т.Г.)» [177, с.409]. И далее поясняет: «В данном случае между на званием института нацвалгардоба и его содержанием пока еще имеется полное соответствие. Его главным условием было обязательное возмещение затраченного труда. Практически это означало равное распределение дней пахоты между членами товарищества на основании их равного участия в этой работе» [177, с.409].

Аналогичный материал мы зафиксировали и в других селениях Ксанского ущелья.

Часто крестьяне, не имеющие возможности войти в данное трудовое объединение с нужным количеством скота и частями пахотного орудия, восполняли недостающие им компоненты путем найма, за что платили, главным образом, продуктами. Именно в подобных случаях прибегали и к вышеописанному нами способу — кабала.

Нами зафиксированы также случаи, когда принцип равного участия в аловноба нарушался. Крестьяне участвовали в трудовом объединении неодинаково либо упряжным скотом, либо орудием труда. В таких случаях тот, кто участвовал меньшей долей, второму эту разницу в участии возмещал, «уравнивал» во время других работ. Знаменательно, что неравное участие рабочим скотом или орудием труда в данном случае зачастую уравнивалось личным трудом; причем были установлены определенные нормы.

Нами зафиксированы и такие случаи, когда неравное участие инвентарем, а также характер выполняемой членами товарищества работы влияли на распределение дней пахоты.

В с. Мартиани во время летнего пахания в плуг обычно впрягали три пары волов. Каждый м е а л о в н е в своем участке использовал свой плуг. В случае отсутствия его брали за наем. Это, главным образом, касалось железных частей плуга, т.к. деревянная часть плуга у всех имелась, а в случае отсутствия можно было одолжить у соседа без всякого возмещения. Рабочую силу составляли пахарь — г у т н и с д э д а и два погонщика — м е х р е. Выполнение роли пахаря и погонщиков происходило поочередно. Каждый из соучастников был пахарем при обработке своего участка. При летнем пахании скот на ночь оставался в поле; за ним смотрел м ц к е м с и (пастух), которому за это платили зерном.

Таким образом, члены товарищества орудием труда и рабочей силой участвовали одинаково. В том случае, если и рабочий скот поставляли в равном количестве, то получали равное число дней пахоты. Однако, принцип равного участия рабочим скотом часто нарушался, что вызывало неравное распределение дней пахоты. Тот, кто участвовал большим числом рабочего скота, получал большее количество дней пахоты на своем участке. Например, крестьянину, вступившему в а л о в н о б а с одной парой волов, полагалась одна доля, владельцу двух пар — две доли.

Аналогичный материал нами был записан в с. Цхавати. Рабо-

чие дни между участниками распределялись соответственно поставленному ими в товарищество количеству рабочего скота.

По материалам, записанным нами в с. Даданети, в супряге труд между её членами был разделен. Тут, в отличие от рассмотренных выше случаев, был выделен пахарь, на которого возлагалась эта обязанность в течение всего периода пахоты. Пахарем обычно выбирали того члена супряги, который лучше других умел управлять плугом. Но за это он не имел каких-либо преимуществ. Труд пахаря приравнивался к труду погонщика. Рабочие дни распределялись в зависимости от участия рабочим скотом. За участие одной парой волов его хозяину пахали один день, так же, как и в приведенных выше случаях. Но, в отличие от них, в с. Даданети один день выделялся для владельца плуга (плуг с лемехом и резак, а также цепь обычно принадлежали одному лицу). Ему за весь период совместной работы пахали одним днем больше. Таким образом, в данном случае при распределении рабочих дней учитывали не только участие рабочим скотом каждого члена кооперации, но и принадлежность пахотного орудия.

И наконец, по материалам, записанным в с. Харбали, в супряге были точно определены нормы вознаграждения за участие каждым компонентом. Хозяину плуга полагался один день пахоты. Хозяину пары волов — один день, так же и погонщику за свой труд пахали один день. Пахарю предназначалось полтора дня пахоты. При летнем пахании скот ночью пасли поочередно пахарь и погонщики.

Таким образом, в данном случае учитывали не только принадлежность рабочего скота и пахотного орудия, но также и характер работы участников.

Итак, виды супряги, распространенные в Пшави, Мтиулет-Гуамакари и в горной части Ксанского ущелья в большинстве случаев были построены на принципе равной взаимопомощи. Однако, по материалам начала XX в., намечается тенденция неравного распределения дней пахоты на основании неравного участия в супряге отдельными компонентами.

Коротко коснемся порядков и обычаев, установленных в связи с работой супряги по материалам Ксанского ущелья.

Заранее установленной очереди пахания не было. В этом отношении ни один член товарищества не имел каких-либо преимуществ. Земли пахались тогда, когда они требовали этого по своему местоположению и по тому, для каких посевов они предназначались.

В тех селениях, где было принято летнее пахание, рабочий скот на ночь оставался в поле; его либо пасли по очереди члены супряги, либо для этого нанимали специального «пастуха». В последнем случае участники объединения после окончания рабочего дня возвращались домой. За свою работу пастух получал за каждого быка ч а н а х и (8 кг) ячменя.

За весь рабочий день один раз выпускали волов из упряжи и водили на водопой. Это совпадало с полдничным перерывом. Летом

скот пасся в поле, весной же на пашню приносили корм — сено или солому.

Пищу для работников и корм для скота, а также семена поставляла семья, чья земля пахалась. Сено волочили верёвкой, семена приносили на пашню в специальных кожаных мешках — г у д а. При пахании было принято двухразовое питание в поле — с а д и л и (обед) и с а м х а р и (полдник). В редких случаях бывал и с а м х р и с к у д и (буквально — хвост полдника). Ужинали в семье того крестьянина, чья земля в тот день пахалась. При пахании в Ксанском ущелье были приняты следующие блюда: шечаманди (еда) из лобio, кизила, из горного щавеля, шечаманди из муки, заправленное мятой, пшеничная каша — коркоти, каша из отрубей — махохи.

2. Супруги в предгорной части Восточной Грузии при работе пахотными орудиями простой конструкции

Для хозяйства предгорной полосы характерным было пахотное орудие о р х е л а. Орхела являлась разновидностью ксанского горного плуга и бытовала, главным образом, в Картли [229, с.496]. Параллельно с орхелой в данном регионе встречался и большой плуг, употребляемый преимущественно во время летней вспашки. Орхела же являлась основным видом пахотного орудия при весенней и осенней вспашках.

По сравнению с вышеописанными пахотными орудиями орхела была наиболее сложной конструкции. Она требовала 4 — 5 пар рабочего скота и 3 — 4 работников. При работе этим пахотным орудием составлялись трудовые объединения, называемые м о д г а м и.

Согласно мнению И.А. Джавахишвили, слово м о д г а м и грузинского происхождения [81, с.250 — 251]. Этот термин в Грузии был известен ещё в IX в. Тогда он употреблялся в более широком значении. Он обозначал вообще соучастие — в наследстве, в каком-нибудь деле и т.д. [91, с.394 — 397]. Со временем содержание термина модгами сузилось и к исследуемому периоду в этнографической действительности, помимо коллективного пахания, этим термином обозначалась взаимопомощь при выполнении отдельных видов полевых работ — уборки урожая, молотбы (Месхети) [253], а также товарищество в керамическом производстве (Кахети) [44, с. 110]. Но наиболее широко слово модгами употреблялось как термин, обозначающий коллективное пахание. В данном значении этот термин был заимствован из грузинского языка соседними народами — армянами [81, с.250 — 251] и азербайджанцами [91, с.394].

Для модгами при пахании орхелой характерной была нормированная система пахоты, более или менее дифференцированная.

По материалу с.с. Канчаети и Цирколи, в модгами дни пахоты были распределены следующим образом: хозяину орхелы полага-

лось два дня (один день — за деревянные части, один — за железные), за кожаный ремень, соединяющий ярма — один день, за каждого вола — по одному дню, пахарю за его труд — один день, погонщику — один день. Так что, при работе пятью парами волов продолжительность всего периода пахоты (а л о) достигало 16 — 17 дней.

В с.с. Пичвнари и Ахалдаба дни пахоты распределялись также, с той лишь разницей, что там труд пахаря расценивался дороже, а именно, в с. Ахалдаба пахарю пахали полтора дня, в с. Пичвнари — 2 дня.

Касаясь предгорной части Горийского уезда, С.В. Мачабели писал: «Несмотря на то, что стоимось орхели невелика, а также, что при работе ею не требуется большого количества рабочих и скота, редкий домохозяин имеет орхели в полном составе, почему и при работе ею составляются маленькие товарищества. Количество рабочих дней в каждом ало (продолжительность периода пахоты — Т.Г.) бывает при этом настолько различно, что перечислять все случаи я считаю лишним» [151, с.208].

С.В. Мачабели дает распределение дней пахоты при девятидневном и шестнадцатидневном пахании. В обоих случаях тягловой силой являются 4 пары волов.

В модгами продолжительностью девять дней дни пахоты распределялись только на рабочий скот и пахотное орудие. Каждому волу полагалось по одному дню, четырем парам — 8 дней. Плугу с лемехом и резак — 1 день. За труд пахаря и погонщиков дни пахоты не выделялись. Их труд оценивали одинаково.

Во втором случае, т.е. при шестнадцатидневной работе дни пахоты распределялись не только на упряжной скот и пахотное орудие, но и на рабочую силу, в зависимости от характера работы. Пахарю за свой труд пахали два дня, каждому из погонщиков — по одному дню. За каждую пару волов — по одному дню, за лемех — два дня, за резак — один день, за деревянные части орхелы — один день, т.е. пахотное орудие в целом получало четыре дня пахоты. Владелец к в а н т и — палок, употребляемых для соединения ярем между собой, — заменяющих кожаные ремни — ничего не получал ввиду их незначительной стоимости [151, с.208].

С.В. Мачабели ничего не пишет о том, данные типы модгами действовали параллельно в одних и тех же селениях или были засвидетельствованы в разных местах.

Как видно из приведенного материала, в шестнадцатидневной супряге имела место более дифференцированная система распределения рабочих дней, а именно, если в девятидневной супряге владельцу орхелы со всем снаряжением полагался один день пахоты, то при шестнадцатидневной работе дни пахоты распределялись на части орхелы. Кроме того, если при девятидневной супряге особого вознаграждения не получал пахарь, труд которого приравнивался к труду погонщика, при шестнадцатидневной супряге рабочие дни распределялись на рабочую силу в зависимости от характера рабо-

ты (пахарь за свой труд получал два дня пахоты, погонщики — по одному дню). Следовательно, из этих двух видов супряги, шестнадцатидневная супряга являлась более развитой формой организации труда.

С этой точки зрения супряга, зафиксированная нами в предгорной полосе Ксанского ущелья, должна занять среднее положение между видами супряги, описанными С.В. Мачабели.

Итак, супряга при пахании орхелой, характеризовалась более или менее дифференцированной системой распределения дней пахоты. По нашему мнению, это можно объяснить рядом причин: 1. Орхела являлась сравнительно сложным пахотным орудием, требующим большее количество рабочего скота и работников. 2. Данный тип супряги был распространен в предгорной полосе, характеризующейся более развитыми по сравнению с горной частью социально-экономическими отношениями. 3. В этой полосе Картли параллельно с орхелой действовали большой плуг и характерная для него супряга со строго нормированной системой пахоты.

3. Супряги в низменной части Восточной Грузии при работе пахотными орудиями простой конструкции

В низменной части Восточной Грузии, наряду с тяжелым пахотным орудием — б о л ь ш и м п л у г о м, бытовали и пахотные орудия простой конструкции, которые выполняли, главным образом, второстепенные работы (вторичная неглубокая вспашка почвы с целью разрыхления комьев земли — а о ш в а, а ч у т в а, разрыхление почвы после уборки кукурузы); однако, некоторые из них, имеющие сравнительно сложную конструкцию, иногда применялись и при весенней и осенней вспашках.

Вторичная неглубокая вспашка — (а о ш в а, а ч у т в а) не везде применялась в одинаковых масштабах. В Картли неорошаемые земли вторично не вспахивали. Из орошаемых участков вторично перепахивалось паровое поле, а также отведенное для кукурузных посевов м д з р а л и (зябрь) — вспаханное осенью поле, предназначенное для яровых. Мдзрალი, предназначенные для посевов ячменя и пшеницы, не перепахивались весной, т.к. эти виды зерновых сеялись раньше, чем кукуруза, и вспаханная осенью почва не успевала зарости травой. К тому же, кукуруза сеялась глубже.

Для вторичной вспашки применяли весьма несложное пахотное орудие ч у т и. В ч у т и впрягали одну пару волов, нужен был один работник — м ч у т а в и (пахарь).

Трудовое объединение при работе чутом носило название н а ц в а л г а р д а || р и г-р и г а. Две бедняцких семьи, имевшие лишь по одному волу, спрягали свой скот и работали по очереди — сперва у одного, затем у другого.

Иногда объединялись несколько хозяев, внося в это товарище-

ство по одному чути, по паре волов и по очереди работали все вместе у каждого из членов товарищества [86, с.80].

В обоих случаях эти объединения были основаны на принципе равного возмещения затраченного труда.

Для вторичной вспашки и, в редких случаях, во время весеннего пахания в Картли использовалась ачаха. Организация труда при работе этим пахотным орудием тоже была основана на равной взаимной помощи и называлась *нацвалгарда*. Ачаха была характерна и для Кахети, особенно для тех районов, куда происходило массовое переселение горцев. Это были современные Кварельский и Ахметский районы [87, с.294].

По нашим полевым материалам, основным пахотным орудием в Эрцо-Тианети был большой плуг¹³, но параллельно с ним использовали и ачаху; её применяли во время весенней вспашки для пахания горных склонов. В Эрцо-Тианети временное трудовое объединение вокруг ачахи было известно под названием *хелнацвалоба*. Это была трудовая взаимопомощь, построенная на принципе равного возмещения затраченного труда. Две семьи объединялись по одной паре волов, пахали друг у друга равное количество дней.

В низменной части Картли для второстепенных работ, и в редких случаях, для весенней вспашки употреблялась орхела. Здесь, так же, как и в предгорной полосе, при работе орхелой создавались *модгами* — супруги с нормированной системой распределения дней пахоты.

При работе орхелой обращались и к *нацвалгарда*.

Согласно вышеприведенному материалу, *нацвалгарда* в большинстве случаев подразумевала равную трудовую взаимопомощь. При пахании это подразумевало равное распределение рабочих дней на основании равного участия в данном объединении инвентарем и рабочей силой.

Согласно нашим материалам, в изучаемое время в низменной части Картли при работе орхелой в *нацвалгарда* принцип равного участия большей частью нарушен. Зачастую орхела со всем своим снаряжением принадлежала одному из соучастников. Неравномерно участвовали и рабочим скотом. Вспахав одинаковой величины участки, они это неравное участие непременно «уравнивали». Это делалось следующим образом: тот член объединения, который поставлял орхелу (в случае, если у других она не имелась), мог взамен воспользоваться личным трудом своих товарищей во время других сельскохозяйственных работ. Так же и в случае, если одному из членов супруги принадлежала лишняя пара волов, то он взамен мог воспользоваться личным трудом того, у которого не хватало упряжного скота. Существовала своеобразная норма расце-

¹³ Исключение составляла та часть населения, которая сравнительно поздно (нач. XX в.) переселилась с гор и поэтому вплоть до революции в качестве основного пахотного орудия употребляла принесенные с гор пахотные орудия простой конструкции.

нок эксплуатации как пахотного орудия и его частей, так и рабочего скота.

Бывало и так: крестьянин, имевший орхелу и нужное количество рабочего скота, пахал землю семье, лишенной этой возможности. Хозяин распахиваемого участка был обязан возместить оказанную ему услугу личным трудом. За однодневное пахание хозяин земли должен был отработать крестьянину, вспахавшему ему участок, восемь дней при жатве, косовице или других работ. Это называлось *д а н а ц в л е б а*. Таким образом, отсутствие у беднейшего крестьянства сельскохозяйственного инвентаря давало возможность зажиточным крестьянам эксплуатации бедняков.

§ 2. СУПРЯГИ ПРИ ПАХАНИИ ДЖИЛГОЙ

Передковое пахотное орудие — *д ж и л г а* до последних времен являлась основным пахотным орудием в Месхети [230, с.270]. В данной части Грузии для вспахивания почвы употреблялись также большой плуг и пахотное орудие простой конструкции — *а р о н а*. Большой плуг применялся редко, главным образом, при подъеме целины, *арона* использовалась для перепахивания уже обработанных полей. Что же касается *джилги*, то она являлась универсальным пахотным орудием, употребляемым как при летнем, так и при весеннем пахании и хорошо была приспособлена к местным условиям, а именно, к паровой системе плоскогорья, не требующей глубокой вспашки [88, с.20 — 22].

Деревянную часть *джилги* крестьяне изготовляли сами, а железные покупали у местных кузнецов. Стоимость *джилги* не превышала 8 — 11 рублей и поэтому в деревне она у многих имела. *Джилга* требовала 4 — 5 пар волов [53, с.157]. По нашим материалам, иногда обходились и тремя парами. Рабочую силу составляли *пахарь* — *д ж и л г и с д э д а* (буквально — мать *джилги*) и 2 — 3 погонщика. Число последних зависело от числа упряжного скота.

Дымы, лишенные рабочего скота или имеющие его в недостаточном количестве, обращались к разнообразным средствам. К таким средствам относилась «вспашка из-за хозана» (хозан — поле после жатвы), которая заключалась в следующем: «Домохозяин, не имеющий рабочего скота, — пишет Х.А. Вермишев, — отдает на скос свои паровые участки кому-нибудь другому, имеющему рабочую скотину, за что этот последний должен вспахать ему участки, с которых он накосил для себя сена» [53, с.152].

Иногда домохозяева, не имеющие скота, вспахивали свои поля с помощью скота других домохозяев, у которых они работали в батраках [53, с.152].

Количество семей, имеющих возможность пахать самостоятельно, было весьма небольшое. Основная часть крестьянских дымов обращалась к супряге — *м о д г а м и*. Главным фактором, обус-

ловливающим существование таких объединений, было то, что большинство дымов страдало от недостатка упряжного скота.

С точки зрения системы разделения дней пахоты нами было зафиксировано несколько случаев.

По материалу, записанному нами в с.с. Саро и Мусхи, в данной кооперации степень участия орудием труда, упряжным скотом и рабочей силой зависела от возможности семьи. Каждой семье вспахивали столько, сколько ей требовалось.

Подобную систему распределения дней пахоты мы засвидетельствовали и в других селениях, но в отличие от вышеприведенного случая, там происходило «уравнивание» во время других работ. При этом не было строго установленных норм. Следует заметить, что «уравнивание» в основном касалось участия упряжным скотом, а иногда и рабочей силой.

И наконец, третий случай. По материалам с. Уде, в супряге дни пахоты распределялись пропорционально участию рабочим скотом.

Во всех вышеприведенных случаях пахарь не выделялся по профессиональному признаку. Каждый член супряги при пахании его земли сам был пахарем. Не выделялся и ночной погонщик. При летнем пахании, когда скот оставался на ночь пастись в поле, обязанности ночного пастуха по очереди выполняли все члены супряги.

§ 3. СУПРЯГИ ПРИ ПАХАНИИ БОЛЬШИМ ПЛУГОМ

1. Большой плуг

Передковое пахотное орудие с отвалом — большой плуг (დიდი გუტანი) был распространен, главным образом, в низменной части Восточной Грузии¹⁴. Он хорошо был приспособлен к почве, рельефу и специфическим условиям хозяйства низменности [255, с.213; 232, с.373], где ведущей отраслью хозяйства являлось земледелие, а именно, возращивание зерновых культур.

Согласно собранному нами этнографическому материалу, а также литературным данным, в Восточной Грузии были известны следующие виды обработки земли: весеннее пахание (საჩალთასლე — Картли, Кахети, კერობა — Месхети), летнее пахание (ანეული — Картли, Кахети, თერძვა — Месхети) и осеннее пахание (ნაოში, მძრაღი, დაკავებული ანეული).

На Шида Картлийской равнине весеннее пахание начиналось в марте, сев завершался в мае. Летнее пахание начиналось с конца мая и продолжалось в течение всего июня. Летом пахалась земля, оставшаяся под паром. Эти участки осенью, перед севом, перепаживались (неглубоко). Осенью пахались и засеивались: 1. земли, с

¹⁴ В редких случаях большой плуг применялся в помещичьих хозяйствах, в равнинной части Земо Имерети (Западная Грузия) [64, с.51].

которых был снят урожай хлеба (наоши) и 2. земли, с которых был собран урожай кукурузы (дакавебули анеули). Осенью вспахивались также и участки, предназначенные для весеннего засева (мдзрали).

Весной сеялись: кукуруза, яровая пшеница и ячмень (а х а л т э с л и), осенью — в основном хлеб (д о л и с п у р и) и ячмень (д з в е л т э с л и).

Такая же система вспашки была и в Кахети. В Месхети, в отличие от Картли и Кахети, земля, предназначенная как для яровых, так и для озимых культур, пахалась несколько раз.

В этой сложной системе особое значение придавалось а н е у л и — летнему паханию, которое применялось преимущественно для обработки неорошаемых, засушливых земель. Г.С. Читая пишет: «На полях Картли крестьяне на протяжении веков боролись с врагом урожая — засухой. Против неё был выработан ряд средств, в частности, глубокая вспашка, способствующая сохранению влаги в почве. Поэтому летом, как правило, применялась глубокая вспашка. Со своей стороны, это требовало использования большого плуга» [232, с.373].

Большой плуг был распространен повсеместно в низменной части Картли и Кахети, частично в предгорной полосе Картли. В Месхети он употреблялся только для подъема целины¹⁵ [53, с.148].

Со II половины XIX века, в некоторых районах Восточной Грузии стали появляться более усовершенствованные виды плуга. Таковыми были т.н. м у х р а н с к и й п л у г [228, с.54] и к а к а б е т с к и й п л у г [86, с.73].

В пореформенный период получили распространение железные плуги заводского изготовления, которые применялись преимущественно в помещичьих и кулацких хозяйствах [73, с.121]. Так что, грузинский деревянный плуг в земледелии низменной части Восточной Грузии вплоть до революции сохранил господствующее положение [73, с.117]. Причиной этого, помимо высоких цен на заводские плуги, являлось и то, что земледелие данной части Грузии требовало своеобразного тяжелого пахотного орудия [232, с.373]. Поэтому в определенных случаях была совершенно очевидна непригодность заводских плугов для местных условий [199, с.1].

Плуги, распространенные в различных уголках Восточной Грузии, были неодинаковой величины. Например, в Гаре Кахети и Иорском ущелье употреблялись плуги большей величины, чем в Картли, Шида Кахети и Кизики, равно как и в предгорной полосе Картли употреблялись плуги меньшей величины, по сравнению с плугами, употребляемыми в низменной части Картли. Различались по величине также плуги, применяемые в различных пахотных сезонах. В этом отношении интересным является зафиксированное

¹⁵ В Месхети основным видом пахотного орудия являлась джилга, употребляемая как при летней, так и при весенней пахоте. Она хорошо была приспособлена к местным условиям, а именно, к паровой системе плоскогорья, не требующей глубокой вспашки [88, с.20 — 22].

нами в с. Хелтубани (Картли) бытование двух видов деревянного плуга — «легкого» и «тяжелого», отличающихся друг от друга только по величине. При весенней вспашке употребляли «легкий» плуг, при летней — «тяжелый».

Большой плуг со всеми принадлежностями являлся довольно дорогостоящим орудием. Относительно дешево обходилась деревянная часть плуга, которая зачастую изготовлялась самими поселенцами. Почти в каждом селе были знатоки этого дела. В сравнительно больших селениях были и такие мастера, для которых это ремесло являлось основным занятием. Сами не занимаясь хлебопашеством, они обычно обслуживали несколько селений. Им за изготовление деревянной части одного плуга пахали 1 день.

Крестьяне, для которых изготовление плугов было не основным, а побочным занятием, брали за это, главным образом, деньги. Изготовление деревянной части одного плуга стоило в зависимости от местности, а также от величины плуга, 3 — 5 рублей. Иногда брали зерно — 1 коди (4 пуда, Картли)¹⁶. Во всех случаях материал принадлежал заказчику. По словам сказителя, «у хорошего плугаря деревянная часть плуга служила 6 — 7 лет».

Сравнительно дорого стоили железные части плуга — лемех (с а х н и с и) и резак (с а к в е т э л и). Для изготовления лемеха требовался в среднем 1 пуд железа, для резака — полпуда. Кроме того, лемех и резак ежегодно нуждались в подновлении.

Необходимую часть плуга составляла д ж а м б а р а — кожаный ремень, посредством которого плуг соединялся с передком. Со II половины XIX в. в некоторых местах Картли и Кахети она была заменена железной цепью.

Для запряжки в плуг рабочего скота употреблялись ярма (у г е л и) с т а б и к и (деревянные шкворни у ярма) и а п е у р и (бечевка, которой подвязывали шкворни под шеей вола, буйвола). В конце XIX в. изготовление ярма в Картли стоило 50 коп. — 1 рубль.

Значительной частью плуга являлся г в е д и — кожаный ремень, посредством которого соединялись ярма между собой. С помощью каждого гведи соединяли 3 — 4 ярма. По сведениям информаторов, для изготовления одного гведи требовались две воловьих или буйвожьих шкуры, но предпочитали гведи, сплетенные из одной воловьей и одной буйвожьей шкуры.

Мастерами этого дела считались хевсуры. За сплетение одного гведи они брали либо 1 коди (4 пуда, Картли) пшеницы и а н а г у л и (обрезки кожи), либо деньги — 10 — 15 рублей. Кожа, обычно, принадлежала заказчику. Бывали случаи, когда покупали готовые ремни. Цена их колебалась от 25 до 30 рублей.

Согласно нашим полевым материалам, в Картли и на месте изготовления гведи. В с. Хидистави мастерами этого дела считались семья Джериашвили, в с. Хелтубани — Кочуашвили, в с. Каралети

¹⁶ К о д и — мера зерна. В Шида Картли она равнялась 4 пудам

— Тедиашвили. По словам информаторов, гведи служили 20 — 25 лет.

Кожаные ремни (гведи) для соединения упряжного скота, главным образом, употреблялись в Картли. В Кахети, помимо гведи, с этой целью использовались железные цепи, а также с а к е в а р у г е л и¹⁷, которые между собой были соединены грабовыми или кизиловыми прутьями.

Как видно из приведенного материала, плуг являлся довольно дорогостоящим орудием. К концу XIX в. деревянный плуг со всеми принадлежностями в Ахалцхском и Ахалкалакском уездах стоил 42 — 55 рублей [53, с.142], в Тифлисском уезде — 57 рублей [152, с.236], в Горийском уезде цена не превышала 35 рублей [151, с.206].

Такими возможностями располагали немногие крестьянские дымы. Именно поэтому при упоминании сельскохозяйственного инвентаря в крестьянской семье говорится обычно о частях пахотного орудия, а не о плуге в полном сборе [155, с.106]. Среди крестьян только очень состоятельные имели собственные плуги, со всеми принадлежностями.

Согласно нашим полевым материалам, а также литературным данным [25, с.99], можно предположить, что в картлийских и кахетинских селах плуги имелись в среднем у 10 — 12% общего числа дымов.

В зависимости от пахотного сезона, а также от величины плуга, в последний впрягали 6 — 12 пар упряжного скота [51, с.35].

Количество имеющегося рабочего скота являлось определяющим экономической мощности крестьянской семьи¹⁸.

Таких семей, которые располагали нужным для плуга количеством волов, было очень мало. Полную упряжку для плуга имели только очень состоятельные крестьяне. Это были в основном большие семьи [202, с.43]. Малые семьи, как правило, были лишены этой возможности [210, с.192].

Согласно документам XVIII в., рабочий скот между дымами был распределен крайне неравномерно. Были и семьи, вообще не имеющие рабочего скота [155, с.104]. В последующее время имущественная дифференциация крестьянства углубляется. В 1900 г. в Закавказье было проведено исследование крестьянских хозяйств.

¹⁷ С а к е в а р и — деревянная рейка, соединяющая два ярма.

¹⁸ Следует заметить, что наличие упряжного скота являлось определяющим экономической мощности (зажиточности) семьи в тех случаях, когда ведущей отраслью хозяйства было полеводство. Отсутствие упряжного скота не являлось залогом бедности в тех случаях, когда ведущей становилась другая отрасль сельского хозяйства [182, с.38]. Таким было в некоторых районах Кахети виноградарство. В этих местах состоятельные крестьяне, занимающиеся виноградарством, не имели большого количества рабочего скота. Они для обработки земель нанимали людей со стороны с их инвентарем. В селениях некоторых районов Кахети происходила группировка дымов. В хозяйстве одной группы дымов ведущее место занимало виноградарство; в хозяйстве другой — полеводство оставалось ведущей отраслью хозяйства. Однако, надо заметить, что на данном этапе такая специализация отраслей сельского хозяйства только зарождалась [182, с.38 — 39].

Оно коснулось части тех дымов в Тифлисской губернии, которые уже выкупили земли. В результате исследования выяснилось, что 44,2% хозяйств вообще не имели рабочего скота, 21,8% хозяйств владели одной парой рабочего скота, а у остальных 34% имелись две пары или больше. Если такое положение было среди крестьянских дымов, уже выкупивших земли, то надо предполагать, что гораздо худшее положение было у остальных крестьянских масс [197, с.122].

Исследователь экономического быта государственных крестьян Горийского уезда С.В. Мачабели писал: «В долинах на дым приходится рабочего скота 2,4. Вследствие отсутствия в громадном большинстве селений III района (низменность — Т.Г.) специальных пастбищ, покосных земель и кормовых средств, крестьяне принуждены держать рабочий скот в меньшем количестве, чем требуется для обработки полей» [151, с.227]. Х.А. Вермишев указывал, что в исследованных селениях Ахалцихского и Ахалкалакского уездов около 17% всех дымов лишены были рабочего скота и почти столько же дымов имели его в недостаточном количестве [53, с.150]. Тяжелое положение было и в других уездах [24, с.282 — 283; 25, с.99; 152, с.237].

Плуг со всеми принадлежностями и упряжной скот составляли т.н. г у т н е у л и. Иногда под г у т н е у л и подразумевалась одна упряжка рабочего скота [248; 51, с.35; 156, с.43; 191]. В таком значении встречаем данный термин в устном народном творчестве [195, с.87], а также в одном документе 1781 г. из Картли [38, документ № 1236].

Рабочую силу составляли плугарь (г у т н и с д э д а) и 3-6 погонщиков (м е х р е).

Выставить большой плуг в полном сборе, с полным комплектом рабочего скота и рабочей силы редко кто бывал в состоянии [61, с.19]. Поэтому легко представить, что незначительное число крестьянских дымов было в состоянии пахать земли собственными силами. Как отмечал А. Хаханов, «нужно быть очень состоятельным человеком, чтобы иметь возможность пахать своими собственными средствами» [210, с.192]. Это были, главным образом, большие семьи. Только семейная община могла иметь своё собственное гутнеули, т.е. большой плуг, и требуемое для вспашки поля большим плугом количество волов, а равным образом обеспечить сам процесс пахания необходимым числом людей [203, с.68]. Как пишет Р.Л. Харадзе, «Земледелие, которое являлось ведущей отраслью хозяйства равнинной части Грузии, нуждалось в орудии производства, требующем большого количества скота и коллективной организации труда. Семейная община своей структурой, системой распределения труда, численностью работоспособных членов и возможностью увеличения поголовья рабочего скота вполне отвечала этим требованиям¹⁹ [203, с. 68].

¹⁹. Экономическое превосходство большой семьи над малыми семьями являлось ос-

В исследуемое время господствующей формой семьи была малая семья, а большие семьи продолжали существовать sporadically [13, с.13; 202, с.43]. Малые семьи, в отличие от больших, не располагали возможностью иметь плуг со всем снаряжением, нужное количество упряжного скота и рабочей силы. Они, как правило, во время пахоты обращались к трудовому объединению вокруг большого плуга — супряге. Несколько дымов соединяли инвентарь (мертвый и живой) и рабочую силу и в течение определенного срока поочередно пахали свои земли.

В каждом селе в зависимости от его величины организовывалось определенное число супряг.

Существовали специальные термины, обозначающие коллективное пахание большим плугом. Наиболее распространенным среди них является *м о д г а м и*. Этот термин был распространен в Картли, Кахети и Месхети. В Тианетском и Душетском районах супряга при пахании большим плугом обозначалась термином *а м б а з и* [226, с.63]. По определению Сулхана-Саба Орбелиани, *а м б а з и* обозначает «вступившего с кем-либо в товарищество» [164, с.24]. Мы засвидетельствовали этот термин в следующих селениях Тианетского района — Дореулеби, Артани, Жебота, Орхеви, Сиони.

Термин *м о н д а в и* нами был засвидетельствован в селах Ахметского района²⁰ и в пшавских деревнях Иорского ущелья. Его, должно быть, принесли с собой спустившиеся с гор пшавы. В Кахети (Телавский район) засвидетельствован термин *м е к о м е*²¹. В этом значении встречаем этот термин у Сулхана-Саба Орбелиани [164, с.202]. С. Ментешашвили в Кизики (с. Уриатубани) зафиксировал термины *а л о в н о б а* [156, с.6] и *г а д а б м а* [156, с. 24].

Для обозначения трудового объединения вокруг большого плуга, помимо вышеназванных терминов, нами были зафиксированы термины *м о н а м г л е* (с. Сакобо, Кизики) и *а м г а л и*²² (с. Диди Гомарети, Картли).

Помимо этих терминов в существующей по данному вопросу литературе для обозначения супряг при пахании большим плугом употребляются термины: *г у т н е у л и* [71, с.329 — 336] и *г у т а н и* [13, с.28].

новой причиной устойчивости семейных общин в последний период их существования [202, с.32].

²⁰ Термин *м о н д а в и* в Ахметском районе (Кахети) употреблялся параллельно с *м о д г а м и*.

²¹ Знаменательно, что термин *м е к о м е* обозначал также и патронимию (Кахети, Мтиулети, Ксанское ущелье) [173, с.64; 89, с.314; 180, с.130].

²² В словаре С.С. Орбелиани слово *а м г а л и* объясняется как «находящиеся по соседству овчарни» [164, с.24]. Согласно нашему полевому материалу, этот термин так же, как и термин *м о д г а м и* обозначал коллективное пахание. Однако, по определению информаторов, словом *м о д г а м и* именовали трудовое объединение, в котором участвовали люди «одного происхождения — модгма», т.е. родственники, а *а м г а л и* — когда для совместной работы объединялись «люди разного происхождения».

Мы для обозначения трудового объединения вокруг большого плуга будем пользоваться термином *модгами*, т.к. последний является наиболее широко распространенным термином.

Обязанности членов товарищества, разделение труда, разделение дней пахоты, очередность пахания, режим труда, отдыха и питания, различные правила и обычаи, связанные с модгами, мы рассмотрим обобщенно по материалам Восточной Грузии при летнем пахании — а не у ли.

В Картли при летнем пахании в большой плуг впрягали преимущественно 8 пар упряжного скота, а в Гаре Кахети, в низменной части Иорского ущелья и в Месхети — 10 — 12 пар. В той части Картли и Кахети, где были т.н. иллыстые почвы, а также в Кизики, иногда обходились 6—7 парами рабочего скота. В качестве упряжного скота использовались воли и буйволы. При восьмипарной запряжке, в большинстве случаев, требовалось пять работников — плугарь (гутнисдэда) и 4 погонщика (мехре). В случае изменения количества рабочего скота соответственно менялось и количество погонщиков.

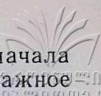
2. Состав модгами и функции его членов

Подбор членов модгами производил владелец плуга, который, как правило, являлся плугарем и руководителем всей работы. Если в вышерассмотренных видах супряги, связанных с пахотными орудиями простой конструкции, обязанность пахаря в большинстве случаев выполнялась поочередно всеми членами супряги, в данном случае, как правило, плугарь выделялся по профессиональному признаку. Он являлся руководителем и от него зависел выбор членов супряги.

К тому периоду, которого касается наш материал, трудовое объединение при пахании большим плугом не было обусловлено родственными отношениями. Хозяева плугов старались подобрать хороших работников, имеющих сильный рабочий скот. При восьмипарной запряжке обычно было пять пар волов и три пары буйволов.

Согласно собранному нами полевому материалу, плугарю обычно принадлежал плуг (деревянная часть плуга, лемех и резак). Часто гведи (кожаные ремни для соединения ярем) и джамбара (ремень, соединяющий плуг с передком) тоже составляли собственность пахаря. Помимо этого, пахарю принадлежало несколько пар упряжного скота, число которого зависело от его возможности. Так как владельцами дорогостоящего пахотного орудия были состоятельные крестьяне, то у них, естественно, и рабочего скота было больше, чем у других соучастников. Погонщики участвовали в модгами личным трудом и упряжным скотом.

В исследуемый период, в результате имущественной дифференциации, в деревне было много дымов, лишенных рабочего скота. Такие крестьяне в супряге участвовали только своим трудом и назывались *х м е л и м е х р е* (букавльно — сухой погонщик).

К летнему паханию готовились за несколько недель до начала пахотного сезона. Подготовительный период имел весьма важное значение, т.к. для нормальной работы модгами большое значение имел правильный подбор соучастников, а также правильное снаряжение плуга и размещение упряжного скота. Кроме того, следовало учесть качество и местоположение пахотных участков и т.д. Заранее определялась степень участия каждого члена супруги, а также дни пахоты, причитающиеся каждому из них, очередность пахания и т.д. Организатором всего этого был плугарь. Он же являлся и руководителем всей дальнейшей работы. До начала пахоты плугарь должен был снарядить плуг. Это требовало определенных знаний. Затем нужно было распределить рабочий скот по определенному порядку. Каждая пара рабочего скота имела свое название. Буйволов, как более мощную тягловую силу, полагалось впрягать в задние ярма — при восьмипарной запряжке их впрягали в II, IV и VI ярма. В том случае, если была только одна пара буйволов, она впрягалась во II ярмо, а если были две пары — то во II и IV ярма.

Первой парой (от плуга) — гутни ставис хареби (буквально — волы главы плуга) впрягали самых сильных волов, для переднего ярма (последнее от плуга) — цина угели (буквально — переднее ярмо) выбирали молодых, поворотливых волов. Они шли первыми.

Впрягать вола с буйволом в одно ярмо не было принято, хотя иногда, в случае крайней нужды это допускалось. В таких случаях предпочитали в паре с волом впрягать буйволицу, т.к. по силе и подвижности она более соответствовала волу, чем буйвол. В том случае, если с волом в одно ярмо впрягали буйвола, необходимо было т о л и с д а д э б а — перемещение джамбары с центра в сторону сильного животного, с помощью чего нагрузка распределялась пропорционально силе впрягаемых в ярмо животных.

Обязанностью плугаря являлось и распределение работников. В связи с этим кратко отметим, в чем заключались обязанности плугаря и погонщиков в процессе пахоты. Плугарь управлял плугом — «держал плуг». Это требовало определенных знаний и опыта. По словам информатора, «быть плугарем дело трудное. Поэтому, несведущему в земледелии человеку с этим делом не справиться».

В условиях восьмипарной запряжки обычно требовалось 4 погонщика — 2 дневных и 2 ночных. Обязанностью дневных погонщиков (д г и с м е х р е) было погонять скот во время пахания, а на обязанности ночных погонщиков (г а м и с м е х р е), помимо этого, лежала и пастьба скота ночью.

Во время работы каждый из погонщиков управлял двумя парами рабочего скота, сидя на ярме задней пары животных. В Месхети те пары волов, на ярмах которых сидели погонщики, назывались с а д ж д о м и х а р е б и (буквально — предназначенные для сидения), а передние — с а ц к е п и х а р е б и (буквально —

пооняемые хлыстом). На буйволий ярма обычно не садились, а в некоторых местах вообще не было принято садиться на ярмо (Кахети, с. Акура) [182, с.95].

Первыми (от плуга) двумя парами управлял гутниставис мехре (Картли, Кахети). Он сидел на ярме первой пары волов (гутниставис хареби) и погонял вторую пару (буйволов). Этот погонщик именовался также гиргитис мехре (Эрцо-Тианети), харазнис мехре (Месхети).

Следующими двумя парами управлял погонщик, называемый средним погонщиком — шуа мехре || сашуалис мехре || сашуврис мехре. Он сидел на ярме III пары волов и погонял IV пару (буйволов).

V и VI парой управлял погонщик, называемый в Картли сашуало мехре (средний погонщик), в Эрцо-Тианети — цасакравис мехре. Он сидел на ярме V пары волов и погонял впряженных в VI ярмо буйволов. И наконец, четвертый погонщик т.н. цина мехре (передний погонщик) управлял VII и VIII парами волов.

Самой трудной и ответственной была работа первых двух погонщиков, т.е. погонщиков, управляющих I — II и III — IV ярмами. Они назывались ночными погонщиками, т.к. на обязанности их лежала также и пастьба скота ночью. Ночными погонщиками обычно назначали опытных крестьян.

Сравнительно легким был труд погонщиков, управляющих V, VI и VII — VIII парами. Это были дневные погонщики, исполняющие только обязанность погонщиков во время пахоты; ночью они были свободны. Дневными погонщиками обычно назначались молодые. Самой легкой была работа переднего погонщика. Им бывал даже подросток 12 — 14 лет.

В связи с работой модгами были выработаны и установлены определенные правила, которым члены этого объединения беспрекословно подчинялись.

Когда пахались земли, близлежащие к селению, упряжь разбирали; плуг и ярма оставляли в поле, а кожаные ремни (гведи) пахарь и дневные погонщики (они на ночь возвращались домой) брали с собой. Когда же пашня находилась далеко от селения, упряжь не разбирали, только волов и буйволов выпускали. В таких случаях в поле кто-то оставался. В одних селениях у плуга оставался плугарь, в других — дневные погонщики.

отдаленность пахотных участков особенно была характерна для Кахети. При пахании некоторых участков в Кизики все члены супруги в течение всей недели оставались в поле.

В Картли по воскресным дням рабочие и скот возвращались домой; скот пасли хозяева. В некоторых селениях засвидетельствованы случаи, когда рабочий скот в эти дни присоединялся к сельскому стаду. Так было и в Кахети, когда пахались близлежащие к селению пашни. Если же пахались отдаленные от села земельные участки, то в воскресенье скот оставался в поле. В Телавском рай-

оне (Кахети) и Эрцо-Тианети по воскресным дням пастьбой скота занимались дневные погонщики; в Гаре Кахети это было обязанностью ночного погонщика. Погонщик, остающийся по воскресным и праздничным дням со скотом в Гаре Кахети назывался меквира-укме, а в Эрцо-Тианети — квира-укмис мехре. В Кизики, когда пахались особенно отдаленные от села земли, все члены супруги, за исключением плугаря, по воскресным дням оставались в поле со скотом.

Хозяин обрабатываемой земли был обязан кормить работников. Исключение составляли некоторые селения Арагвинского ущелья, где каждый член модгами шел со своим хлебом [83, с. 28].

На пашне ели два раза — садили (обед) и самхари (полдник). Это называлось джер (пища в один прием). В некоторых местах Картли был и самхрис куди (буквально — хвост полдника) — между полдником и окончанием работы. По словам сказителя, «плуг не знал ужина». Для тех, которые оставались в поле, на ужин откладывали по одной хлебной лепешке. Кто возвращался на ночь в село, ужинал у себя дома.

В Кизики, где зачастую члены модгами всю неделю проводили на пашне, было принято трехразовое питание — нацилоба, садили и самхари.

Если пашня находилась недалеко от селения, еду несли члены семьи, земля которой обрабатывалась. В большинстве случаев эту обязанность выполняла женщина, непременно замужняя; девушки или новобрачной женщине идти в поле одной не полагалось. Еду несли два раза — обед и полдник. На самхрис куди ели остатки от полдника. Теплую пищу обычно несли в специальных глиняных горшках — саджеро (буквально — для пищи в один прием), сащечаманде котани (буквально — горшок для еды). Ели в глиняных мисках.

По материалам Картли, к обеду несли одно из следующих блюд: дос щечаманди (блюдо их пахты), дахалули (пшеничная каша на молоке), пурис харшо (блюдо, приготовленное из сухого хлеба с маслом и луком), махохи (блюдо, приготовленное особым способом из отрубей), тхлис щечаманди (жидкое блюдо из винных осадков), питнис щечаманди (жидкое блюдо с мятой). Пили по одной рюмке водки. К полднику непременно готовили горячую пищу, в основном лобио. Иногда работников угощали и вином. Последнее зависело от достатка семьи. К каждому джер (еда в один прием) на долю одного рабочего полагалось по одной хлебной лепешке. Примерно такое же меню было и в Кахети. Там особенно популярно было мацони. Вообще питание рабочих зависело от возможности семьи, на которую работали.

Когда пахались отдаленные от селения земли, пищу из той семьи, для которой работали в тот день, брал с собой плугарь по утру. В Кизики и Гаре Кахети у плугаря для этого была лошадь, которая за участие в модгами получала определенное вознаграждение в виде дней пахоты. В тех селениях Кизики, пашни которых

особенно были отдалены и вследствие этого все члены супряги оставались в продолжение всей недели в поле, пахарь в субботу, после окончания работы, возвращался в селение, в воскресенье обходил все семьи, земли которых должны были пахаться на следующей неделе и брал у них продукты, пропорционально числу дней пахоты каждому из них. В таком случае несли в сыром виде продукты — лобio, сыр, чеснок, лук и пр. Хлеб брали из расчета на каждого работника по три лепешки в день. Иногда вместо хлеба брали муку и пекли на месте. Пищу готовили сами.

В основном такими были состав супряги и функции её членов, но иногда имели место маленькие отклонения от этих общих правил как относительно состава супряги, так и функций работников. Иногда в состав супряги входил марка па мехре (запасной погонщик), мети мехре (дополнительный, погонщик). В его обязанность входило выполнение вспомогательных работ — доставка воды, пищи. Если плугарь по какой-либо причине отлучался от работы, мог поручить ему свое дело. В случае надобности он мог заменить и погонщиков. Иногда существование запасного погонщика объяснялось тем, что в плуг впрягали семь пар рабочего скота. В таком случае запасной погонщик сидел на ярме VII пары волов и погонял её. В отличие от других погонщиков, он, помимо выполнения своей основной обязанности, помогал то ночному погонщику, то дневному — кто в этом нуждался.

Была маленькая разница и в функции погонщиков. Например, в некоторых селениях Картли в составе супряг не было ночных погонщиков. Все 4 погонщика работали только днем — погоняли волов и буйволов; ночью же пастьбой скота занимались специальные «пастухи», которые днем не были при плуге.

Таким образом, из приведенного материала явствует, что в супряге при пахании большим плугом существовало четкое разделение труда.

Плугарь нес ответственность за всю работу этого товарищества. Он был обязан провести пахоту в обещанный срок, всем пахать одинаково, чтобы каждый из участников был доволен. По словам сказителя, «хорошим плугарем считался тот, кто при пахании не подводит погонщиков, также усердно пахал земли членам модгами, как себе» [251].

Бывали случаи, когда по какой-либо причине срывалась работа супряги и кому-нибудь из соучастников не выполняли предусмотренную для него работу. В таких случаях плугарь был обязан закончить ее в другой день. Это называлось нагарисгамогеба. Плугарь был в ответе и перед участником супряги, недовольным вспашкой своего участка.

В случае возникновения каких-либо неурядиц между погонщиками, плугарь был обязан наладить отношения между ними. В крайнем случае он имел право исключить непослушного члена супряги. Но труд, который он уже понес, товарищество должно было возместить ему.

Бывали случаи, когда погонщик, вспахав свой участок земли, не хотел дальше работать. В таких случаях плугарь не отпускал его, не давая ему рабочий скот или части орудия, которые он носил в товарищество.

Плугарь был обязан следить, чтобы не имело место дурное обращение с чужим скотом; иногда погонщик для того, чтобы уменьшить нагрузку своему волу или буйволу, на ярме перемещал джамбару в сторону чужого скота. Плугарь следил, чтобы подобные поступки не имели место. Иногда с этой целью плугарь так распределял погонщиков, чтобы они не находились при своем скоте.

Плугарь специально предупреждал погонщиков, чтобы не ударяли животных прутом по хвосту. Осторожность соблюдалась и при запряжке в ярмо. В случае неправильной запряжки у волов и буйволов могли опухнуть шея или хребет. Эта болезнь называлась *л у р с м а н а*. Лечили её обмыванием теплой водой с мылом. С целью профилактики через день смазывали животным шеем свежим сливочным маслом.

Плугарь был ответственен и за то, чтобы скот не потравил посевы.

Все это требовало от него определенных знаний и опыта.

3. Режим труда, отдыха и питания

Во время работы супруги точно соблюдался режим труда, отдыха и питания.

В низменности скот впрягали в плуг с восходом утренней звезды — *ц и с к р и с в а р с к в л а в и* (Венера), а в лесистых местах чуть позже — с рассветом.

Приступая к работе, каждый знал свои обязанности. Пахарь брался за рукоятку плуга, погонщики погоняли скот.

Большое значение имело правильное проведение процесса пахания. Необходимо было соблюдать нужную глубину борозды. Особенное внимание обращалось на проведение прямых борозд. В связи с этим дело среди рабочих было четко распределено. У каждого были свои функции и в то же время их работа была взаимосвязана. Погонщики должны были ровно водить скот, плугарь должен был следить, чтобы колесо плуга не выпало из борозды. Если скот шел неровно — переходил либо в сторону не вспаханного поля, либо на вспаханный участок — в обоих случаях имело место *д а х а р в е з е б а* (буквально — оставлять пробелы). Плугарь и два первых погонщика следили, чтобы это не произошло.

У крестьян были выработаны отдельные восклицания, на которые животные отвечали соответствующими действиями [59, с.42; 156, с.27, 67; 177, с.411].

У плугаря с собой непременно имелось *ч е к и* (палка с железным наконечником) для соскабливания грязи с отвала и топор, с

помощью которого он починал плуг в случае его повреждения во время работы.

Утром, после восхода солнца, был обед с а д и л и (Кизики) || с а д и л и (Кизики). До обеда должны были вспахать одно ка б д о (равнялось 4 — 5 бороздам, Картли, Ксанское ущелье) [177, с. 415], 8 п т а (равнялось четырем обходам, Картли, с. Каралети) или с а м и г а д а х т о м а (буквально — три прыжка, Картли, с. Хидистави). Во время этого отдыха скот не выпускался из упряжи. После обеда продолжали работать. До полдника два раза устраивали кратковременный отдых г у т н и с д а с в е н е б а (буквально — отдых плуга). Скоту давали отдохнуть не выпуская его из упряжи.

В полдень устраивался сравнительно продолжительный отдых, во время которого был полдник — с а м х а р и || с а д и л и (Кизики); скот выпускали из упряжи. Дневные погонщики выгоняли его в поле пастись; тогда же вели скот и на водопой. Ночные погонщики и пахарь полдничали. Приняв пищу, ночные погонщики могли вздремнуть. Затем дневные погонщики пригоняли скот, впрягали в плуг и сами садились за полдник. В некоторых местах впрягать волов было обязанностью ночных погонщиков.

Садясь за полдник, члены супруги обычно благословляли свой труд, восхваляли волов и буйволов. Этот отдых длился около двух часов.

Замена скота в течение рабочего дня не производилась. В полдень их меняли местами в каждой паре (животные, которые шли по борозде, переводились на вспаханную полосу и наоборот). Это делалось с целью, чтобы скот имел одинаковую нагрузку. Часто упрямых животных впрягали со стороны борозды — «для усмирения».

До окончания рабочего дня ещё было «время отдыха плуга». Так же, как и после обеда, давали скоту отдохнуть, не выпуская его из упряжи.

Когда солнце склонялось к горизонту, примерно в 5 — 7 часов, работу прекращали. Это называлось х а р т а ш в е б и с д р о (время выпуска волов) || г у т н и с г а м о ш в е б и с д р о (время выпуска плуга).

Ночные погонщики брали по одной хлебной лепешке или чади (лепешка из кукурузной муки) и выгоняли скот пастись.

Кожаные ремни и бечевки дневные погонщики брали с собой, а ярма и плуг оставляли в поле. Так поступали в тех селениях, где, как правило, дневные погонщики и плугарь возвращались домой. Там, где пахотные участки были отдалены от деревни, выпускали скот из ярем, не разбирая упряжи. Дневные погонщики ночью спали при плуге.

В том случае, если на следующий день должны были пахать другой участок, то плуг в конце дня переносили на предназначенный для распахивания участок и только после этого выпускали скот из упряжи.

Ночные погонщики должны были стеречь скот с момента, когда их выпрягали из плуга до утра.

Когда скот наедался и «валился», у ночных погонщиков появлялась возможность вздремнуть. По словам сказителя, погонщики обычно клали голову на ноги тех животных, которые имели обыкновение ночью тайком уходить. Перед тем, как пригонять к плугу, скот ещё пасли.

Тяжелый труд ночного погонщика отразился в устном народном творчестве. В одном стихотворении говорится:

ანეულისა დღე დიდო,
ღამე პატარა, ბნელოო,
დაეძინება მესხრესა,
პირი დარჩება ღიაო,
ან ჩაუძვრება ბაღახი,
ან მოშხამული ჭიაო.

День во время анеули длинный,
А ночь темна, да коротка.
Уснет погонщик
И если не прикроет рот,
Либо трава залезет в рот,
Либо заползет ядовитый червяк.

(Алекси Николаевич Капанадзе, 71 год, с.Никози, Картли, 1967г.)

Погонщики свой тяжкий труд облегчали сказками, разными шутками. По сведениям Т. Мамаладзе, в Кахети ночные погонщики брали с собой музыкальные инструменты — чонгури, свирели и ночь проводили в веселии [149, с.13].

Согласно собранному нами в Кизики (сс. Земо Бодбе, Вакири, Джугаани, Сакобо) материалу, во время летней вспашки было принято пахать по ночам, особенно, в ночь с пятницы на субботу. По субботам работу заканчивали к полудню, так как пахарь, как правило, относил в этот день лемех и резак кузнецу на заточку. Пахота по ночам была известна и в Кварельском районе [87, с.295].

Тяжелый труд крестьян облёгчала песня. С помощью песен человек управлял животными и согласовывал ритм своих движений с движениями животных [49, с.117]. В литературе известно влияние музыки на животных [92, с.6].

Насколько большое значение придавали песням, видно из материала, записанного нами в с. Одзиси. Плугари этого села старались иметь в составе супруги известного певца Ниния из Ламискана, которому за замечательное пение пахали один день сверх положенной ему нормы рабочих дней.

Песни, которые пелись во время пахоты, в Картли и Кахети известны под названием оровела. В одном стихотворении говорится:

გუმბისა მიჰვარს ღიღინი,
გუმბისა ოროვულაო

Люблю напев плуга,
Оровелу плуга

(Афрасион Павлович Коккозашвили, 82 года, с. Урбниси, Картли, 1972 г.).

Оровелы являются прекрасными образцами музыкального фольклора. Д. Аракишвили писал: «...Все эти песни указывают на принадлежность их, собственно, к земледельческому быту, и

представляют собой отражение повседневной трудовой жизни крестьянина» [21, с.19].

Приводим несколько образцов.

გუთნის სიმღერა

სახნისმა თქვა: „ქვეშენთში ვარ
მზისა შუეი მენატრება“.
საკვეთელმა გაიგონა:
“ჩემზე მეტი შენ რა გხვდება?!”
მეტი-მეტი წინამძღოლით
წინა კბილი არა მრჩება“.
ეგ ჯამბარამ გაიგონა:
“ჩემზე მეტი შენ რა გხვდება?!”
ავღარია, მე დავლები,
დარი ცეცხლად მომედება“.
ეს ხარებმა გაიგონას:
„ჩვენზე მეტი შენ რა გხვდება,
დაგვადებენ მძიმე უღელს,
ზედაც მესხე შემოგდება.“
ის ურჯულო გუთნის დედა
ქვეშ-ქვეშ გამოიბდგირება;
იმას არ ეტყვის მესხესა,
უდივრობა არ იქნება.
გადმოგვკრავენ თავში სახრეს,
რქამი სისხლი აგვვარდება“.

Песня плуга

Лемех плуга сказал:
«Я всегда в преисподней
И лишен солнечного луча».
Услышал это резец:
«Разве тебе больше моего
достается?
Благодаря чрезмерной работе
Ломаются у меня передние
зубы»
Услыхал это гуж:
«Мне не меньше твоего достается:
Когда дождь, я мокну
Когда жарко я сгораю».
Услыхали это быки:
«Разве тебе больше нас
достается?
Наложат на нас тяжелое ярмо,
А сверху сядет погонщик...
Тот безбожный, правящий плугом,
Строго выглядывает
И не скажет погонщику,
Что жестокость недопустима.
Ударят нас по голове палкой,
Кровь хлынет из рога».

(Картли, Кахети) [20, с.15]

ღამის მესხე

ღამის მესხე ვარ, ტლუ ბიჭი, ვარალაღე,
ნაბადში გახვეულია /ო/.
გუთნის ხარ-კამეჩს ვდარაჯობ, ვარალე,
უნდა ვხნა ანეულია /ო/.
მზე რაკი ჩავა, გუთნეულს, ვარალე,
გამოვყოლებ ჭალასა /ო/.
თუ მეელი ამოგვედევნა, ვარალე,
ავთ ავეშული ბალანსა /ო/.
რო დაღამდება, ყურს ვუგდება, ვარალე,
არ ისმის ჩამი-ჩუმი /ო/.
მარტოკა შვიერს ხარ-კამეჩს ვარალე,
გაუდის ხრამა-ხრუმი /ო/.
ხანდახან ჭოტის ხმა ისმის, ვარალე,
და გულს მიღონებს წყეული /ო/.

Ночной погонщик

Я ночной погонщик, бедный
малый, варалале,
Закутанный в бурку.
Стерегу волов-буйволов,
варалале,
С утра мне пахать на летней
пашне.
Как солнце зайдет, варалале,
погоню я волов и буйволов
по берегу реки.
Если волк погонится за нами,
варалале,
Припугну, встанет шерсть на
нем дыбом.

იხე საბრალოდ გასძახის, ვარალე,
როგორც თიკანი უელი /ო/.

Как стемнеет, прислушиваюсь,
варалале,
Ни откуда — ни шороха.
Слышно только как с хрустом,
варалале,
Жуют голодные буйволы.
Или крикнет филин среди ночи,
варалале,
Тоску нагонит окаянный —
До того жалобно кричит он,
варалале,
словно сиротка-козленок.

(Қахети) [244, с.277]

ოროველა

Оровела

შენ, ჩემი გუთნის დედაო,
ხამი გიბია მტრედაო,
სიმღერა კარგი გცოდნია,
დასძახი ზედი — ზედაო.

Плугарь мой,
Под ярмом у тебя сизый вол;
Хороши твои, плугарь, песни,
Поешь одну за другой.

(Месхети) [244, с. 426]

გადი — გამოდი გუთანო,
ღირღიტავ ბანი უთხარო.
გახვალ ბილოსაო,
გაჭმევ დოლოსაო.
თავში გამოხვალ

Иди взад и вперед, плуг мой,
Под пение скрипучих колес.
Пройдешь в один конец,
Накормлю горным шавелем.
Возвратишься обратно,
Угощу хлебом, напою вином.
Господи, помоги нам
Вспахать землю,

პურ გაჭმევ, დაგაღვინებ ღვინოსაო.
ღმერთო ხელი მოგვიმართო,
სარ — გუთანი გაგვიმართო,
(Иоба Иванович Ушиташвили, 75 лет, с. Икалто, Кахети, 1967 г.)

Земля, вспахал я тебя, напевая.
Перепахал все поля.
От рукоятки твоей
болят у меня мозолистые руки

მიწავ, მოგხანი ღიღინით,
გადავაჭრელე ველები.
გუთნის დაჭერამ მატკინა
დაკოყრებული ხელები.

(Михака Дмитриевич Ханишвили, 75 лет, с. Урбниси, Картли, 1972 г.)

გუთნისა მიყვარს ღიღინი,
თან მეხრის შემოძახილი,
უნდა მეხრემაც იმღეროს,
სიტყვა სთქვას ლაზათიანი,
თან გუთნისდედამ იმღეროს,
თან სიტყვა ლაზათიანი,
ჭირიმე გუთნისდღისა,
მაგრად სჭერია მანჭები,
მიწავ, მე შენი ჭირიმე,
შენს იმედს ვენაცვალები,
ცოცხალი შენით ვსაზრდობ,
მკვდარიც შენ მოგებარები.

Люблю я скрип плуга,
И напев погонщика,
И плугарь тоже должен петь
Красивые песни.
Милый наш плугарь,
Крепко он держит рукоять
плуга,
Земля,
Ты даешь пищу живому,
И хоронишь мертвого.

(Сандро Георгиевич Аколашвили, 81 год, с. Хелтубани, Картли, 1965 г.)

ის ურჯულო გუთნისდელა
ქვეშ-ქვეშ გამოიყურება,
იმახ არ ეტყვის მეხრესა,
უდიგრობა არ იქნება.
მეხრემ გადმოჰკრა თავშია,
სისხლმა ახეთქა ცაშია.
მიშველე, ჩემო მეუფე,
მკლავენ ამ გუთნისთავშია.
მე შენ მანდ ვერას გიშველი,

აქ მოვლენ სამართალშია.
დავადგა რეინის უღელი,
ჩაკვიდო ჯოჯოხეთშია,
გველსა ტაბიკად ჩავუყრი,
იკლავნებოდეს წელშია.

Безбожный плугарь
Смотрит исподлобья
И не скажет погонщику,
Что жестокость недопустима.
Ударил по голове меня
погонщик,
Кровь хлынула в небо.
«Господи, помоги мне,
Доконают меня в головном
ярме».
«Я отсюда не могу тебе помочь,
Виновники предстанут перед
моим судом.
Впрягу их в железное ярмо,
Опущу в ад.
Шкворни ярма заменю извивающимися
змеями».

(Михако Захарович Мекокишвили, 90 лет, с. Гиორგიшминда, Кахети, 1973 г.)

4. Очередность пахания

Количество дней пахоты — а л о²³, отводимое каждому из соучастников, зависело от степени его участия в супряге инвентарем и личным трудом. Были тхердо установлены нормы за участие каждым компонентом.

В основном было характерно соблюдение очередности пахания. Начинали со вспашки земли плугаря. Вспахивали часть из отводимых ему дней пахоты. Затем пахались земли погонщиков. Очередность устанавливалась в зависимости от числа дней пахоты, причитающихся каждому из них — начинали с обработки земли того погонщика, которому было отведено наибольшее количество ало. В конце опять пахалась земля плугаря, которому восполняли полагающуюся норму.

Такой порядок соблюдения очередности был наиболее распространенным в Картли и Кахети. В Картли нами засвидетельствованы и такие случаи, когда земельные участки не только плугаря, но и погонщиков пахались в два приема, в той же последовательности, что и в вышеприведенном случае. Если кому-нибудь из участников полагался только один день пахоты, ему рабочий день не делили.

Согласно нашему материалу, в некоторых местах очередность пахания была более дифференцирована. Например, в ряде селений Гарე Кахети после вспашки части земли плугаря, пахали земельные участки ночных погонщиков, затем дневных, а в некоторых де-

²³ А л о обозначало также: 1. весь период пахания, 2. дни пахоты, отводимые каждому компоненту и 3. количество дней пахоты, причитающееся каждому из соучастников за его участие личным трудом и инвентарем.

ревнях Эрцо-Тианети это было ещё более дифференцировано. Там из ночных погонщиков сперва пахали земли гиргитис мехре погонщика, сидящего на I ярме, затем погонщика, сидящего на III ярме. В данном случае принималась во внимание сложность работы, выполняемой членами супряги.

Несмотря на установленную очередность, иногда она нарушалась и пахалась та земля, которую по определенным причинам (близость к распахиваемому участку, качество почвы) было целесообразно вспахать раньше. По словам информаторов, «каменистые» участки требовали вспашки после дождя, а «болотистые» места было целесообразно вспахивать в сухую погоду. Зачастую причиной нарушения очереди было и то, что семья не могла к установленному дню обеспечить работников пищей. В Месхети твердо установленной очередности при пахании не соблюдали.

Таким образом, в отличие от вышеописанных видов супряги (при работе пахотными орудиями простой конструкции), для данного вида коллективного труда в основном было характерно соблюдение очередности пахания, порой строго установленной. В таких случаях принималась во внимание либо сложность выполняемой членами супряги работы, либо степень участия инвентарем.

5. Продолжительность работы модгами

Период, за который должны были вспахать земли всем членам супряги, назывался а л о. Продолжительность ало зависела: 1. от норм вознаграждения за участие рабочей силой и инвентарем. 2. от количества работников и упряжного скота. Продолжительность ало в некоторых местах несколько увеличивалась вследствие того, что там по традиции было принято пахать для сельского пастуха, полевого сторожа, для кузнеца.

Однодневное пахание сельскому пастуху — с а м е н а х и р о а л о (пастушное) — особенно было характерно для Картли. В картлийских деревнях нерабочий скот обычно пасли сельские пастухи, которым за это хозяева скота платили зерном²⁴. Рабочий скот в большинстве случаев пасли сами хозяева по очереди. Это называлось р и г - р и г а (буквально — по очереди).

В тех селениях, где рабочий скот пасся в сельском стаде, сверх платы зерном пастуху полагалось по одному дню пахания с каждого плуга, выходящего из селения на работу. Это было установлено обычаем. Все супряги села после завершения работы выходили пахать пастушеское поле. Каждая супряга пахала тому пастуху, у которого пасся рабочий скот членов той супряги.

Полевых сторожей (м е в е л е) в редких случаях нанимали за деньги. В большинстве случаев мевеле получал с каждого д г и у р и (земельная площадь, вспахиваемая за один день) зерном по одно-

²⁴ Размер вознаграждения в разное время бывал неодинаковым. В начале XX в. за пастьбу в течение года с дойной коровы он равнялся от 4 до 8 чанэхи (чанэхи — 8 кг) пшеницы, а с недойной коровы брали ячмень в таком же количестве.

му чанахи (8 кг) с собранного урожая. В некоторых селениях вместо этого было принято пахать для мевеле — все супруги села после окончания работы один день пахали его землю.

Было известно также однодневное пахание кузнецу — м ч е д л и с а л о || с а м ч е д л о. В Кизики часто пахарь брал кузнеца, который каждую субботу должен был подтачивать лемех и резак, за что ему данное плужное товарищество пахало один день. В Картли тоже было известно пахание кузнецу за подновление лемеха и резака, но там кузнецу пахали из рабочих дней, отведенных для владельца плуга [177, с.411]. В приведенных случаях пахание для кузнеца было возмещением его труда²⁵. Но, помимо этого, кузнецу пахали и безвозмездно. Супруги села, которое обслуживал кузнец, при первом же обращении последнего, оказывали ему помощь — безвозмездно вспахивали поле.

На продолжительность ало влияло и то, что плужные товарищества часто обязывались работать на должностных лиц. Например, в некоторых селениях Картли сверх платы деньгами, старостам полагалось по одному дню пахоты с каждого плуга, выходящего из селения на работу.

В ряде селений было принято пахать землевладельцу за пользование лесом, водой, пастбищами и другими угодьями [151, с.200, 201].

В некоторых селениях все супруги села продавали по одному дню пахоты и на полученные деньги устраивали обрядовое пиршество — с а г м р т о. Это особенно было характерно для Кахети. В некоторых селениях Картли каждая супруга один день работала по найму и на вырученные деньги супругишки устраивали пирушку в знак окончания пахоты.

В ряде селений было принято пахать вдовам и сиротам из чувства сострадания.

Количество работников и упряжного скота, нормы распределения результатов труда (рабочих дней), а также обязанности по отношению к сельскому пастуху, кузнецу, полевому сторожу и пр., а следовательно и продолжительность периода совместной работы в разных уголках Грузии, и даже в разных деревнях в пределах одного уголка, не всегда полностью совпадали, но для каждой конкретной местности были твердо установлены.

6. Распределение дней пахоты

Приводим данные о распределении дней пахоты между членами супруги по отдельным частям Восточной Грузии.

Распределение дней пахоты в Картли (Го-

²⁵ Пахание для кузнеца взамен за его услугу было известно как в Западной Грузии [45, с.214; 171, с.16], так и среди других кавказских народов [118, с.64]. В Раче (Западная Грузия) пахание кузнецу называлось калапория [171, с.16].

рийский, Каспский, Мцхетский и Душетский районы).

ЭМ135741
81323170333

В этой части Восточной Грузии во время анеули в плуг преимущественно впрягали 8 пар упряжного скота.

В Картли было известно два вида супряги, отличающиеся друг от друга продолжительностью периода совместной работы. В первом случае (т а о б а) хозяину одного вола отводилась однодневная пахота. Во втором случае (у г е л а) владельцу пары волов пахали один день. В связи с изменением норм вознаграждения рабочего скота днями пахоты, пропорционально менялось и количество причитающихся другим компонентам дней пахоты, а в соответствии с этим и продолжительность всего периода совместной работы.

Ниже приводится распределение дней пахоты при пахании супрягой у г е л а²⁶

Названия сел	Число дней, приходящееся на долю:											
	Владельца одной пары						Владельца					
	Погонщиков						Владельца					
	дневного						гведи					
	Плугаря	Ночного	Среднего	Переднего	Волов	Буйволов	Деревянной части плуга	Лемеха	Резака	Переднего	Заднего	Джамбары и анеури
Каралети	2	2	1,5	1	1	2	2			0,5	0,5	0,5
Хелтубани	2	2	1	1	1	1,5	2			0,5	0,5	0,5
Тортиза	2	2	1,5	1	1	2	2			0,5	1	0,5
Корди	2	2	1	1	1	1	2			0,5	0,5	0,5
Хидистави	2	2	1	1	1	1	2			0,5	0,5	0,5
Земо Никози	2	2	1	1	1	1	2			0,5	0,5	0,5
Одзиси	2	2	1	1	1	1	2			0,5	0,5	0,5
Ламискана	2	2	1	1	1	1	2			0,5	0,5	0,5
Тези	2	2	1	1	1	1	2			0,5	0,5	0,5
Дзегви	2	2	1	1	1	1	2			0,5	0,5	0,5
Квемо Чала	2	2	1	1	1	1	2			0,5	0,5	0,5
Ксоврис	2	2	1	1	1	1	2			0,5	0,5	0,5

²⁶ Ср. Согласно данным С.В. Мачабели [151, с.206—207], в Горийском уезде при ало продолжительностью 20 дней рабочие дни распределялись следующим образом:

Плугарю за его труд	пахали — 2 дня
Ночному погонщику " " "	" — 2 дня
Дневному погонщику " " "	" — 1 день
Владельцу пары волов или буйволов	пахали — 1 день
" лемеха	" — 1 день
" резака	" — 0,5 дня
" деревянной части плуга	" — 0,5 дня
" ремня	" — 1 день
" джамбары	" — 0,5 дня
" анеури	" — 0,5 дня

Таким образом, плугарю за его труд пахали 2 дня, ночным погонщикам также по 2 дня. Дневные погонщики за свой труд, в основном, получали одинаково — по одному дню пахоты. Исключение составляли сс. Каралети и Тортиза, где в вознаграждении дневных погонщиков была разница. Среднему погонщику, сидящему на V ярме, пахали 1,5 дня, а переднему, которым часто бывал и подросток — 1 день. Владельцу каждой пары волов и буйволов пахали одинаково — по одному дню. Однако, в некоторых селениях (Тортиза, Каралети, Хелтубани) работа буйвола оценивалась дороже ²⁷.

По установленному обычаю, владельцу одного вола, как правило, пахали 0,5 дня. Исключение составлял «вол без хозяина». В таком случае за этого вола его владельцу, не участвовавшему личным трудом в супряге, пахали один день.

Владельцу плуга, как правило, пахали два дня. Из этих двух дней один день ему отводился за лемех, полдня за резак и полдня за деревянную чать плуга. Но мы в таблице не расчленяем дни пахоты, причитающиеся за участие плугом в полном сборе, т.к. обычно плуг с железными частями принадлежал одному лицу — плугарю.

Джамбара (кожаный ремень, посредством которого плуг соединялся с передком), апеури (бечевки, которыми подвязывали шкворни под шеей упряжных животных), а также гведи (ремни для соединения ярем между собой) могли принадлежать не только плугарю, но и погонщикам; но чаще плуг со всеми принадлежностями, включая гведи, а также джамбару и апеури, вносил плугарь.

Для восьмипарной упряжки требовалось два гведи. За каждый из них владельцу полагалось пахать полдня. Исключение составляло с. Тортиза, где была разница в вознаграждении за участие гведи: за передний (соединяющий 4 передние ярма) его хозяину пахали полдня, а за задний (соединяющий 4 последующие ярма) — 1 день, т.к. последний «получал большую нагрузку».

Владельцу джамбары и апеури везде пахали одиноково — по 0,5 дня.

Так распределялись дни пахоты в условиях у г е л а. Когда пахали т а о б а, размер вспахиваемой земли за участие каждым компонентом увеличивался вдвое ²⁸.

Применение каждого из этих видов супряги зависело от при-

²⁷ Г.В. Джалабадзе этот обычай засвидетельствовал в с. Земо Собиси (Картли) [86, с.83]. По его же сведениям, в с. Кирбали за участие передней парой волов пахали на полдня больше ввиду того, что им приходилось первым проходить по нетронутой земле [там же].

²⁸ Ср. По данным С.В. Мачабели [151, с.206 — 207], в Горийском уезде при ало продолжительностью 40 дней дни пахоты распределялись следующим образом:

Плугарю за его труд	пахали — 4 дня
Ночному погонщику " " "	" — 4 дня
Дневному погонщику " " "	" — 2 дня

родных условий местности, а также от экономического положения крестьянской семьи. В Шида Картлийской низменности, в особенности в её неорошаемой части, большая часть земли отводилась под анеули (летнее пахание). Поэтому тут при летней вспашке большей частью применялась т а о б а. Но в условиях малоземелья не все крестьянские дымы имели возможность большую часть земли оставить под паром (летом пахалась земля, находящаяся под паром). В таких случаях обращались к супряге у г е л а.

Распределение дней пахоты в Кахети

Ахметский район (сс. Ожо, Матани)

В данной части Кахети во время анеули в плуг преимущественно впрягали 8 пар упряжного скота.

В указанных селениях бытовали супряги продолжительностью десять и двадцать дней.

В супряге продолжительностью 10 дней дни пахоты распределялись следующим образом:

Плугарю за его труд	пахали — 1 день
Ночному погонщику „ „ „	„ — 1 день
Дневному погонщику „ „ „	„ — 0,5 дня
За участие деревянной частью плуга, лемехом, резаком, джамбарой и самалдэ (то же самое, что апеури — бечевка, которой подвязывали шкворни под шеей вола, буйвола).	„ — 1,5 дня

Владельцу пары волов или буйволов	пахали — 2 дня
„ лемеха	„ — 2 дня
„ резака	„ — 1 день
„ деревянной части плуга	„ — 1 день
„ ремня	„ — 2 дня
„ джамбары	„ — 1 день
„ апеури	„ — 1 день

По данным Г.С. Читая [232, с.373] при ало продолжительностью 50 дней дни пахоты распределялись следующим образом:

Плугарю —	6 дней
Лемеху —	2 дня
Резаку —	1 день
Джамбаре —	1 день
Ремню —	8 дней
Ночным погонщикам —	12 дней (каждому — по 6)
Дневному погонщикам —	4 дня (каждому — по 2)
волам	16 дней

По данным А.И. Робакидзе [177, с.409] в с Одзиси при 40-дневной пахоте рабочие дни распределялись следующим образом:

плугарю	5 дней
ночному погонщику	4 дня /x2/
дневному погонщику	2 дня /x2/
плугу /с лемехом и резаком, джамбарой и апеури/	6 дней
паре волов или буйволов	2 дня /x8/

За участие сакевар-угели (деревянные рейки, соединяющие два ярма), табики (деревянные шкворни) и гведи²⁹ — ремня, соединяющего сакевар-угели

— 0,5 дня
— 0,5 дня

За участие парой волов или буйволов

— 10 дней

всего

В супряге продолжительностью 20 дней количество дней пахоты, отводимое для каждого компонента, увеличивалось вдвое.

Плуг, с лемехом и резакон, а также джамбара и самалдэ, обычно принадлежали плугарю. В случае отсутствия у него джамбары, самалдэ и резака, эти части плуга вносил один из погонщиков. За это ему пахали при десятидневном пахании 0,5 дня, а при двадцатидневном — 1 день.

Для указанных деревень, населенных бывшими помещичьими крестьянами, особенно было характерно малоземелье. В каждый сезон приходилось крестьянским дымам пахать весьма немного и поэтому при анеули они часто прибегали к супряге продолжительностью 10 дней.

Т е л а в с к и й р а й о н (сс. Вардисубани, Икалто)

В данной части Кахети во время анеули в плуг преимущественно впрягали 8 пар упряжного скота.

Распределение дней пахоты по материалам с. Вардисубани

Плугарю за его труд	пахали — 2 дня
Дневному погонщику „ „ „	„ — 1 день
Ночному погонщику „ „ „	„ — 2 дня
Владельцу плуга	„ — 0,5 дня
„ лемеха	„ — 2 дня
„ резака	„ — 1 день
„ джамбары и самалдэ	„ — 1 день
„ пары волов или буйволов	„ — 1 день

Всего

— 20,5 дней

Распределение дней пахоты по материалам с. Икалто

Плугарю за его труд	пахали — 2 дня
Дневному погонщику „ „ „	„ — 1 день
Ночному погонщику „ „ „	„ — 2 дня
Владельцу плуга с лемехом	„ — 2,5 дня
„ резака	„ — 1 день
„ джамбары	„ — 1 день
Владельцу пары волов или буйволов	„ — 1 день

Всего — 20,5 дня

Как видно из приведенного материала, в указанных селениях распределение дней пахоты было одинаковым. Разница заключалась лишь в том, что в с. Вардисубани плуг с лемехом, резакон, джамбарой и самалдэ поставлял плугарь, за что ему полагалось

²⁹ В этой части Кахети употреблялись короткие ремни, соединяющие сакевар-угели между собой.

4,5 рабочих дня. В Икалто пахарь вносил деревянную часть плуга и лемех; резак и джамбару вносили ночные погонщики. Один из ночных погонщиков вносил резак, другой — джамбару. Участие самалдэ не вознаграждалось ввиду его незначительной стоимости.

В указанных селениях, в случае, если пашни находились далеко от селения, в супряге участвовал т.н. мет и мехре (добавочный погонщик), обязанность которого заключалась в доставке пищи и воды. Ему за это пахали 1 день и таким образом продолжительность пахоты увеличивалась до 21,5 дня.

Сагареджойский район (сс. Хашми, Ниноцминда, Гиоргицминда, Патардзеули)

В данной части Кахети при анеули в плуг обычно впрягали 10-12 пар упряжного скота.

Названия сел	Число дней, приходящееся на долю:									
	Владельца одной пары						Владельца			
	Погонщиков						дневного			
	Плугаря	Ночного	Среднего	Переднего	Волов	Буйволов	Деревянной части плуга	Лемеха	Резака	Гвечи
Хашми	3	3	1	1	1	—		3		1
Ниноцминда	3	3	2	1	1	—		2		1
Гиоргицминда	3	3	2	1	1	1		2		1
Патардзеули	3	3	2	1	1	1		3		1

Как видно из таблицы, плугарь за свой труд получал 3 рабочих дня на своем участке; так же вознаграждался и труд ночного погонщика. Следует заметить, что в данных селениях ночной погонщик, помимо выполнения своей основной обязанности, по воскресным дням и по праздникам оставался со скотом.

Дневной погонщик за свой труд в с. Хашми получал один день пахоты, а в сс. Патардзеули, Гиоргицминда и Ниноцминда один из дневных погонщиков, а именно, тот, который сидел на ярме V пары волов, получал за свой труд 2 рабочих дня, а передний — 1 рабочий день.

За участие парой волов и буйволов одинаково пахали по 1 дню

Плуг с лемехом и резакom принадлежал пахарю, за что последний получал в с.с. Хашми и Патардзеули 3 рабочих дня, в с.с. Гиоргицминда и Ниноцминда — 2 рабочих дня.

За участие каждым гведи его владельцу пахали по 1 дню. Также и за участие джамбарой и апеури их владельцу причитался 1 день пахоты.

Для данной части Кахети была характерна отдаленность пашень от села. Это обстоятельство нашло отражение и в составе супряги. Иногда для возки воды и пищи содержалась лошадь, владельцу которой пахали 1 день.

Г у р д ж а а н с к и й р а й о н (сс. Шрома, Вазисубани, Ка-
лаури)

В данной части Кахети при анеули в плуг впрягали 8 пар упряжного скота.

Плугарю за его труд	пахали — 2 дня
Ночному погонщику „ „ „	„ — 2 дня
Дневному погонщику „ „ „	„ — 1 день
Владельцу пары волов или буйволов „ „ „	„ — 2 дня
„ плуга с лемехом и резакom	„ — 2 дня

С и г н а х с к и й р а й о н (сс. Сакобо, Бодбе, Анага, Вакири)³⁰

В данной части Кахети при анеули в плуг впрягали 6 — 8 пар упряжного скота.

Плугарю за его труд	пахали — 2 дня
Дневному погонщику „ „ „	„ — 1 день
Ночному погонщику „ „ „	„ — 2 дня
Владельцу пары волов	„ — 1 день
„ плуга	„ — 2 дня
„ лошади	„ — 1 день

Р а с п р е д е л е н и е д н е й п а х о т ы в Э р ц о - Т и а н е т и (сс. Дореулеби, Сиони, Артани, Чекураант-гори, Алоти, Жебота, Бочорма)

В этой части Восточной Грузии при анеули в плуг впрягали 10-12 пар упряжного скота.

В Эрцо-Тианети нами было засвидетельствовано три вида супряги, отличающиеся друг от друга продолжительностью периода совместной работы.

В первом случае владельцу одного вола или буйвола пахали один день. Этот вид супряги именовался ц а л а (буквально — один из пары) || ц а л а з е г а м о к в а н а (буквально — выводить на одного из пары).

³⁰ Ср. По данным С. Ментешавили [156, с.6] в Кизики (совр. Сигнахский р.) дни пахоты распределялись следующим образом:

Плугарю	— 2 дня
Ночному погонщику	— 2 дня
Дневному погонщику	— 1 день
Паре волов	— 2 дня
Лошади	— 1 день
Плуги	— 2 дня

Во втором случае владельцу одной пары упряжного скота пахали один день. Этот вид супряги был известен под названием у г е л а (одна пара) || у г е л з е г а м о к в а н а (буквально — выводить на одну пару).

В третьем случае один рабочий день приходился на долю двух пар упряжного скота. Этот вид супряги именовался к е в а р а (две пары упряжных животных) || к е в а р з е г а м о к в а н а (буквально — выводить на две пары).

При работе супрягой у г е л а дни пахоты распределялись следующим образом³¹.

Плугарю за его труд	пахали — 1 день
Ночному погонщику „ „ „	„ — 2 дня
Дневному погонщику „ „ „	„ — 1 день
Владельцу пары волов или буйволов	„ — 1 день
„ лемеха	„ — 1 день
„ резака	„ — 0,5 дня
„ гведи	„ — 0,5 дня
	(в сс. Дореулеби и Сиони по 1 дню)
„ джамбары и самалдэ	„ — 0,5 дня

³¹ Ср. В этом районе по данным М.В. Мачабели [150, с.440] дни пахоты распределялись следующим образом:

Плугарю	— 2 дня
Ночному погонщику	— 2 дня (х 2)
Дневному погонщику	— 1 день (х 3)
Паре волов	— 1 день (х 10)
Владельцу лемеха	— 1 день
Владельцу резака и джамбары	— 1 день
Владельцу апеури	— 1 день
Запасному погонщику	— 1 день
Всего	— 23 дня

По данным Г.С. Читая [226, с.15]:

Плугарю	— 1 день
Ночному погонщику	— 2 дня (х 3)
Дневному погонщику	— 1 день (х 4)
Паре волов	— 1 день (х 12)
Ремню	— 1 день
Джамбаре, апеури и ярмам	— 0,5 дня
Резаку	— 0,5 дня
Лемеху	— 1 день
Всего	— 26 дней

По данным Г.В. Джалабадзе [83, с.29]:

Плугарю	— 2 дня
Ночному погонщику	— 2 дня (х 2)
Дневному погонщику	— 1 день (х 3)
10 парам волов	— 1 день (х 10)
Резаку	— 0,5 дня
Лемеху	— 1 день
Ремню	— 1 день
Самалдэ и джамбаре	— 1 день

Всего — 22,5 дня

При пахании супрягой цала на долю каждого вола приходился один день пахоты, т.е. вдвое больше, чем при угела. Соответственно росло и число дней пахоты, отводимое плугарю, погонщикам. Нормы вознаграждения за участие плугом были те же самые; они не увеличивались. В этом отношении исключение составляло с. Алоти, где и нормы вознаграждения за участие плугом тоже увеличивались вдвое, так же, как и в функционирующих в Картли супрягах угела и таоба.

В третьем случае, при пахании супрягой кевара один день пахоты распределялся на две пары волов; в соответствии с этим менялось и количество дней, причитающееся другим компонентам и, следовательно, продолжительность всего периода совместной работы тоже сокращалась вдвое, по сравнению с угела.

Таким образом, по продолжительности работы на первом месте была цала, на втором — угела, а на третьем — кевара. Период пахания угела был вдвое меньше, чем при цала и вдвое больше, чем при кевара.

Масштабы применения каждого из этих видов супряги зависели от пахотного сезона и экономического положения крестьянской семьи. Во время анеули большей частью обращались к угела, а весной — к цала. Кевара чаще бывала добавлением к угела при наличии хорошей погоды и свободного времени у членов супряги. Редко применялась кевара и самостоятельно (преимущественно при зяблевой вспашке).

Распределение дней пахоты в Месхети

Приводим данные по этому вопросу, зафиксированные Х.А. Вермишевым [53, с.151].

Для владельца плуга пахали	— 2 дня
Для ночных погонщиков „	— по 2 дня
Для дневных погонщиков „	— по 1 дню
Для пары волов „	— 2 дня
Для плугаря „	— 2 дня
Для упряжи „	— 2 дня

Супруга, основанная на нормированной, регламентированной системе распределения дней пахоты, являлась основной формой супруги, распространенной в Месхети.

Однако, наряду с подобным видом супруги, в виде пережитка в Месхети сохранилась своеобразная форма супруги, с ненормированной системой распределения дней пахоты. Этот вид супруги в научной литературе известен под названием «ахалцихского варианта супруги» [177]. Сведения об ахалцихской супруге были опубликованы Х.А. Вермишевым [53, с.150] и Ал. Хахановым [209] ещё в конце прошлого столетия.

Суть ахалцихской супруги заключалась в ненормированном разделении результатов труда — дней пахоты. Пахали в данном случае по потребности. Как писал Х.А. Вермишев, «Основанием дела работы служат потребности членов артели» [53, с.151].

Надо заметить, что Х.А. Вермишев ничего не пишет о том, каково было трудовое участие членов супруги и где, в каких именно селениях засвидетельствован им данный вид супруги.

Бытование в прошлом подобной формы супруги мы зафиксировали в сс. Мусхи (Ахалцихский район) и Саро (Аспиндзский район).

Согласно собранному нами в данных селениях материалу, каждый член супруги участвовал в этом объединении тем, чем мог. Для каждого участника работали столько, сколько ему было нужно. Степень участия личным трудом, а также инвентарем (живым и мертвым) не играла роли. По словам сказителя, «в июне пахались у р ц х а л и — земли, находящиеся под паром. В это время земля пахалась глубоко, большим плугом, в который впрягали 10 — 12 пар волов. При двенадцатипарной запряжке требовалось 7 работников — плугарь и 6 погонщиков, при десятипарной запряжке — пахарь и 5 погонщиков. В модгами каждый участник поставлял то, что у него имелось, а пахали ему столько, сколько ему нужно было» (Михаил Георгиевич Лондаридзе, 76 лет, с. Саро, 1969 г.). Плугарь не выделялся по профессиональному признаку. Каждый был плугарем на своей земле. Не выделялся и ночной погонщик. Ночью скот стерегли либо все члены супруги по очереди, либо тот, чья земля пахалась; либо каждый соучастник пас свой скот в отдельности. Твердо установленной очередности пахания не соблюдалось.

Согласно мнению А.И. Робакидзе, ахалцихский вариант супруги является архаической формой супруги (т.к. имущественное неравенство ещё не оказало своего влияния на распределение рабочих дней), той первой ступенью в развитии института супруги, которая образовалась после распада большой семьи [177, с. 409].

Сохранение архаической формы супруги в Месхети можно объяснить, главным образом, сельскохозяйственными особенностями данного региона, не нуждающегося в интенсивном применении большого плуга в отличие от Картли и Кахети. Большой плуг применяли сравнительно состоятельные, равные по экономическим возможностям семьи, что обуславливало их примерно равное уча-

стие в супряге. Сохранению архаической формы супряги, возможно, способствовала и историческая судьба Месхети (оторванность от Грузии, мусульманское окружение).

Примечательно, что и в Саингило при пахании большим плугом параллельно с супрягой с нормированной системой пахания [31, с. 270], была известна супряга с ненормированной системой распределения результатов труда [86, с. 86].

Если супрягу с нормированной системой распределения рабочих дней считать сравнительно развитой формой супряги, а ахалцхскую супрягу с ненормированной системой распределения рабочих дней — более древней, архаической формой, то супряга, зафиксированная нами в сс. Баралети и Уде, займет среднее место между вышеназванными видами супряги.

По материалу, записанному нами в с. Уде (Ахалцхский район), основанием распределения рабочих дней между участниками супряги служило число рабочего скота, поставленного каждым из них. За участие одной парой волов или буйволов полагалась однодневная вспашка. Участие плугом или его частями не принималось во внимание. Плуг и его принадлежности соучастники поставляли по возможности. Каждый был плугарем при пахании своей земли. Супряга с подобной системой распределения дней пахоты в Месхети была засвидетельствована и Х.А. Вермишевым [53, с.153].

В с. Баралети (Ахалцхский район), в условиях восьмипарной запряжки, дни пахоты распределялись следующим образом:

Плугарю за его труд	пахали — 1 день
Дневному погонщику „ „ „	„ — 1 день
Ночному погонщику „ „ „	„ — 1 день
	(днем он был свободен)
Владельцу плуга	„ — 1 день
„ пары волов	„ — 1 день

Подобное распределение дней пахоты засвидетельствовано Т.А. Чиковани среди цалкских урумов [222, с.89].

Нами описана супряга при летнем пахании — анеули. При весенней и осенней вспашке состав супряги и организация её работы были менее сложными, т.к. в это время не было надобности иметь ночных погонщиков и требовалось меньшее количество рабочего скота. Что же касается распределения результатов труда — дней пахоты, то оно было таким же, как при анеули.

Как видно из вышеприведенного материала, количество дней пахоты, отводимое каждому из соучастников, зависело от степени его участия в супряге инвентарем и личным трудом.

Плугарю зачастую принадлежали плуг в полном сборе и несколько пар упряжного скота. Погонщики же участвовали в супряге личным трудом и рабочим скотом, а порой только личным трудом. Участие плугаря инвентарем намного превышало участие погонщиков и, следовательно, ему отводилась большая часть дней пахоты.

Нужно полагать, что в более ранний период члены супряги ору-

днем труда и упряжным скотом участвовали сравнительно равномерно. Тот факт, что дни пахоты распределялись не на плуг в полном сборе, а на его отдельные части, по нашему мнению, говорит о том, что в период, когда формировалась супруга с нормированной системой распределения дней пахоты, её члены участвовали в этом объединении отдельными частями плуга. Это положение подтверждается и тем фактом, что в феодальной Грузии при перечне сельскохозяйственного инвентаря в крестьянской семье говорится не о плуге в полном сборе, а об отдельных его частях [155, с.106]. В дальнейшем, в частности, к тому времени, к которому относится наш материал, вследствие углубления имущественной дифференциации крестьянства, участие членов супруги инвентарем становилось особенно неравномерным. В частности, участие плугаря инвентарем намного превышало участие других членов супруги и, следовательно, ему отводилась большая часть дней пахоты. Помимо этого, как уже отмечалось выше, сверх нормы он пользовался и гатреулой — первым днем пахоты.

Иногда плугарь не нуждался в том количестве рабочих дней, которое отводилось для обработки его земель. В таком случае он «продавал» дни пахоты ³². Плата за однодневную вспашку равнялась при летнем пахании 5 рублям, а при весеннем — 3 рублям. Иногда вместо денег брали продукты.

Крестьяне, не имеющие возможности заплатить плугарю деньгами или продуктами, оказанную услугу возмещали личным трудом. Это называлось *д а н а ц в л е б а* (Қартли) || *н а ц в а л г а р д о б а* (Кахети). Причем были выработаны определенные нормы. Например, за один день пахоты крестьянин должен был отработать 12 дней. Отработать можно было и в следующем сезоне. Таким путем владельцам инвентаря — плугарям давалась возможность закабаливать сельскую бедноту. К этому способу особенно часто прибегали владельцы железных плугов. Отсутствие у бедного крестьянства сельскохозяйственного инвентаря кулаки широко использовали в своих эксплуататорских целях.

Неравное участие членов супруги инвентарем особенно было характерно для Кизики. Причина этого, по нашему мнению, заключалась в следующем: в Кизики животноводство составляло значительную отрасль хозяйства. Рабочего скота здесь по сравнению с другими частями низменной части Восточной Грузии было больше, но распределен был он крайне неравномерно. В Кизики 53,7% населения вообще не имело рабочего скота [24, с. 283], а среди остальной части населения он был распределен очень неравномерно. Большая часть рабочего скота была сосредоточена в руках сравнительно незначительного количества хозяев. Поэтому, естественно, что владельцы сравнительно большего количества рабочего скота, имели также и плуги и именно они являлись плугарями. Таким об-

³² Продать а л о мог любой член супруги, а также семья которая пахала самостоятельно.

разом, в Кизики плугарю часто, помимо плуга, принадлежала и большая часть рабочего скота. Этому способствовало и то обстоятельство, что в Кизики в плуг впрягали обычно 6 пар рабочего скота [24, с.270], в то время, как в низменной части Восточной Грузии в большой плуг большей частью впрягали 8 пар, а иногда и 10 — 12 пар упряжного скота.

В силу этих причин, как уже было сказано выше, часто в супряге хозяину плуга принадлежала и большая часть рабочего скота. В таких случаях владелец плуга заполнял недостающее ему количество скота и рабочей силы. Бывало и так, что у крестьянина имелся плуг в полном сборе, а также и весь комплект упряжного скота; не хватало только погонщиков. В таком случае плугарь приглашал погонщиков и за эту работу им отпахивал установленную для работы погонщиков долю. Такой обычай был известен и в Телавском районе, что называлось *მეხრეზენა* (буквально — пахота за погонщика) [182, с.98].

Экономическое преимущество плугаря, его особенное положение среди членов супряги и, вообще, в деревне нашло свое отражение в устном народном творчестве [195, с.93; 160] и в художественных произведениях [75, с.74; 154, с.348]. По словам информаторов, «плугарь нанимал погонщиков со своим скотом и отпахивал им за это». Плугаря часто называли «хозяином» супряги (Кахети). Говорили: «если находишься под покровительством плугаря, то тебе, погонщику, нечего бояться». Погонщики во всем подчинялись ему. Это сказывалось в самых незначительных мелочах. В Иорском ущелье покорность ночных погонщиков доходила до того, что они не смели сесть за обед, не подав предварительно умыть руки плугарю ³³ [42].

Иногда пахарь, пользуясь своим привилегированным положением, злоупотреблял им. Например, нарушал установленную обычаем очередность пахания. В одном стихотворении говорится:

რა ზვინებს გუთნისდღას,
რა შეივებს საყდარშია,
კაი დარში თვითონ იხნავს,
მეხრეს უხნავს ავდარშია.

Не спасти плугарю души,
Не попасть ему в церковь,
В Ясный день себе он пашет,
А погонщикам в ненастье.

(Сандро Георгиевич Аколашвили, 81 год, с. Хелтубани, Картли, 1965 г.).

Существует множество вариантов этого стихотворения.

Иногда плугарь нарушал правила работы, не был объективным по отношению к членам супряги. По словам А.М. Аргутинского, «В те дни, когда пашется земля владельца плуга или, вообще, представителя большего числа голов рабочего скота, работа, обыкновен-

³³ Особым положением в деревне плугарь пользовался с давних времен. Это нашло отражение и в официальных документах. В «Законе царя Ираклия II о порядке неявиться равный ему, но когда не время пахоты, должен явиться сам, равного не при-
[103, с.180, 186].

но, начинается рано утром и кончается поздно вечером, а когда пашется земля мелкого владельца — начинается поздно и кончается рано. Следовательно, в рабочий день крупный владелец вспашет себе гораздо большее пространство, чем мелкий» [24, с.267].

Разные моменты из взаимоотношений членов супруги замечательно отразились и в народной поэзии [133, с.187 — 190; 195, с.89; 166; 159, с.102 — 103].

Злоупотребление пахарем своими правами проявилось по отношению к семье, поставившей в модгами одного вола «без хозяина». Некоторые пахари, пользуясь безвыходным положением семьи, часто использовали этого вола для своих личных целей. В одном стихотворении говорится:

გუთხიდვდას რა აცხონებს,
რა შეიყვანს საყდარშიო,
უპატრონო ხარის ცოლო
უხევია კალთაშიო.

Не спасти плугарю души,
Не попасть ему в церковь,
На нем грех за недобросовестное отношение к волу, не имеющего хозяина

(Сандро Георгиевич Аколашвили, 81 год, с. Хелтубани, Картли, 1965 г.).

Многообразные обычаи и твердо выработанные навыки, связанные с супругой, говорят о том, насколько вжился этот институт в крестьянский быт. Традиция супруги сильно отразилась в устном народном творчестве. В нем с большой точностью отобразились отдельные моменты, связанные с супругой — обязанности её участников, режим труда, возмещение труда, организация супруги, отношения между её членами, а также богатая терминология, связанная с супругой [133, с.187 — 190; 183; 185, с.18; 195, с.87 — 93; 166; 219, с.251 — 258; 159, с.102 — 103; 251].

Ещё исследователями XIX в. было замечено, что данная форма трудовой кооперации носила определенные признаки эксплуатации [24, с.272; 25, с.100; 52, с.247; 210, с.194]. Был отмечен тот факт, что распределение дней пахоты не было эквивалентным, в частности, число дней пахоты, причитающееся за участие орудием труда (плугом) намного превышало его реальное участие в создании стоимости и, таким образом, имело место присвоение стоимости, созданной чужим трудом.

По мнению А.М. Аргутинского, нормы распределения дней пахоты в супруге установили плугари, чтобы таким путем иметь возможность эксплуатации чужого труда [25, с.101]. Х.А. Вермишев, не соглашаясь с А.М. Аргутинским, пишет: «Очень может быть, что в те времена, когда этот обычай только складывался, под влиянием соответствующих тому времени технических условий, когда же железо и искусство делать плуги ценилось, должно быть, очень дорого, он действительно являлся справедливым, но теперь, переживши условия, которые его породили, он только создает привилегии отдельным дворам» [52, с.247]. Подобную мысль высказывает и А. Хаханов [210, с.194].

Среди советских ученых вопросу изучения экономической стороны супруги большое внимание уделил П.В. Гугушвили. Для того, чтобы установить насколько эквивалентным были существующие нормы распределения дней пахоты, П.В. Гугушвили перевел как продукцию (результат производства), так и рабочую силу и инвентарь, объединенные в модгами, на всеобщий эквивалент, т.е. денежное выражение. Путем соответствующего расчета стоимости выполненной супругой работы и рассмотрения традиционного порядка её распределения выясняется, что в исследуемый период традиционное распределение результатов работы супруги было неэквивалентным и что имело место присвоение стоимости, созданной чужим трудом. Та прослойка крестьянства, которая имела инвентарь (живой и мертвый), присваивая львиную долю созданной стоимости, по существу, занималась эксплуатацией рабочих, в частности, погонщиков [71, с.335].

Х.А. Вермишев, А.М. Аргутинский и П.В. Гугушвили пришли к такому заключению изучив экономическую сторону супруг. действовавших в различных районах Грузии. Во всех случаях, рассмотренных этими авторами, имело место большее или меньшее нарушение эквивалентности, в первую очередь, в пользу орудия труда, затем в пользу рабочего скота за счет рабочей силы. Это подтверждается и данными других авторов, а также приведенными нами материалами о системе распределения дней пахоты.

Согласно мнению П.В. Гугушвили, во II половине XIX в. существующие нормы распределения рабочих дней действовали по традиции. Что же касается их образования и формирования, то это следует искать в средневековье, когда они являлись эквивалентными [71, с.335]. В результате технического прогресса железо в Закавказье сравнительно подешевело. Подешевели также кузнечные и плотничные работы, а, следовательно, и изготовление железных и деревянных частей плуга [198, с.14 — 30]. Это коренным образом изменило существовавшие до этого стоимостные соотношения между участвующими в супруге разными факторами. А между тем традиционное распределение дней пахоты осталось неизменным. Таким образом, технический прогресс произвел целый поворот в распределении продукта труда и, следовательно, в социально-экономической организации супруги [71, с.336].

Железо в Закавказье сравнительно сильно подешевело, хотя, конечно, не настолько, чтобы оно (в частности, железные изделия) стало легко доступным для неимущего крестьянства [71, с.336]. Поэтому в супруге плуг поставляли, как правило, состоятельные крестьяне и они пользовались этими преимуществами. Однако, следует заметить, что в некоторых селениях нами была засвидетельствована определенная регламентация в участии в супруге орудием труда — плугом или его частями. По материалам, записанным в с. Тортиза (Картли), в том случае, если у погонщиков была возможность участвовать в трудовом объединении какой-либо частью плуга, то плугаря в этом ограничивали. Ограничение зак-

лючалось в том, что плугарю разрешалось участвовать только деревянной частью плуга, лемехом и резакком, а кожаные ремни джамбару и бечевки поставляли другие члены этого объединения. По материалам Телавского района, плугарь имел право участвовать в супряге деревянной частью плуга и лемехом. Джамбару и резак вносили ночные погонщики: один из них вносил джамбару, другой — резак.

Касаясь вопроса об участии в супряге инвентарем, А.М. Аргутинский писал: «Встретить же такого хозяина, у которого не было бы скота, но был плуг, почти нельзя. Если бы он и завел себе плуг, то ему с ним некуда деваться без скота, потому что ни в одно плужное товарищество не примут бесскотинного хозяина, являющегося со своим плугом. Так как владелец плуга, как увидим ниже, получает от результатов общей работы львиную долю, то члены товарищества, имеющие больший голос, т.е. представители большего количества скота, как бы монополизировали за собою исключительное право поставлять в товарищества и плуги» [25, с.98].

Ограничение участия пахаря инвентарем засвидетельствовано также в пшавских селениях Иорского ущелья [83, с.29].

В связи с подорожанием цен на рабочий скот, погонщики требовали от плугарей изменения существующих норм распределения рабочих дней на упряжной скот, а именно, чтобы на долю одного вола учредили один рабочий день вместо полдня. В некоторых селениях плугари были вынуждены пойти на уступку [42]. Это отразилось в той системе распределения рабочих дней, которую мы засвидетельствовали в с. Шрома (Гурджаанский район). Это нашло также отражение и в нормах распределения рабочих дней в супрягах при пахании железным плугом. При работе нововведенным пахотным орудием, должно быть, были приняты во внимание те противоречия, которые в связи с распределением дней пахоты крестьянством уже были замечены.

Вспахав всем участникам предусмотренную земельную площадь, супряга иногда продолжала работать, если были благоприятные для этого условия (подходящая погода, наличие у членов супряги свободного времени и земли, нуждающейся в обработке). Для обозначения добавочного пахания мы засвидетельствовали термины *м о р и г е б а* (буквально — раздача, Картли), *м о б р у н е б а* (буквально — возвращение, Кахети), *к е в а р а* (буквально — 2 пары упряжного скота, Эрцо-Тианети).

По данным Г.В. Джалабадзе, в селениях Самгори после окончания 40 — 41 дневного пахания, называемого *д и д и а л о* (большой период пахоты), супряга иногда продолжала работать. Это называлось *о т х и* (буквально — четыре). По мнению Г.В. Джалабадзе, своеобразное название добавочного пахания *о т х и* вызвано тем, что продолжительность последнего равнялась четверти продолжительности периода *д и д и а л о* [86, с.84]. В этой связи интересным является зафиксированный нами в Эрцо-Тианети термин *к е в а р а* (буквально — 2 пары упряжного скота) || *к е в а р*

зегамоkvана (буквально — выводить на 2 пары упряжного скота). Если при цала (буквально — одна из пары) цалазегамоkvана (буквально — выводить на одну из пары) в этом продолжительном пахании в Эрцо-Тианети — на долю одного вола приходился I рабочий день, то при кевара на долю двух пар волов полагалось пахать I день. Так что и кевара должна была уместиться в четверть периода пахания супрягой цала.

В зафиксированной нами в Картли моригеба каждому из соучастников отводилась половина того количества дней пахоты, которое предусматривалось им при пахании супрягой угела, т.е. четверть того количества дней пахоты, которое предусматривалось при пахании супрягой таоба.

А.И. Робакидзе в низменной части Ксанского ущелья (Картли) засвидетельствован иной вариант моригеба, при котором каждому участнику пахали одинаково — по одному дню, независимо от степени его участия в этом объединении личным трудом или поставкой инвентаря [177, с.408]. Подобный вариант моригеба мы засвидетельствовали также и в предгорной полосе этого ущелья (сс. Цирколи, Канчаети).

А.И. Робакидзе, сопоставляя зафиксированный им вид моригеба с ахалцхским вариантом супряги, пишет: «Ксанская моригеба уже носит печать определенной регламентации. Для членов данного типа супряги пашут по одному дню (а не всю необходимую им площадь). Но и здесь вид и степень участия в супряге пока ещё не влияет на распределение дней пахоты» [177, с.409].

Описанная нами супряга с регламентированной системой пахания имеет аналогии в Армении и Азербайджане, в районах, где применялся большой плуг. Вокруг плуга там составлялись объединения, подобные модгами, с регламентированной системой пахания [52, с.238]. В Армении эти объединения именовались арагаш [34, с.93], в Азербайджане были известны под названием ортаглыг [77, с.20] и модгем [77, с.20]. Супряга с нормированной системой пахания в Осетии была известна под названием цедис [55, с.112; 139, с.67] и галамбал [55, с.112; 115, с.78; 139, с.67]. Подобный тип супряги не был известен в Западной Грузии. Там земля пахалась орудиями простой конструкции и организация труда была представлена весьма несложно.

7. Своеобразие модгами в некоторых частях Кахети

Коротко коснемся того своеобразия, которое характеризовало супрягу в некоторых частях Кахети. Это было обусловлено существованием там архаического способа пользования общинными землями, т.н. захватного способа.

Общинное землевладение в Кахети, по сравнению с Картли, сохранилось намного дольше и даже в XIX в. играло определенную роль [26, с.114; 75, с.278 — 308; 19, с.156]. Пахотными землями тут владела, главным образом, деревня сообща [26, с.144]. Это

особенно было характерно для Кизики. По материалам, приведенным А.М. Аргутинским, в 80-ых годах XIX в. в Кизики определенная часть пахотных земель подлежала переделам, а часть находилась в захватном пользовании. Кроме этого, были т.н. «присвоенные земли», которые находились в наследственном пользовании отдельных дымов [24, с.199].

Масштабы захватного землепользования значительно уменьшились к концу XIX в., но в редких случаях оно сохранилось вплоть до начала XXв. [73, с.460].

Сведения о захватном землепользовании имеются как в прессе конца XIX в. [129, с.161], так и в материалах исследователя экономического быта государственных крестьян Сигнахского уезда А.М. Аргутинского [24, с.213]. Данного вопроса касается также и И.Сегаль [184, с.35 — 36].

А.М. Аргутинский в 80-ых годах прошлого века указывал на наличие захватного способа землепользования в некоторых общинах Сигнахского уезда.

По свидетельству А.М. Аргутинского, в Верхне-Мачхаанской, Джугаанской, Мирзаанской и Сакобской общинах Сигнахского уезда захват земельных площадей состоял в бегании взапуски. В некоторых же общинах, как, например, Вакирской, Какабетской, Кандаурской, Анагской и Кедельской, по свидетельству А.М. Аргутинского, право на участие в захвате имели на все крестьяне, а только лишь владельцы плугов [24, с.212].

Согласно собранному нами полевому материалу, воспроизводящему картину начала XX столетия, в селах Сакобо, Анага, Земо Бодбе и Вакири имели место факты захватного землепользования.

В вышеназванных селениях захватное землепользование заключалось в следующем: Жители села вместе со старостой решали, когда начать пахоту. В назначенное время все плуги села должны были выйти в поле одновременно. Каждый плугарь обводил бороздой участок, который успел «захватить» и лишь после этого начиналась пахота.

Таким образом, если дымы пахали земли, объединившись в супрягу, то в захвате земли участвовал владелец плуга. Земля, доставшаяся группе домохозяев, обрабатывалась силами всех хозяев, вошедших в группу, сообща. По окончании пахоты производился раздел уже вспаханной земли между членами супряги. По данным А.М. Аргутинского, площадь вспаханной земли делилась между участниками супряги пропорционально их участию в супряге личным трудом, а также поставкой орудия и рабочего скота. На долю каждого приходилось столько дгиури³⁴; сколько дней пахоты — а л о причиталось каждому из них за участие в супряге личным трудом, а также за поставку инвентаря [24, с.213]. Материал, собранный нами в вышеназванных селениях Кизики, повторяет данные А.М. Аргутинского.

³⁴ Дгиури — земельная площадь, вспахиваемая за один день.

Если примем во внимание тот факт, что в Кизики особенно не-
равномерно участвовали члены супряги орудием труда и рабочим
скотом, то легко представить насколько неравномерно распреде-
лялись между ними пахотные земли. Владельцам инвентаря (жи-
вого и мертвого) предоставлялась возможность пользоваться
большими участками пахотных земель.

Положение крестьянства, лишенного рабочего скота, было осо-
бенно тяжелым в Кизики, где пашни чрезмерно были отдалены от
деревень. У большинства кизикских деревень пашни находились в
Цинамхаре, Уканамхаре и в Ширакской степи. Отдаленность па-
шен создавала большие трудности для крестьянства, особенно для
той части его, которая не имела рабочего скота. Именно это способ-
ствовало тому, что при существующем захватном землепользова-
нии общинными землями пользовались, главным образом, плуга-
ри и хозяева большого числа рабочего скота. Крестьяне, лишенные
упряжного скота или имевшие его в недостаточном количестве, не
имели возможности обрабатывать большие земельные участки.

Итак, при существующем захватном землепользовании состо-
ятельные крестьяне, владеющие плугом и большим количеством
упряжного скота, вдобавок пользовались и тем преимуществом,
что у них была возможность обработать сравнительно большие
площади общинной земли. В данном случае имело место исполь-
зование пережитков общинного землевладения зажиточной час-
тью сельского населения в своих интересах. Здесь, так же, как и в
ряде других случаев, происходило использование старых форм в
новых условиях. Подобная форма супряги была известна в Зака-
тальском округе [31, с.270]. Там, как и в Кизики, этот обычай был
в силе в том случае, когда с помощью супряги обрабатывалась об-
щинная земля; при пахании же земель, находящихся в подворном
пользовании, между членами супряги распределялись дни пахоты.

Коротко хотим коснуться термина *монамгле*. Он широко
был распространен в Восточной Грузии. *Намгала* в горной час-
ти Восточной Грузии (Тушети, Пшави, Хеви) обозначала форму
организации труда, связанную с овцеводством; члены этой орга-
низации назывались *монамгле* [202, с.114, 131, 141, 148; 203,
с.38].

В связи с земледелием этот термин употреблялся, как обозна-
чающий «пахущих по соседству плугарей, находящихся по сосед-
ству жнецов» [192, с.822; 156, с.118]. Согласно записанному нами
в Кизики материалу, так именовались дымы, обрабатывающие
смежные земельные участки. В с. Сакобо, наряду с этим, термин
монамгле обозначал также и супрягу. По словам сказителя, «во
время пахаты объединялись, спрягали волов и пахали сообща. Со-
участники в пахании называли друг друга *монамгле*. Когда выхо-
дили в поле, каждый захватывал свой участок, обводил его бороз-
дой и затем начинал пахать. Кто вместе спрягал волов, они обво-
дили бороздой один участок и, вспахав его, делили между собой в
зависимости от инвентаря, который они поставили в товарищест-

во, а также от характера выполняемой ими работы. Одному принадлежала одна пара волов, другому больше...Плугарю, обычно, принадлежали плуг и несколько пар волов. Сообразно с этим распределялась земля» (Гигиа Гегенович Какашвили, 86 лет, с. Сакобо, 1970 г.).

Так как в земледелии термин монамгле помимо супряги обозначает и понятие смежности хозяйств, нам думается, что он, должно быть, связан со старым обычаем захватного землепользования.

Интересный материал записали мы в селах Гаре Кахети (сс. Гиоргицминда, Сагареджо). Там среди плугарей избирались у с т а б а ш и — главы плугарей³⁵. Это совершалось ежегодно на устраиваемом перед началом пахоты с а г м р т о (жертвоприношение с пиршеством).

Согласно собранному нами материалу, в начале XX в. пахари всей деревни имели одного усташа, а по преданию, в более ранние времена в с. Гиоргицминда у каждой пяти супряг был один усташ. По сведениям информаторов, усташем избирали одного из плугарей, который по сравнению с другими был более сведущим в земледельческих делах и в деревне пользовался авторитетом.

Усташ вместе с плугарями должен был установить сроки проведения пахоты (обычно плуги всей деревни в один день выходили в поле). В его обязанность входила организация перед началом пахоты сагмрто. Он был обязан также следить за работой супряг на протяжении всего периода пахания. В случае, если погонщики были недовольны пахарем, они могли пожаловаться усташу. Последний обязан был уладить все неурядицы, если таковые имели место среди членов супряги. Кроме того, в случае повреждения сельских дорог во время проведения полевых работ (перевозка урожая и пр.), усташ производил организацию по их исправлению. По словам информаторов, единственным вознаграждением за все это было уважение, которым усташ пользовался в деревне. В некоторых селениях Кахети функции усташа ограничивались организацией сагмрто.

Интересным кажется нам записанный в с. Гиоргицминда материал о том, что в сравнительно ранние времена в селе было несколько усташей; каждый из них руководил пятью супрягами. Нам не удалось установить, по каким признакам объединялись эти пять супряг. Думается, что это были территориально выделенные внутри села, экономически сравнительно обособленные группы, которые характеризовались определенным хозяйственным единством. В связи с этим наше внимание обратила на себя система деления деревни на т.н. б а р а т и³⁶. Но и общая картина деления деревни

³⁵ Усташ — глава ремесленников, старший мастер [193], глава мастеров, староста цеха [79, с.323]. Усташа выбирались и среди овчаров [156] и садоводов [260].

³⁶ Некоторые села Гаре Кахети делились на несколько частей — б а р а т и. Каждая из них включала определенное количество дымов (в с. Хашми в барати

на барати, по нашему мнению, не объясняет вышесказанное, т.к. в каждый барати входило 10 — 20 дымов. Сомнительно, чтобы это количество дымов смогло укомплектовать 5 супряг.

§ 4. РАЗДЕЛЕНИЕ ТРУДА ПО ПОЛУ И ВОЗРАСТУ

При пахании наблюдалось разделение труда по полу и возрасту. В горной части Восточной Грузии женщина принимала участие во всех тяжелых полевых работах [150, с.144], в частности, и при пахании. Труд был разделен между мужчинами и женщинами. Доставка пищи, семян, а также корма для скота составляли обязанность женщины. В супряге погонщиками могли быть как мужчины, так и женщины (Тушети, Пшави, Хевсурети). В Тушети женщина бывала и пахарем. Участие женщины в пахоте особенно было характерно для Тушети, где земледельческие работы входили в компетенцию женщин и вообще сфера женских работ была гораздо шире, чем в других частях Грузии [202, с.111].

В низменной части Восточной Грузии женщина пахотой не занималась. Её обязанность ограничивалась доставкой пищи в тех случаях, когда пашня находилась недалеко от села.

Исключение составляла та часть низменности Восточной Грузии, которая была населена крестьянскими дымами, недавно переселившимися с гор. Примером этого могут послужить заселенные пшавами и хевсурами селения Эрцо-Тианети. Там в случае нужды в работниках, женщины выступали в качестве погонщиков не только при пахании орудиями простой конструкции, но и при работе большим плугом. В последнем случае женщина выступала в качестве дневного погонщика. Что же касается местного населения, т.н. кахи, то они жили законами и обычаями, бытующими в низменной части Восточной Грузии.

Наблюдалось разделение труда и по возрасту. Если в пахоте при работе большим плугом участвовал подросток, то он обычно бывал передним погонщиком, а также мог носить пищу и воду на пашню.

§ 5. ВЕРОВАНИЯ И ОБЫЧАИ, СВЯЗАННЫЕ С ПАХОТОЙ

С пахотой были связаны определенные верования и обычаи, о которых имеется множество сведений в этнографической литературе [146, с.45; 143, с.72; 181, с.164 — 166; 225, с.229; 27, с.32; 32,

входило 10 — 20 дымов, в с. Гиоргицминда — 20 — 25 дымов, в с. Патардзеули — 10 дымов). Пахотные земли были разделены между этими группами дымов. Отводя в пользование каждой группы дымов земля именовалась тоже барати. Каждое барати (группа дымов) имело главу — баратистави, обязанностью которого являлся передел земли внутри барати.

Вообще, в Тифлисской губернии селение делилось на отдельные части — убани, табуны, двадцатки. Деление села на убани и табуны было постоянным, а на двадцатки — только во время переделов пахотных земель [24, с.211; 150, с.391; 152, с.391]. В одних селениях пахотные земли были разделены между убани. В других во время переделов земли сперва делили на убани, а затем между дымами, входящими в убани [99, с.401].

с. 107; 211; 240, с. 18]. Мы коротко коснемся данного вопроса по нашему полевому материалу. Среди этих обычаев значительное место принадлежало церемониям, сопровождавшим начало и окончание пахоты.

В низменной части Картли и Кахети перед началом летнего пахания (анеули) устраивалось жертвоприношение с пиршеством (с а г м р т о, буквально — божий), именуемое с а с о п л о с а г м р т о (сельское сагмрто) || г у т н и с с а г м р т о (сагмрто плуга). В некоторых селениях Картли это приурочивали к Вознесению.

Особенно организованно проходило сагмрто в тех селениях Кахети, где было сохранено общинное землевладение. За несколько дней до начала летнего пахания устабаши или старосты вызывали всех плугарей и сообща решали, когда начать пахоту³⁷. Тут же договаривались и об организации сагмрто. Каждая супряга, а также семья, пахавшая самостоятельно, должна была продать одно ало; деньги брали вперед у дымов, которым должны были вспахать за плату. Деньги собирали устабаши. В селениях, где не был выделен устабаш, это делал один из плугарей. На собранные таким способом деньги покупали жертвенных животных, вино и за день до выхода плугов в поле устраивали обрядовое пиршество супряжников. Овчары в этот день жертвовали овец. Жители деревни собирались у часовни и, прослушав молебен, принимались за приготовления к угощению.

На это пиршество, помимо тех, кто непосредственно принимал участие в работе, приглашались сельские чиновники, духовенство, овчары, полевые сторожи — мевеле, старики. Больным их долю отсылали домой.

Тосты, провозглашенные на этих пиршествах, носили характер благословения. Плугари благословляли погонщиков, желали им добросовестно трудиться и успешно закончить предстоящую работу.

По словам В.В. Бардавелидзе, это являлось «самой поздней по времени разновидностью устройства пиршеств на коллективные средства» [32, с. 109].

Иногда сагмрто устраивалось на собранные среди жителей села деньги. Это называлось п с о н и (в складчину).

В горной части сельское сагмрто обычно устраивалось после завершения весеннего пахания (в горной полосе Ксанского ущелья это совпадало с 7 маем).

В некоторых селениях Картли обычай празднования сасопло сагмрто был утрачен и каждая супряга самостоятельно отмечала начало летнего пахания в складчину (псони) или же плугарь за то что ему бесплатно пахали сверх полагающейся ему нормы, га-треулу (первый день пахоты), угощал членов супряги.

³⁷ Все однородные сельскохозяйственные работы проводились одновременно. Например, в Гаре Кахети во время анеули все плуги в один и тот же день выходили в поле — в первых числах мая; сажали в этих участках после А л а в е р д о б а (15 сентября по старому стилю).

В первый день пахоты совершались определенные обряды, большая часть которых носила магический характер.

При «первом выходе плуга» в поле, до начала пахания, плугарь должен был разбить яйцо об голову передней пары волов со словами — «пусть так лопнет глаз у того, кто на тебя посмотрит дурным глазом». Этот обычай встречался повсеместно в низменной части Восточной Грузии. В Месхети в первый день пахоты на лемехе зажигали свечу, курили ладаном. Затем глава семьи брал яйцо, три раза обходил вокруг плуга с впряженными волами и буйволами. При третьем обходе бросал яйцо в переднего вола, произнося слова — «пусть так вывалится глаз у того, кто на тебя взглянет дурным глазом» [253].

В ночь на страстную пятницу плугарь, не промолвивши ещё ни слова, должен был срезать ветку ткемалевого дерева и вставить в одно из ярем в качестве табики (шкворень). Это делалось для того, чтобы уберечь скот от «дурного глаза». С этой же целью в первый день пахоты к хвосту вола привязывали красную нитку и ткемалевые побеги. В этот день было запрещено что-либо отдавать или одолживать соседу.

В Ксанском ущелье нами было зафиксировано бытование в прошлом следующего обычая: в первый день пахоты, когда плуг с впряженными животными выходил за черту села, пахарь должен был облить плуг заговоренной водой.

В рождественский сочельник — К р и с т э к о р к о т о б а, перебирая пшеницу для коркоти (пшеничная каша), хозяйка дома должна была посмотреть в сторону леса, произнося слова: «Святой Георгий, дай нам такую густую ниву». Кашу размешивали специально для этого выточенной ложкой (из яблони или груши). Затем хранили до весны и в первый день пахоты бросали в перзую борозду.

К первому дню пахания хозяйка пекла х м и а д и — пресный хлеб. Пахарь ломал лепешку об ярмо и он с погонщиками съедали. По словам информаторов, это делалось для того, чтобы выдалась сухая погода.

В некоторых селениях Картли в первый день пахоты к середине ярма передней пары волов приделывался маленький флажок, непременно красный. Подобный обычай был известен и в Армении [34, с. 92].

Иногда в этот день к передним волам привязывали колокольчики, на рога надевали венки, сплетенные из травы.

В день завершения пахаты к ярму передней пары волов прикрепляли флажки и так возвращались в деревню.

Определенные верования были связаны и с сеянием. Например, не было принято сеять в новолуние. Сеять разрешалось только после первого четверга новолуния. При первом «выносе семян» хозяйка должна была очень тщательно подмести дом и двор, чтобы нива уродилась чистой, без сорняков. В день, когда выносили в поле семена, работники непременно должны были быть сытыми. В

3023000930

Месхети в этот день хозяйка несла в поле кашу, чтоб нива уродилась густой. В семена сыпали орехи, лук, чеснок, чтоб зерно уродилось крупным.

Перед началом сеяния пахарь крестился, затем бросал первую горсть со словами — «это воронам, муравьям и мышам, нашим врагам, а остальное нам». И только после этого приступал к посеву.

В праздники и по воскресеньям работа (в данном случае пахота) запрещалась. Кроме этого, во время летней вспашки по понедельникам³⁸ (Картли, Кахети) и по пятницам (Месхети) тоже не работали «во избежание града». Эти запрещенные дни назывались *სეტკვის დღე* (день града).

В низменности запретные дни устанавливались на сагмрто, устраиваемом перед летним паханием и праздновались в большинстве случаев, до начала жатвы. В Месхети до Элиоба (Ильин день), которое приходилось на 20 июля по ст. стилю.

Крестьяне строго соблюдали этот обычай не только при пахоте, но и при других работах, а нарушившего его наказывали. Это нашло свое отражение в народной поэзии.

*ახე მოვიბდა, მამუკაო,
შენ გამოვეწყედი ვვარშიაო,
აღგომის მორე დღესა,
გუთანი გეპა მთაშიაო.*

Да будь ты проклят, Мамука,
В нашем роду,
За то, что в поминальный день
Пахал ты на горных склонах

(Котэ Андреевич Кенкадзе, 70 лет, с. Харбали, Картли, 1969 г.).

В Архоти (Хевсурети) имеется факт изгнания лица, провинившегося за срыв выходного дня [90, с.173]. По преданию, в Хеви семья, вышедшая в праздничный день в поле на жатву, вымерла. По сведениям информаторов, житель с. Вардисубани (Кахети) Миха Джашиашвили в запретный день боронил. На второй день пошел град. Стихийное бедствие жители деревни объяснили нарушением обычая и «виновника» жестоко наказали — побили камнями.

По словам информаторов, этот обычай в прошлом люди строго соблюдали. Позднее в деревне стали выделять *მეუკმე* (лицо, следящее за соблюдением этого обычая поселянами). Согласно этнографическому материалу, в картлийских деревнях во дворе человека, нарушившего этот запрет, ставили кол с флажком. Это означало, что семья подвергалась «погрому» — должна была заплатить штраф деньгами или угостить меукме³⁹.

³⁸ Согласно мнению И.А. Джавахишвили, у грузин обычным свободным от работы днем, должно быть, считался понедельник — день луны (туташа, дошдиш) [78, с.57-58].

³⁹ В Лечхуми *მეუკმარი* и *მეუკმე* избирался жителями села через каждые два года. Если в праздничный день кто-либо из крестьян занимался сельскохозяйственными работами, меукме его штрафовал. В некоторых селениях меукме об этом сообщал служителю церкви, который «виновнику» словесно «объявлял выговор», а в случае повторения подобного поступка село объявляло ему «бойкот», заключающийся в том, что в затруднительных случаях односельчане не оказывали ему помощи. «Бойкот» писался служителем церкви и был в силе в течение определенного времени. В некоторых селениях эту обязанность выполнял полевой сторож, называе-

Если в рабочий день кто-либо в селе умирал, пахота прекращалась. До погребения, в течение трех дней, запрещалось «ворошить землю». В горах этот обычай сохранился дольше, в то время, как в низменности был утрачен сравнительно раньше.

по субботам работу кончали раньше обычного времени «во избежание греха».

*
* *

Появление супруг связано с распадом больших семей [177, с. 418]. Трудовые объединения индивидуальных семей (в том числе и объединения при пахании) первоначально были объединениями индивидуальных семей, входящих в одну патронимию [130, с.19; 174, с.94; 180, с.130].

О существовании в прошлом родственного принципа при коллективном пахании говорят некоторые термины, обозначающие супругу. Так, например, термин *к о м о б а* || *м е к о м е*, помимо супруги (Кахети), обозначает также и патронимию (Кахети, Мтиулет, Ксанское ущелье) [173, с.64; 207, с.16; 89, с.314; 180, с.130]. *М о н д а в и*, помимо супруги, обозначает и жен братьев [236, с.160; 203, с.11]. Это положение подтверждается и термином *м о д г а м и*. Модгами — наиболее популярный среди терминов, обозначающих коллективное пахание — во вступлении к «Сборнику законов Вахтанга VI» употребляется в значении *м о д г м а* (род) [95, с.99], а в «Дидмоуравиани» И.Тбилели в значении «родственника» [91, с.395]. Согласно этнографическому материалу с. Диди Гомарети (Картли), супруга именовалась словом *а м г а л и*. А термин *м о д г а м и* для обозначения супруги употреблялся только в тех редких случаях, когда для совместного пахания объединялись родственники, по местному выражению «люди одного происхождения — *м о д г м а*».

Трудовые объединения, основанные на родственном принципе, зачастую исключали эквивалентность во взаимоотношениях [174, с. 94]. В дальнейшем, когда родственный принцип был заменен соседским, трудовые объединения приняли форму взаимопомощи, основанной на более или менее строго соблюдаемом паритете [там же, с.94], а в некоторых районах стали средством эксплуатации [там же, с.94].

Но развитие этих отношений не всегда укладывается в данные рамки. Часто в трудовых объединениях, основанных на соседском принципе, представлены взаимоотношения, характерные для более ранних времен. Одной из причин, способствовавших этому, было то, что процесс разделов больших семей на индивидуальные, протекавший в условиях их параллельного существования, про-

мый в Лечхуми *х е ш т а в и*. В Раче за соблюдением этого обычая следил т.н. *м е - у к м и а* [169, с.257].

должался на протяжении веков⁴⁰. Это обуславливало параллельное существование ещё в сравнительно раннее время различных вариантов трудовых объединений.

Главный признак, по которому можно произвести стадияльное определение форм супряги, это — принцип распределения результатов труда — дней пахоты. Исходя из этого, развитие форм супряги можно представить в следующей последовательности.

1. Супряги с ненормированной системой трудового участия и распределения дней пахоты (ахалцхский вариант супряги с применением джилги и большого плуга).

2. Супряги с частичной регламентацией взаимоотношений между соучастниками:

а) обязательным условием являлось равное участие рабочим скотом. Распределение дней пахоты не было регламентировано. Оно зависело от потребности членов товарищества (супряги — м о н д а в и || м а н д а в и — распространенные в Тушети, Хевсурети, Хеви при работе бытующими там простыми пахотными орудиями);

б) каждому соучастнику пахали одинаково — по одному дню, независимо от степени его участия личным трудом и поставкой инвентаря (к с а н с к а я м о р и г е б а — вид супряги при пахании большим плугом).

3. Супряги, основанные на паритете. Члены объединения на основании равного участия (инвентарем и личным трудом) друг у друга работали равное количество дней (основной вид супряги, распространенной в Пшави, горной части Ксанского ущелья и Мтиулети при работе бытующими там простыми пахотными орудиями).

4. Супряги, с намечавшейся тенденцией неравного распределения дней пахоты на основании неравного участия в ней отдельными компонентами. Степень участия инвентарем влияет на распределение дней пахоты. В частности, в супряге, зафиксированной нами в с. Уде (Ахалцхский район) при пахании джиглой и большим плугом, а также в отдельных случаях в супрягах, распространенных в Мтиулет-Гудамакари и горной части Ксанского ущелья (с. Мартиани, Цхавати) рабочие дни между участниками распределялись соответственно поставленному ими в объединение количеству рабочего скота. Тот, кто участвовал большим числом рабочего скота, получал большее число дней пахоты на своем участке. В супряге, зафиксированной нами в с. Дадианети (горная часть Ксанского ущелья), при распределении дней пахоты учитывался не только рабочий скот каждого члена супряги, но и принадлежность пахотного орудия.

5. Супряги со строго установленными нормами распределения дней пахоты в зависимости от степени участия в этом объединении

⁴⁰ Согласно мнению И.А. Джавахишвили, в Грузии уже в V веке форма индивидуальной семьи должна была быть хорошо известна [79, с.373].

отдельными компонентами. Данная система распределения дней пахоты была типичной для супряг при работе большим плугом. Подобный принцип распределения дней пахоты с менее дифференцированной системой имел место и в супрягах при пахании орхелей (в предгорной части Ксанского ущелья) и в с. Харбали (горная часть Ксанского ущелья) при пахании ксанским горным плугом.

Для этого типа супряги при пахании большим плугом было характерно наличие наиболее развитой системы распределения дней пахоты. Особенно дифференцированная система распределения дней пахоты наблюдалась в низменности Картли и Кахети, что, должно быть, было вызвано сравнительно высоким уровнем социально-экономического развития населения этого региона.

Данная форма супряги отличалась от её предшествующих форм и рядом других признаков, а именно, в данном случае: 1. Существовало четкое разделение труда. Были выделены плугарь, ночные, дневные, а иногда и запасные погонщики, имеющие строго определенные функции. В более ранних формах супряги выполнение этих обязанностей производилось по очереди. 2. В основном соблюдалась очередность пахания, порой строго установленная. В таких случаях принималась во внимание либо сложность выполняемой членами супряги работы, либо степень участия инвентарем. 3. Организатором и руководителем супряги являлся владелец плуга, в то время как в более ранних формах супряги все члены товарищества были равноправными участниками этого объединения — владение пахотным орудием не определяло их положения.

По этим стадиям можно проследить развитие супряги из первоначальной неэквивалентной формы взаимопомощи в супрягу, превратившуюся в средство эксплуатации.

Из приведенного материала явствует, что развитие форм супряги, в основном, находится в прямой связи с уровнем социально-экономических отношений общества, а также зависит от пахотных орудий и вертикальной зональности. Вместе с тем, встречаются случаи, когда в одном и том же микрорайоне при работе одним и тем же типом пахотного орудия, составлялись супряги, отражающие разные стадии развития этого института.

В высокогорной части Грузии (Хевсурети, Хеви, Тушети) при работе бытующими там простыми пахотными орудиями составлялись супряги, являющиеся неэквивалентной взаимопомощью. При пахании более развитыми орудиями (пшавская ачаха и ксанский горный плуг), бытующими в более низкой зоне, в основном, составлялись супряги, являющиеся эквивалентной взаимопомощью. Однако, уже намечалась тенденция неравного распределения дней пахоты на основании неравного участия отдельными компонентами. Например, при работе ксанским горным плугом (с с.Цхавати, Мартиани) неравное участие рабочим скотом вызывало неравное разделение дней пахоты между супряжниками. Тот, кто участвовал большим числом рабочего скота, получал большее количество дней пахоты на своем участке. В с. Дадиянети при распределении дней

пахоты между членами супряги учитывалась также и принадлежность пахотного орудия, а в с. Харбали учитывались не только рабочий скот и пахотное орудие, но также и характер работы каждого члена товарищества. Бытование в одном и том же микрорайоне (горная часть Ксанского ущелья) при работе одним и тем же типом пахотного орудия супряг, основанных на разных принципах взаимного обязательства, показывает процесс перерастания одной формы супряги в другую.

При работе орхелой, пахотным орудием, распространенным в предгорной полосе, составлялись супряги с нормированной системой пахания, а при работе большим плугом — супряги с нормированной, дифференцированной системой распределения дней пахоты, которые в условиях имущественной дифференциации крестьянства стали одной из форм эксплуатации зажиточной прослойкой деревни крестьян бедняков. Этот вид супряги являлся основным видом супряги при пахании большим плугом. Исключения составляют «ахалцхский вариант супряги» (исключающий регламентацию во взаимоотношениях) и «ксанская моригеба», которая хотя и включала частичную регламентацию взаимоотношений между супряжниками, но все же являлась неэквивалентной взаимопомощью. Ксанская моригеба, бытующая спорадически на небольшой территории, вероятно, продолжала существовать по традиции. Это было добавочное пахание, к которому обращались весьма редко.

Сохранение архаической формы супряги в некоторых селениях Месхети (ахалцхский вариант супряги) можно объяснить, главным образом, сельскохозяйственными особенностями данного региона, не нуждающегося в интенсивном применении большого плуга в отличие от Картли и Кахети. Большой плуг применяли сравнительно состоятельные, равные по экономическим возможностям семьи, что обуславливало их примерно равное участие в супряге. Сохранению архаической формы супряги, возможно, способствовала и историческая судьба Месхети.

В супрягах рассматриваемого нами периода имело место сосуществование моментов, характерных для разных стадий развития общества. В частности, явным пережитком общинного строя является организация перед началом пахоты сельских сагмрто — обрядовых пиршеств супряжников, равно как и пахание полевого сторожу, паству, беднякам воспроизводят отношения общинного строя. Пахота для землевладельцев за пользование водой, лесом и другими угодьями является пережитком феодального строя. Анализ супряги, связанной с захватным землепользованием, показывает, что в данном случае имело место использование пережитков общинного землевладения (захватного землепользования) зажиточной частью сельского населения в своих интересах. Здесь, так же, как и в ряде других случаев, имело место использование старых форм в новых условиях.

ТРУДОВЫЕ ОБЪЕДИНЕНИЯ ДЛЯ СОВМЕСТНОЙ РАБОТЫ ПО НАЙМУ

В конце XIX — нач. XX вв. в Восточной Грузии широко было распространено хождение на заработки небольшими группами.

В исследуемый период, в связи с развитием капитализма в Грузии, увеличилось использование наемного труда в земледелии. По словам В.И. Ленина, «Главный признак и показатель капитализма в земледелии — наемный труд» [8, с.226].

В пореформенный период увеличивается имущественная дифференциация крестьянства. Крестьяне, владеющие большими земельными участками, увеличивали посевные площади, заготавливали продукты для продажи. В связи с этим они в своих хозяйствах использовали наемный труд [193, с.155]. С другой стороны, малоземельные, а также лишенные рабочего скота крестьяне, вели хозяйство, доходы которого не удовлетворяли минимальным потребностям семьи. Они путем продажи своей рабочей силы добывали добавочные средства для существования [35, с.73]. Были и безземельные крестьяне, которые хлебопашеством не занимались и жили за счет работы по найму [35, с.63]. Использовался наемный труд как местного населения, так и крестьян, пришедших со стороны.

Хождение на заработки в Грузии имело давние традиции. Существует множество документов об отходничестве в феодальной Грузии [17, с.64; 38, с.75; 187, с.175]. Хождение на заработки небольшими группами во время сезонных работ особенно возросло в пореформенный период. Труд пришлых рабочих использовался преимущественно при работах, требующих ручные орудия труда. Особенно широко применялся во время уборки урожая (жатва, косьба)⁴¹. Состав групп не был обусловлен родственным или каким-либо другим принципом. В эти группы могли объединиться и крестьяне с разных селений. Каждый член товарищества имел свое орудие труда.

Когда составлялись сравнительно большие группы (12 — 15 человек), работа проходила более организованно — избирался глава товарищества, наиболее опытный член объединения, выступающий в качестве их доверенного лица при найме и расчетах с хозяевами посевов. За это он не пользовался каким-либо преимуществом с точки зрения возмещения труда. В тех случаях, когда приходилось работать в деревнях с негрузинским населением, главой группы назначали члена товарищества, уже бывавшего в тех краях и владеющего языком местного населения. Войдя в деревню, договаривались с хозяевами посевов и затем по очереди работали у каждого из них.

⁴¹ Не все селения использовали наемный труд пришлых крестьян. Часть селений обходилась собственными силами.

Товарищества для совместной работы по найму ходили ежегодно по более или менее определенному маршруту.

В низменной части Восточной Грузии использовался, в основном, наемный труд крестьян из горных селений, а также из Западной Грузии. Сравнительно реже ходили на заработки с низменности в горные районы.

Как известно, хлеб в различных частях Грузии созревал не одновременно. В низменности он созревал раньше. Там сбор урожая (жатва, косьба) начинался в конце июня и продолжался в течение всего июля. С увеличением высоты хлеб убирался позднее, так что в горах уборка хлебов завершалась в сентябре. Именно этим определялось движение сезонных рабочих. Эти товарищества ходили ежегодно по более или менее определенному маршруту с учетом постепенного созревания хлебов — от нижерасположенных селений к более верхним. В Тианети работали крестьяне из Кахети (Телавский и Ахметский районы), в Гаре Кахети (сс. Норио, Марткопи) и с. Алвани — крестьяне из Тианети, в сс. Кварели и Шалда (там хлеб рано созревал) — крестьяне из Телавского района. Крестьяне из сс. Анага, Вакири ходили работать за Алазани. В Картли приходили рабочие из Джавахети и Цалки.

По сообщению Н. Берзенова, в Восточной Грузии нанимали жнецов осетин и имеретин, которые небольшими партиями ходили из селения в селение [39]. По нашим полевым материалам, в низменной части Картли и Кахети работали по найму и крестьяне из Лечхуми. Небольшие группы крестьян из Лечхуми, в основном, занимались жатвой и косьбой. В Картли и во время мотыжения использовалась рабочая сила из Лечхуми.

Оплата труда в каждом отдельном случае зависела от договоренности. Работали сдельно и поденно. Заранее договаривались и о питании и о воде. Так как уборка урожая была крайне срочным делом, то обе стороны предпочитали сдельную работу.

Труд оплачивался деньгами или продуктами. Рабочие из селений, расположенных в низменности, брали в основном деньги, горы — зерно.

Труд рабочих, занятых на жатве, оплачивался дороже. Если поденная плата рабочих при мотыжении, при очистке новых лесных участков под пашню и при косьбе травы равнялась 40 коп., то при жатве она равнялась 50 — 60 коп., а в низменности иногда достигала 1 рубля. Так что, в разное время поденная плата за жатву была от 50 коп. до 1 рубля.

Если нанимались сравнительно большие группы, то сами разделялись на жнецов, вязальщиков и т.д. Если группа была немногочисленная, все рабочие жали, а в качестве вязальщиков, мехелеуре (лица, которые подносили охапки сжатого хлеба вязальщику) и т.д. выступали члены семьи, для которой работали.

При косьбе рабочие получали неодинаковую плату. Косари получали за свой труд 1 рубль, а мпоцхави (лица, собиравшие с помощью грабель и вил скошенный хлеб) — 50 коп.

При сдельной работе в Картли (Горийский район), по нашим материалам, жатва с 1 десятины стоила 5 — 8 рублей, в Кахети жатва 5 чареки (1 га) — 3 рубля. Этнографический материал совпадает с данными литературы. Так например, по сообщению С.В. Мачабели, «за уборку урожая с одной десятины платили рабочим, если им приходилось жать и вязать в снопы хлеб, от 5 до 8 рублей. За косьбу же урожая хлеба — от 3 до 5 рублей» [152, с.240]. В Эрцо-Тианети жатва 2 дгиури (1 десятина) стоила 3 рубля. В Картли за косьбу, сгребание скошенного хлеба и складывание в стога с одного дгиури (площадь, вспахиваемая за день) платили 8 рублей.

Иногда труд оплачивался продуктами. Горцы при работе в селениях, расположенных в низменности, брали, в основном, пшеницу. Рабочие из низменных районов Грузии, работая в низменности, брали пшеницу, а в селах, расположенных в горной части, брали топленое масло, овец, шерсть. По материалам Ксанского ущелья, за косьбу с одного дгиури брали 1 чанахи (8 кг) пшеницы, а за косьбу, сгребание скошенного хлеба и складывание в стога с той же площади — 2 чанахи. По материалам из Эрцо-Тианети, за жатву с 2 дгиури (1десятина) брали 1 овцу.

При поденной работе в Картли (с. Урбниси) косарю полагалось в день 2 пуда хлеба, а лицу, сгребавшему скошенный хлеб — 1 чанахи (8 кг). В Кизики (с. Вакири) жнецам в день давали 2-3 нитра (нитра — 13 фунтов) зерна.

Итак, в конце рассматриваемого периода в сельском хозяйстве Восточной Грузии широко применялся наемный труд, который постепенно вытеснял старые формы коллективного труда.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ этнографического материала и соответствующих литературных источников позволяет сделать следующие общие выводы:

1. В дореволюционном быту Восточной Грузии в связи с полевыми работами широко применялись различные трудовые объединения, что было вызвано недостатком инвентаря и рабочей силы, а также бытующей в народе традицией взаимопомощи.

2. Разнообразные природные условия, различия в формах хозяйственной деятельности и разный уровень социально-экономических отношений, характерные для Восточной Грузии, обуславливали существование там разнообразных форм трудовых объединений, отражающих разные стадии развития этого института. Это дает возможность проследить процесс развития и трансформации форм коллективного труда.

3. При коллективной обработке земель, находящихся в индивидуальном пользовании, наиболее ранней формой трудового объединения следует считать безвозмездную трудовую помощь бедной семье. Однако, данная форма коллективного труда в новых условиях (конец XIX — начало XX вв.) значительно меняется. Из приведенного материала видно, как использовала в своих интересах зажиточная часть сельского населения старый обычай поддержки бедняков.

4. Ранней формой трудового объединения следует считать также и дадзахили — трудовую помощь по приглашению хозяина работы, за угощение. В условиях имущественной дифференциации данная форма трудового объединения зачастую утрачивала характер взаимного обязательства и превращалась в средство приобретения бесплатной рабочей силы зажиточной частью сельского населения. Степень трансформации данной формы взаимопомощи зависела как от уровня социально-экономического развития общества, так и от характера выполняемой работы. При выполнении особенно трудоемких и спешных работ, когда в селе был большой спрос на рабочих, данная простая форма трудового объединения в большей степени подвергалась трансформации. Её оказывали (в особенности в низменности, где был сравнительно высокий уровень социально-экономического развития общества) преимущественно состоятельным крестьянам, от которых сельская беднота в какой-то мере зависела. В таких случаях дадзахили приобретало характер узаконенного обязательства бедного по отношению к богатому.

5. Более развитой формой трудового объединения являлась нацвалгарда — взаимопомощь, основанная на паритете. Из при-
веденного материала видно, что в некоторых случаях имело место нарушение принципа равного участия. Это, главным образом, касалось работ, выполняемых с помощью рабочего скота. В таком случае тот член объединения, который не имел рабочего скота, возмещал эту разницу во время других работ своим личным трудом по отношению к владельцу скота. Таким образом, на характер трудовой взаимопомощи определенное влияние оказывало имущественное положение её членов. Неравное участие инвентарем давало возможность состоятельным крестьянам пользоваться трудом бедняков. Это, должно быть, отражает отношения сравнительно позднего периода.

6. Для пахания составлялись различные виды трудового объединения, которые отображают различные стадии развития данного института. Главный признак, по которому можно произвести стадийное определение форм супряги, это — принцип распределения результатов труда — дней пахоты. Исходя из этого развитие института супряги можно представить в следующей последовательности.

1) Супряги с ненормированной системой трудового участия и распределения дней пахоты («ахалцхский вариант супряги» с применением джигли и большого плуга).

2) Супряги с частичной регламентацией взаимоотношений между соучастниками:

а) обязательным условием являлось равное участие рабочим скотом. распределение дней пахоты не было регламентировано. Оно зависело от потребности членов товарищества (супряги — мондави || мандави — распространенные в Тушети, Хевсурети, Хеви при работе бытующими там простыми пахотными орудиями);

б) каждому соучастнику пахали одинаково — по одному дню, независимо от степени его участия личным трудом и поставкой инвентаря (ксанская моригеба — вид супряги при пахании большим плугом).

3) Супряги, основанные на паритете. Члены объединения на основании равного участия (инвентарем и личным трудом) друг у друга работали равное количество дней (основной вид супряги, распространенной в Пшави, в горной части Ксанского ущелья и Мтиулету при работе бытующими там простыми пахотными орудиями).

4) Супряги с намечающейся тенденцией неравного распределения дней пахоты на основании неравного участия в ней отдельными компонентами (в Месхети при пахании джиглой и, в отдельных случаях, в Мтиулету и горной части Ксанского ущелья).

5) Супряги со строго установленными нормами распределения дней пахоты в зависимости от степени участия в этом объединении отдельными компонентами. Данная система распределения

дней пахоты была типична для супряг при работе большим плугом, пахотным орудием, главным образом, бытующим в низменности.

Этот вид супряги при пахании большим плугом характеризовался наличием наиболее развитой системы распределения дней пахоты. Особенно дифференцированная система распределения дней пахоты наблюдалась в низменности Картли и Кахети, что, должно быть, было вызвано сравнительно высоким уровнем социально-экономического развития населения данного района.

Данная форма супряги отличалась от её предшествующих форм и рядом других признаков (нарушение равноправия членов товарищества, четкое разделение труда, соблюдение очередности пахания).

По этим стадиям можно проследить развитие института супряги из первоначальной неэквивалентной формы взаимопомощи в супрягу, превратившуюся в средство эксплуатации.

Из этого явствует, что развитие форм супряги, в основном, находилось в прямой связи с уровнем социально-экономических отношений общества, а также зависело от пахотных орудий и вертикальной зональности.

7. К концу рассматриваемого периода в сельском хозяйстве Восточной Грузии расширились рамки применения наемного труда, который постепенно стал вытеснять старые формы взаимопомощи.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Маркс К. Капитал, т.1. — М.: Издательство политической литературы, 1978. — 907 с.
2. Маркс К. Наброски ответа на письмо В.И. Засулич. — К.Маркс и Ф. Энгельс. Соч. 2-е изд., т.19, с.400 — 421.
3. Маркс К. О Гаагском конгрессе. — К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч. 2-е изд., т.18, с.153 — 155.
4. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. — М.:Издательство политической литературы, 1978. — 238 с.
5. Ленин В.И. Развитие капитализма в России. — Полн. собр. соч., т.3 с. 1 — 609.
6. Ленин В.И. Аграрный вопрос и «критики Маркса». — Полн. собр. соч., т.5, с.95 — 268.
7. Ленин В.И. Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905 — 1907 годов. — Полн. собр. соч., т.16, с.193 — 413.
8. Ленин В.И. Новые данные о законах развития капитализма в земледелии. — Полн. собр. соч., т.27, с.129 — 227.
9. Ленин В.И. О «левом» ребячестве и о мелкобуржуазности. — Полн. собр. соч., т. 36, с.283 — 314.
10. Ленин В.И. О пролетерской культуре. — Полн. собр. соч., т.41, с.336-337.
11. Ленин В.И. О продовольственном налоге. — Полн. собр. соч., т.43, с.205 — 245.
12. О мерах по усилению борьбы с вредными традициями и обычаями. — Заря Востока, 1975 г., 25 ноября № 276 (15340).
13. Абазадзе Н. Семейная община у грузин. — ЭО, 1889, кн. III, с.13-28.
14. Абазадзе Н.Л. «Ханулоба»: (обычай соучастия в молоке у грузинских крестьянок). — ЭО, 1898, № 1, с. 126 — 132.
15. Абдураимов М. Пережитки сельской общины в узбекском кишлаке Хумсан: (XIX — нач. XX в.). — СЭ, 1959, № 4, с. 43 — 54.
16. Абе́лов Н.А. Экономический быт государственных крестьян Геокчайского и Шемахинского уездов бакинской губернии. — В кн.: Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян Закавказского края, т.VI. — Тифлис, 1887, с.1 — 335.
17. Абу́серидзе Тбийский. Строительство Болок — Базилия в Шуарткали: текст 1233 г., издал Л.Мусхелишвили (на груз. яз.). — Тбилиси: Изд — во АН ГССР, 1941. — 90с.
18. Амиров Гаджи — Мурад. Среди горцев Северного Дагестана. ССКГ, 1813, вып. VII, с. 1 — 77.
19. Антелава И.Г. Государственные крестьяне Грузии в XIXв. 1. — Тбилиси: Сабхота Сакартвело, 1969. — 481 с.
20. Аракишвили Д.И. грузинская музыка: (краткий исторический обзор) (на груз. яз.). — Кутаиси, 1925. — 64 с.
21. Аракишвили Д.И. Краткий исторический обзор грузинской музыки. — Тбилиси: Госиздат Грузии, 1940. — 70 с.
22. Аракишвили Д.И. Обзор народной песни Восточной Грузии. — Тбилиси: Ленинское знамя, 1948. — 100 с.
23. Аракчиев Д.И. Краткий очерк развития грузинской, карталино —

кахетинской народной песни. Труды музыкально — этнографической комиссии. 1916, т.5, с.171—244.

24. Аргутинский А.М. Экономический быт государственных крестьян Сигнахского уезда Тифлиской губернии. — В кн.: Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян Закавказского края, т.IV. — Тифлис, 1886, с.1—169.

25. Аргутинский А.М. Экономический быт государственных крестьян Телавского уезда Тифлиской губернии. — В кн.: Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян Закавказского края, т.V. — Тифлис, 1887, с.1—169.

26. Асатиани Н.Ш. Крестьянство в Кахетском царстве в XVI — XVII вв. — Дис...Канд. ист. наук. — Тбилиси, 1960. — 240 с.

27. Асиятилов С.Х. Историко-этнографические очерки хозяйства аварцев. — Махачкала, 1967. — 171 с.

28. Асланишвили Ш. Очерки о грузинской народной песни (на груз. яз.), I. — Тбилиси: Хеловнеба, 1954. — 299 с.

29. Багратиони Вахушти. Описание царства Грузинского (география Грузии) (на груз. яз.). — Тбилиси: Изд-во Тбилисского гос. ун-та, 1941. — 356с.

30. Багратиони И. Калмасоба, т.I (на груз. яз.). Тбилиси, 1936. — 307 с.

31. Бакрадзе Дм. Заметки о Закатальском округе. —ЗКОИРГО, XIV, в. I, 1890, с. 247 — 282.

32. Бардавелидзе В.В. Земельные владения древнегрузинских святыш. — СЭ, 1949, № 1, с.92 — 109.

33. Бардавелидзе В.В. Традиционные общественно-культурные памятники горной Восточной Грузии, т.I, Пшави (на груз. яз.). — Тбилиси: Мецниереба, 1974. — 240 с.

34. Бдоян В.А. Земледельческая культура в Армении: автореферат дис... докт. ист. наук. — Тбилиси, 1968. — 126 с.

35. Бендианишвили А.С. Предпосылки социалистической революции в Грузии (на груз. яз.). — Тбилиси: Мецниереба, 1971. — 220 с.

36. Бердзенишвили Н. Документы из социальной истории Грузии, I (на груз. яз.). — Тбилиси, 1950. — 648 с.

37. Бердзенишвили Н. Документы из социальной истории Грузии, II (на груз. яз.). — Тбилиси, 1953. — 360 с.

38. Бердзенишвили Н. Материалы для экономической истории Грузии, I (на груз. яз.). — Тбилиси, 1938. — 398 с.

39. Берзенов Н. Очерки деревенских нравов Грузии. — Кавказ, 1854, № 71.

40. Беришвили Л.К. Земледелие в Месхети (на груз. яз.). — Тбилиси: Мецниереба, 1973. — 214 с.

41. Беридзе В. Грузинский глоссарий по имеретинскому и рачинскому говорам. — С. — Петербург, 1912. — 76 с.

42. Биланишвили З. О системе пахания грузинским плугом: корреспонденция из Иорского ущелья (на груз. яз.). — Дрозба, 1884, № 73.

43. Биланишвили З.Г. Очхари (на груз. яз.). — Древняя Грузия, 1913, т.II, с.77 — 78.

44. Бочоришвили Л. Грузинская керамика, I, кахетинская (на груз. яз.). — Тбилиси: Изд-во АН ГССР, 1949. — 257 с.

45. Брегадзе Н.А. Горное земледелие в Западной Грузии (на груз. яз.). — Тбилиси: Мецниереба, 1969. — 284 с.

46. Бутинов Н.А. Папуасы Новой Гвинеи. — М.: Наука, 1968. — 254 с.

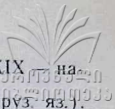
47. Бутова Е. Станица Бороздинская Терской области, Кизлярского округа. — СМОМПК, 1889, в.VII, с.3 — 156.

48. Бюхер К. Возникновение народного хозяйства. — С.-Петербург, 1907. — 206 с.

49. Бюхер К. Работа и ритм. — М.: Новая Москва, 1923. — 328 с.

50. Важа — Пшавела. Из жизни пшавов (на груз. яз.). — Иверия, 1886, № 104.

51. Вахтанг VI. Дастурламали: под редакцией Умикашвили П. (на груз. яз.). — Тбилиси, 1886, — 204 с.
52. Вермишев Х.А. Земледелие у государственных крестьян Закавказского края. — В кн.: Свод материалов по изучению экономического быта государственных крестьян Закавказского края, т.IV. — Тифлис, 1888, с.1 — 559.
53. Вермишев Х.А. Экономический быт государственных крестьян в Ахалцхском и Ахалкалакском уездах, Тифлисской губернии. — В кн.: Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян Закавказского края, т.III. — Тифлис, 1886, с.1 — 282.
54. Гаглоева З.Д. О пережитках аграрного культа в Джавском районе Юго-Осетинской АО. — ВЭК, 1952.
55. Гаглойти З.Д. Очерки по этнографии Осетии: I Общественный быт осетин в XIX в. — Тбилиси: Мецниереба, 1974. — 159 с.
56. Гакстгаузен. Закавказский край, ч.I. — Спб., 1857. — 215 с.
57. Гатиев Б. Суевия и предрассудки у осетин. — ССКГ, 1876, в.IX, III отд., с.1 — 83.
58. Гвритшвили Д. Из истории социальных взаимоотношений в феодальной Грузии (на груз. яз.). — Тбилиси: Госиздат, 1955. — 509 с.
59. Гегешидзе М.К. Грузинский народный транспорт, I Сухопутные средства перевозки (на груз. яз.). — Тбилиси: Изд-во АН ГССР, 1956. — 230 с.
60. Гегешидзе М.К. Орошаемое земледелие в Грузии (на груз. яз.). — Тбилиси: Изд-во АН ГССР, 1961. — 290 с.
61. Геевский В. Краткий очерк земледелия за Кавказом. — Тифлис, 1887. — 39 с.
62. Геладзе Т.Ш. Коллективные формы труда в Гурии (на груз. яз.). — В сб.: Материалы для этнографического изучения Гурии. Тбилиси, 1980, с.39 — 54.
63. Геладзе Т.Ш. Формы коллективного труда, связанные с полеводством: (по материалам Тирифонской долины) (на груз. яз.). — Вестник Государственного музея Грузии им. акад. С.Н. Джанашиа, 1972, XXIV — В, с.132 — 155.
64. Геладзе Т.Ш. Формы организации труда в Имерети (на груз. яз.). — В сб.: Материалы по изучению этнографии Имерети. Тбилиси, 1978, с.47—61.
65. Геладзе Т.Ш. Формы организации труда в Самегрело (на груз. яз.). — В сб.: материалы по этнографическому изучению Самегрело. Тбилиси, 1979, с.45 — 61.
66. Геладзе Т.Ш. Формы организации труда, связанные с полеводством в Ксанском ущелье (на груз. яз.). — В сб.: Материалы по этнографическому изучению Ксанского ущелья. Тбилиси, 1975, с.78 — 98.
67. Гогичайшвили Ф. Ремесленничество и Грузин (на груз. яз.). — Тбилиси: Изд-во Тбилисского гос. ун-та, 1976. — 215 с.
68. Грузинское народное поэтическое творчество, I (на груз. яз.). — Тбилиси, 1960. — 416 с.
69. Гугушвили П.В. Общинное землевладение в Закавказье (на груз. яз.). — Труды института экономики АН ГССР, 1946, т.I, с. 5 — 80.
70. Гугушвили П.В. Отмена крепостного права в Грузии (на груз. яз.). — Большевики, 1939, № 9 — 10, с.85 — 99.
71. Гугушвили П.В. Экономическая организация супруги грузинского плуга (на груз. яз.). — Сообщения АН ГССР, 1944, т.V, № 3, с.329 — 338.
72. Гугушвили П.В. Экономическое развитие Грузии и Закавказья в XIX — XX вв., т.II (на груз. яз.). — Тбилиси: Госиздат ГССР, 1956. — 985 с.
73. Гугушвили П.В. Экономическое развитие Грузии и Закавказья в XIX — XX вв., т.III (на груз. яз.). — Тбилиси: Сабчота Сакартвело, 1959. — 877 с.
74. Гулиев М.А. Чалтыководство в Азербайджане: (историко-этнографическое исследование). Автореферат дис...канд. ист. наук. — Баку, 1966. — 37 с.
75. Гулисашвили З. Повести и очерки (на груз. яз.). — Тбилиси: Сабчота Мцeralи, 1953. — 314 с.
76. Гулисашвили Ш. Одна из причин упадка хозяйства в наших се-

- лениях (на груз. яз.). — Квали, 1893, № 4.
77. Джавадов Г.Д. Земледельческие орудия Азербайджана в XIX в. — Автореферат дис. канд. ист. наук. — Баку, 1967. — 25 с.
78. Джавахишвили И.А. История грузинского народа, I (на груз. яз.). — Тбилиси: Изд-во Тбилисского гос. ун-та, 1951. — 500 с.
79. Джавахишвили И.А. История грузинского права, кн. II (на груз. яз.). — Тбилиси: Изд-во Тбилисского гос. ун-та, 1929. — 234 с.
80. Джавахишвили И.А. Основные вопросы истории грузинской музыки (на груз. яз.). — Тбилиси: Федерация, 1938. — 381 с.
81. Джавахишвили И.А. Экономическая история Грузии, I (на груз. яз.). — Тбилиси: Каргули цигни, 1930. — 428 с.
82. Джавахишвили И.А. Экономическая история Грузии, II (на груз. яз.). — Тбилиси: Каргули цигни, 1934. — 708 с.
83. Джалабадзе Г.В. Земледелие в Пшави и Хевсурети (на груз. яз.). — Тбилиси: Изд-во АН СССР, 1963. — 79 с.
84. Джалабадзе Г.В. Земледелие в Терском ущелье (на груз. яз.). — Вестник Государственного музея Грузии им. акад. С.Н. Джанашиа, 1961, т. XXII — В, с. 201 — 239.
85. Джалабадзе Г.В. Земледелие в Тушети (на груз. яз.). — В сб.: Этнографический сборник Тушети, Тбилиси, 1967, с. 11 — 41.
86. Джалабадзе Г.В. К истории земледельческих орудий Восточной Грузии (на груз. яз.). — Тбилиси: Изд-во АН СССР, 1960. — 175 с.
87. Джалабадзе Г.В. Полеводство в Кахети (на груз. яз.). — Вестник Государственного музея Грузии им. акад. С.Н. Джанашиа, 1968, т. XXI — В, с. 283 — 301.
88. Джалабадзе Г.В. Полеводство в Месхет-Джавахети (— на груз. яз.). — В сб.: Материалы к этнографическому изучению Месхет-Джавахети. Тбилиси, 1972, с. 9 — 36.
89. Джалабадзе Г.В. Полеводческая культура Грузии: (историко-этнографическое исследование). — Дис. д-ра ист. наук. — Тбилиси, 1972. — 415 с.
90. Джикия Н.П. Культура питания грузинских горцев: (по этнографическим материалам). — Дис. канд. ист. наук. — Тбилиси, 1977. — 285 с.
91. Джикия С.С. Грузинский термин коллективного труда в тюркских языках (на груз. яз.). — В сб.: Иберийско-кавказское языковедение, т. I: — Тбилиси, 1946, с. 393 — 398.
92. Догель И.М. Влияние музыки на человека и животных. — Казань, 1888. — 16 с.
93. Документы для истории Тбилиси (XVI — XIX вв.). кн. I: составили Бердзенишвили Н. и Бердзенишвили М. (на груз. яз.). — Тбилиси, 1962. — 386 с.
94. Долидзе И. Древнегрузинское право (на груз. яз.). — Тбилиси: Изд-во Тбилисского гос. ун-та, 1953. — 379 с.
95. Долидзе И.С. Памятники грузинского права, т. I (на груз. яз.). — Тбилиси: Изд-во АН СССР, 1963. — 774 с.
96. Дондуа В. Калмасоба, или хождение по сбору как бытовое явление в старой Грузии (на груз. яз.). — Тбилиси: Изд-во АН СССР, 1949, — 108 с.
97. Дубровин Н. История войны и владычества русских на Кавказе, т. I, кн. II. — Спб., 1871. — 422 с.
98. Дулов В.И. Пережитки общинно-родового строя у тувинцев в XIX — начале XX в. — СЭ, 1951, № 4, с. 57 — 76.
99. Егиазаров С.А. Формы общины и крестьянского землевладения в Тифлисской губернии. — В кн.: Свод материалов по изучению экономического быта государственных крестьян Закавказского края, т. II. — Тифлис, 1887, с. 383-426.
100. Ерицов А.Д. Экономический быт государственных крестьян Борчалинского уезда, Тифлисской губернии. — В кн.: Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян Закавказского края, т. VII. — Тифлис, 1887, с. 367 — 535.
101. Жордания Ф. Исторические документы Шно-Мгвимского монастыря. (на груз. яз.). — Тбилиси, 1896. — 90 с.

102. Жордания Ф. Хроники и другие материалы по истории и литературе Грузии II (на груз. яз.). — Тбилиси, 1897. — 536 с.
103. Закон царя Ираклия II о порядке несения воинской повинности, 4774 (1930) 4 января (на груз. яз.). — Древности Грузии, 1929, т. I, с. 177 — 189.
104. Зелинский С. П. Объяснительный словарь татарских, грузинских и армянских слов, вошедших в «Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян Закавказского края». — Тифлис, 1889. — 165 с.
105. Зибер Н. И. Очерки первобытной экономической культуры. — М., Соцгиз, 1959. — 693 с.
106. Ингоркова П. Исторические памятники Сванетии, II (на груз. яз.). — Тбилиси, 1941. — 16 с.
107. Итонишвили В. Дж. Жилые постройки в Хеви в прошлом и настоящем (на груз. яз.). — Тбилиси: Сабчота Сакартвело, 1967. — 81 с.
108. Итонишвили В. Дж. Пережитки семейной общины у грузин-горцев Ксанского ущелья. — КЭС, 1972, IV, с. 109 — 133.
109. Итонишвили В. Дж. Семейный быт в Мтиулет-Гудамакари (на груз. яз.). — Кавказский этнографический сборник, 1971, III, с. 83 — 145.
110. Итонишвили В. Дж. Семейный быт мохевцев (на груз. яз.). — Тбилиси: Сабчота Сакартвело, 1970. — 126 с.
111. Итонишвили В. Дж. Семейный быт народов Кавказа (на груз. яз.). — Тбилиси: Мецниереба, 1977. — 195 с.
112. Какабадзе С. Три грамоты Шио-Мгвимского монастыря (на груз. яз.). — Тбилиси, 1912. — 12 с.
113. Какабадзе С. Церковные памятники Западной Грузии, кн. II (на груз. яз.). — Тбилиси, 1921. — 180 с.
114. Калоев Б. А. Земледелие народов Северного Кавказа. — М.: Наука, 1981. — 225 с.
115. Калоев Б. А. Осетины: (историко-этнографическое исследование). — М.: Наука, 1971. — 357 с.
116. Калоев Б. А. Программа сбора материала по земледелию и скотоводству для кавказского историко-этнографического атласа. — М., 1978.
117. Кантария М. В. Из истории хозяйственного быта Кабарды (на груз. яз.). — Кавказский этнографический сборник, 1964, I, с. 53 — 99.
118. Кантария М. В. К вопросу о некоторых трудовых объединениях, связанных со вспашкой в Кабарде. — Сборник статей по истории Кабарды и Балкарии, 1959, вып. 8. — с. 56 — 72.
119. Кантария М. В. Полеводство в Кабарде: (по этнографическим материалам). Автореферат дис... канд. ист. наук. — Тбилиси, 1965. — 28 с.
120. Кантария М. В. Формы совместного труда в Горной Осетии (на груз. яз.). — Мацне, 1971, № 4, с. 58 — 75.
121. Караулашвили Ц. Г. Народное ткачество в Месхет-Джавахеги (на груз. яз.). — В сб.: Материалы к этнографическому изучению Месхет-Джавахеги. Тбилиси, 1972, с. 117 — 143.
122. Кецховели Н. Н. Зоны культурных растений в Грузии (на груз. яз.). — Тбилиси: Изд-во АН ГССР, 1957. — 487 с.
123. Кецховели Н. Н. Материалы для изучения зональности культурных растений на Кавказе (на груз. яз.). — Тбилиси, 1928. — 72 с.
124. Ковалевский М. Очерк происхождения и развития семьи и собственности. — М.: Гос. соц.-эк. изд-во, 1939. — 185 с.
125. Ковалевский М. Пшавы. — ЮВ, 1888, № 2, с. 193 — 226.
126. Ковалевский М. Родовое устройство Дагестана. — ЮВ, 1882, № 2, с. 513 — 551.
127. Ковалевский М. Родовой быт. — С. — Петербург, 1911. — 312 с.
128. Ковалевский М. Современный обычай и древний закон. — М., 1886. — 410 с.
129. Копаладзе. Земледелие в Кизики (на груз. яз.). — Квали, 1899, № 10.
130. Косвен М. О. Семейная община. — СЭ, 1948, № 3, с. 3 — 32.
131. Косвен М. О. Семейная община и патронимия. — М.: Изд-во АН СССР, 1963.
132. Косвен М. О. Этнография и история Кавказа: исследования и матери-

алы. — М.: Изд-во Восточной литературы, 1961. — 260 с.

133. Котетишвили В. Народная поэзия (на груз. яз.). — Тбилиси: Сабчота мцeralи, 1961. — 473 с.

134. Котляровский П.В. Экономический быт государственных крестьян северной части Кубинского уезда, Бакинской губернии. — В кн.: Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян Закавказского края, т. II. — Тифлис, 1886, с. 289 — 447.

135. Кр живицкий Л. Хозяйственный и общественный строй первобытных народов: В сокращенном изложении В.П. Друнина. — М.Л., 1925. — 227 с.

136. Кропоткин П. Взаимная помощь, как фактор эволюции. — С. — Петербург, 1907. — 351 с.

137. Кунов Г. Всеобщая история хозяйства. — М.Л., 1929. — 554 с.

138. Лекиашвили А.С. В стране виноградной лозы (на груз. яз.). — Тбилиси: Накадули, 1972. — 126 с.

139. Магомедов М.Х. Культура и быт осетинского народа. — Орджоникидзе: Изд-во «Ир», 1968. — 567 с.

140. Макалатия М.Н. Скотоводство в горной части Восточной Грузии (по этнографическим материалам) (на груз. яз.). — Дис...канд. ист. наук. — Тбилиси, 1975. — 219 с.

141. Макалатия С.И. Атенское ущелье (на груз. яз.). — Тбилиси: Госиздат ГССР, 1957. — 37 с.

142. Макалатия С.И. Лехурское ущелье (на груз. яз.). — Тбилиси: Сабчота Сакартвело, 1964. — 59 с.

143. Макалатия С.И. Месхет-Джавахети (на груз. яз.). — Тбилиси: Федерация, 1938. — 157 с.

144. Макалатия С.И. Мтиулет (на груз. яз.). — Тбилиси: Госиздат, 1930. — 192 с.

145. Макалатия С.И. Пшави (на груз. яз.). — Тбилиси, 1934. — 238 с.

146. Макалатия С.И. Тедзамское ущелье (на груз. яз.). — Тбилиси: Изд-во АН ГССР, 1959. — 44 с.

147. Макалатия С.И. Фронское ущелье (на груз. яз.). — Тбилиси: Сабчота Сакартвело, 1963. — 93 с.

148. Макалатия С.И. Хеви (на груз. яз.). — Тбилиси: Госиздат, 1934. — 288 с.

149. Мамаладзе Т.С. Кахетинские трудовые песни. — Тбилиси: Изд-во АН ГССР, 1962. — 125 с.

150. Мачабели М.В. Экономический быт государственных крестьян Тифлиского уезда, Тифлисской губернии. — В кн.: Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян Закавказского края, т. V. — Тифлис, 1887, с. 315 — 536.

151. Мачабели С.В. Экономический быт государственных крестьян Горийского уезда, Тифлисской губернии. — В кн.: материалы для изучения экономического быта государственных крестьян Закавказского края, т. VI. — Тифлис, 1887, с. 135 — 309.

152. Мачабели С.В. Экономический быт государственных крестьян Тифлиского уезда, Тифлисской губернии. — В кн.: Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян Закавказского края, т. V. — Тифлис, 1887, с. 169 — 314.

153. Мгалоблишвили С. Воспоминания (на груз. яз.). — Тбилиси: Федерация, 1938. — 268 с.

154. Мгалоблишвили С. Избранные рассказы (на груз. яз.). — Тбилиси: Госиздат, 1951. — 702 с.

155. Мегреладзе Д.Г. Экономическое положение крестьянства Восточной Грузии с XVI века до первой половины XVIII века (на груз. яз.). — В кн.: Очерки из истории крестьянства феодальной Грузии. Тбилиси: Мецниереба, 1967, с. 90 — 121.

156. Ментешашвили С. Словарь кизикского диалекта. — Тбилиси: Изд-во АН ГССР, 1943. — 304 с.

157. Миллер Вс. Осетинские этюды. — М., 1882. — 116 с.

158. Надирадзе Г. Нико Сулханишвили (на груз. яз.). — Тбилиси: Гос-

5141359210
5141359210
5141359210

издат, 1937. — 140 с.

159. Народные стихи, собранные в Картли Гедо Разикашвили. — Тбилиси: Изд-во АН ГССР, 1913 — 1914, т. III, отд. II, с. 1 — 196.

160. Народные стихи, собранные Севастием Гачечиладзе в Земо Имерети (на груз. яз.). — Древняя Грузия, 1909, т. I, отд. IV, с. 57 — 104.

161. Никифоров Н. К. Экономический быт государственных крестьян Душетского уезда, Тифлисской губернии. — В кн.: Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян Закавказского края, т. V. — Тифлис, 1887, с. 1 — 167.

162. Окрошидзе Т. Д. Грузинская народная трудовая поэзия (на груз. яз.). — Тбилиси: Изд-во АН ГССР, 1963. — 166 с.

163. Омаров А. Как живут лаки. — ССКГ, 1870, вып. IV, с. 1 — 24.

164. Орбелиани Сулхан-Саба. Словарь грузинского языка. — Тбилиси: Госиздат, 1949. — 582 с.

165. Парвицкий А. П. Отношения обществ государственных крестьян к землям частного владения в Закавказском крае. — В кн.: Свод материалов по изучению экономического быта государственных крестьян Закавказского края, т. V. — Тифлис, 1888, с. 73 — 151.

166. Песня ночного погонщика (на груз. яз.). — Иверия, 1886, № 8.

167. Попов А. А. Материалы по родовому строю долган. — СЭ, 1934, № 6, с. 116 — 139.

168. Поршнев В. Ф. Феодализм и народные массы. — М.: Наука, 1964. — 520 с.

169. Пруидзе Л. А. Виноградарство и виноделие в Грузии, I рача (на груз. яз.). — Тбилиси: Мецниереба, 1974. — 358 с.

170. Пурцеладзе Д. П. Грузинские крестьянские грамоты, крепостные и судебные акты, грамоты и письма грузинских и персидских царственных особ: (материалы для истории древней Грузии). — Тифлис, 1882. — 127 с.

171. Рехвиашвили Н. Краткий отчет о командировке в Рачу (на груз. яз.). — Известия ИЯИМК, 1941, XI, с. 11 — 20.

172. Робакидзе А. И. К вопросу о формах поселения в Верхней Аджарии (на груз. яз.). — Труды Батумского научно-исследовательского института, 1960, I, с. 11 — 24.

173. Робакидзе А. И. Некоторые черты мтиульской комоба (на груз. яз.). — Кавказский этнографический сборник, 1971, III, с. 63 — 82.

174. Робакидзе А. И. Особенности патронимической организации у народов горного Кавказа. — СЭ, 1968, № 5, с. 93 — 104.

175. Робакидзе А. И. Отчет об этнографической командировке в Рачу (на груз. яз.). — Известия ИЯИМК, 1939, IV, с. 305 — 319.

176. Робакидзе А. И. Отчет о командировке в Рачу (на груз. яз.). — Известия ИЯИМК, 1941, XI, с. 1 — 10.

177. Робакидзе А. И. Супруги как одна из форм эксплуатации в дореволюционной Грузии (на груз. яз.). — Мимомхилвели, 1951, т. II, с. 408 — 421.

178. Робакидзе А. И. Формы организации труда в народном хозяйстве древней Грузии: пережитки коллективной охоты у рачинцев (на груз. яз.). — Тбилиси: Изд-во АН ГССР, 1941. — 203 с.

179. Робакидзе А. И. Формы поселения в Балкарии (на груз. яз.). — Кавказский этнографический сборник, 1964, I, с. 31 — 46.

180. Робакидзе А. И. Гегечкори Г. Формы жилища и структура поселения горной Осетии. — КЭС, 1975, V, I с. 1 — 195.

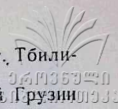
181. Рухадзе Дж. А. Народная агрикультура в Западной Грузии (на груз. яз.). — Тбилиси: Мецниереба, 1976. — 224 с.

182. Рухадзе Дж. А., Лекиашвили А. С., Чкониа И. В. Село Акура (на груз. яз.). — Тбилиси: Мецниереба, 1964. — 199 с.

183. Сахокия Ф. Грузинские пословицы. — Тбилиси: Ганатлеба, 1967. — 288 с.

184. Сегаль Л. Крестьянское землевладение в Закавказье. — Тифлис, 1912. — 154 с.

185. Сихарулидзе К. А. Грузинская народная словестность (на груз. яз.). — Тбилиси: Изд-во Тбилисского гос. ун-та, 1970. — 451 с.

186. Словарь Ал. Казбеги. — Казбеги А. Полн. собр. соч.: В четырех т. Тбилиси: Сабчота мцeralи, 1948, т. I, с. 496 — 519.

187. Соселлия О. Экономическое положение крестьянства Западной Грузии XVI века до первой половины XIX в. (на груз. яз.). — В кн.: Очерки из истории крестьянства феодальной Грузии. Тбилиси: Мецниереба, 1967, с. 169 — 232.

188. Страбон. География: (сведения о Грузии). — Тбилиси: Изд-во АН ГССР, 1957. — 301 с.

189. Стратанович Г.Г. Экономические и социальные отношения у цзин-по. — СЭ, 1959, № 4, с. 67 — 85.

190. Тихоницкая Н.Н. Сельскохозяйственная толока у русских. — СЭ, 1934, № 4, с. 73 — 90.

191. Толковый словарь грузинского языка, II. — Тбилиси: Изд-во АН ГССР, 1951. — 766 с.

192. Толковый словарь грузинского языка, V. — Тбилиси: Изд-во АН ГССР, 1958. — 762 с.

193. Толковый словарь грузинского языка, VI. — Тбилиси: Изд-во АН ГССР, 1960. — 878 с.

194. Топурия Н.С. Новые жилые постройки в Горийском районе (на груз. яз.). — МЭГ, 1959, X, с. 67 — 78.

195. Умикашвили П. Народная словесность, I (на груз. яз.). — Тбилиси: Литература да хеловнеба, 1964. — 385 с.

196. Умикашвили П. Народная словесность, II (на груз. яз.). — Тбилиси: Литература да хеловнеба, 1964. — 385 с.

197. Утурашвили И. Классовая дифференциация крестьянства в Грузии во второй половине XIX века: по материалам Горийского уезда (на груз. яз.). — Тбилиси: Изд-во АН ГССР, 1957. — 248 с.

198. Федотов К. Земледельческие орудия и кустарное изготовление их в Закавказье. — Тифлис, 1914. — 17 с.

199. Федотов К.П. Кавказский кустарный комитет. — Тифлис, 1913, - II с.

200. Флоровский Н. Горийский уезд. — В кн.: Обзорение Российских владений за Кавказом, ч. II, 1836, с. 39 — 76.

201. Флоровский Н. Тифлисский уезд. — В кн.: Обзорение Российских владений за Кавказом, ч. I, 1836, с. 279 — 304.

202. Харадзе Р. Грузинская семейная община, т. I (на груз. яз.). — Тбилиси: Заря Востока, 1960. — 189 с.

203. Харадзе Р. Грузинская семейная община, т. II (на груз. яз.). — Тбилиси: Заря Востока, 1961. — 159 с.

204. Харадзе Р.Л. Пережитки семейной общины в Тушети (на груз. яз.). — МЭГ, 1959, т. X, с. 191 — 215.

205. Харадзе Р.Л. Хевсурское алгуми — древняя форма общественно-экономического объединения. — КЭС, 1964, I, с. 47—52.

206. Харадзе Р.Л. Хевсурское ziri и gvagi (на груз. яз.). — Мимомхилвели, 1949, I, с. 187 — 206.

207. Харадзе Р.Л., Робакидзе А.И. Мтиульское село в прошлом (на груз. яз.). — Тбилиси: Мецниереба, 1965. — 81 с.

208. Харузин Н. Заметки о юридическом быте чеченцев и ингушей. — СМЭ, 1888, в. III.

209. Хаханов А. Месхи. — ЭО, 1891, кн. X №3, с. 1 — 39. Тбилиси: Госиздат, 1937, с. 422—432.

210. Хаханов Ал. Обычай грузинских крестьян при пахании. — ЭО, 1891, кн. XI, № 4, с. 192 — 195.

211. Хаханов Ал. Обычай крестьян при пахании в Кахети. — Кавказ, 1893, № 205.

212. Хаханов А.С. О мохевцах. — СМЭ, 1888, вып. II, с. 76 — 82.

213. Хаханов А.С. О пшавах. — СМЭ, 1888, вып. II, с. 83 — 98.

214. Хизанашвили Н. Статьи по этнографии. — Тбилиси: Изд-во груз. филиала АН СССР, 1940. — 198 с.

215. Цуладзе А. Этнографическая Гуриа. — Тбилиси: Сабчота Сакартвело, 1971. — 262 с.

216. Чавчавадзе И. Услышанное мною. — Сочинения, т. I (на груз. яз.).

217. Чачашвили Г.А. Грузино-адыгейские этнографические параллели в народном ткачестве (на груз. яз.). — МЭГ, 1963, XII — XIII, с. 361 — 380.
218. Чиковани Г.Д. Осетинский ныхас. — КЭС. V, 2, с.29 — 107.
219. Чиковани М. История грузинской народной словесности (на груз. яз.). — Тбилиси: Изд-во Методкабинета, 1952. — 542 с.
220. Чиковани Т. Грузинское народное жилище: цалкский дом (на груз. яз.). — Тбилиси: Изд-во АН ГССР, 1960. — 140 с.
221. Чиковани Т. Жилой дом Верхней Аджарии (на груз. яз.). — Труды Батумского научно-исследовательского института, 1960, т.1, с. 95 — 102.
222. Чиковани Т. Формы взаимопомощи у цалкских урумов. — КЭС, 1972, IV, с. 81 — 92.
223. Читая Г.С. Грузинская советская этнография за годы послевоенной пятилетки. — СЭ, 1952, № 3, с. 181 — 186.
224. Читая Г.С. Земледельческие системы и пахотные орудия Грузии. — ВЭК, 1952, с.99 — 111.
225. Читая Г.С. Из этнографического путешествия по Агбулагскому району (на груз. яз.). — Вестник Гос. музея Грузии, 1928, т.IV, с. 203 — 234.
226. Читая Г.С. Краткий отчет о работе Тианетской этнографической экспедиции (на груз. яз.). — Известия ИЯИМК, 1941, т.XI, с. 57 — 66.
227. Читая Г.С. Краткий отчет о работе этнографической экспедиции, командированной в Ксанское ущелье. — Известия ИЯИМК, 1939, т.IVз, с. 281 — 290.
228. Читая Г.С. Краткий отчет о работе этнографической экспедиции, командированной в ущелье Малой Лиахви и Меджуды. — Известия ИЯИМК, 1941, т. XI, с. 49 — 56.
229. Читая Г.С. Ксанское горное пахотное орудие. — Известия ИЯИМК, 1940, т.V — VI, с. 479 — 508.
230. Читая Г.С. Материалы для истории пахотных орудий Грузии (на груз. яз.). — Вестник Гос. музея Грузии, 1930, т.V, с.269 — 286.
231. Читая Г.С. Мтиульское «киборджи» (на груз. яз.). — МЭГ, т.IX, Тбилиси, 1957, с. 211 — 222.
232. Читая Г.С. Предварительный отчет о работе картлийской этнографической экспедиции 1948 года (на груз. яз.). — Мимомхилвели, 1949, т.1, с. 361 — 388.
233. Читая Г.С. Принцип и метод полевой этнографической работы. — СЭ, 1957, № 4, с.24 — 30.
234. Читая Г.С. Этнографические исследования в Грузинской ССР. — СЭ, 1948, № 4, с. 176 — 188.
235. Чкония И.В. Брачный институт в Мтиулету (на груз. яз.). — Тбилиси: Изд-во АН ГССР, 1955. — 192 с.
236. Чкония И.В. Модгамба: товарищество при вспашке (на груз. яз.). — Мацне, 1977, № 2, с. 159 — 166.
237. Чубинашвили Д. Словарь грузинского языка с русским переводом. — Спб., 1887.
238. Чубинский П.П. Очерк народных юридических обычаев и понятий в Малороссии. — ЗИРГО по отделению этнографии, 1869, т.II, с. 677 — 715.
239. Чурсин Г.Ф. Культ железа у кавказских народов. — Известия Кавказского историко-археологического института, 1927, т.VI, с.61 — 106.
240. Чурсин Г.Ф. Народные обычаи и верования Кахетии. — ЗКОИРГО, 1905, XXV, с. 1 — 79.
241. Чурсин Г.Ф. Осетины: (этнографический очерк). — ТЗА, сер. 1, 1925, с. 1 — 98.
242. Чурсин Г.Ф. Очерки по этнологии Кавказа. — 1913. — 189 с.
243. Чурсин Г.Ф. Праздник «выхода плуга» у горских народов Дагестана. — Известия Кавказского историко-археологического института, 1927, т.V, с. 43-60.
244. Чхиквадзе Г.З. Грузинская народная песня, т.1. — Тбилиси: Сабчота Сакартвело, 1960. — 452 с.

245. Шавердов С. Тамазлук или обычай взаимного вспомоществования домашним скотом. — СМОМПК, 1889, вып. VII, отд. II, с. 69 — 70.
246. Шамиладзе В.М. Хозяйственно-культурные и социально-экономические проблемы скотоводства Грузии. — Тбилиси: Мецниереба, 1979. — 337 с.
247. Эристави Р. Мамитади у Тиниа. — Стихи. (на груз. яз.). Тбилиси: Госиздат Грузии, 1935, т. I, с. 141.
248. Эристави Р. Ночной погонщик (на груз. яз.). — Иверия, 1883, №5 - 6.
249. Яшвили Н.С. Земельный фонд Грузинской ССР (на груз. яз.). — Тбилиси: Изд-во Тбилисского гос. ун-та, 1961. — 346 с.
250. Яшвили Н.С. К типизации территории Грузинской ССР (на груз. яз.). — Труды Института экономики АН ГССР, 1946, т. I, с. 85 — 116.

Использованный архивный материал

251. Гоголадзе А. Село Баралети. — Рукописный фонд Ахалцихского краеведческого музея АН ГССР, рукопись 862.
252. Гоголадзе Г. Село Чобарети. — Рукописный фонд Ахалцихского краеведческого музея АН ГССР, рукопись 874.
253. Маисурадзе И. Селения Патарашени, Эркота, Дадеши. — Рукописный фонд Ахалцихского краеведческого музея АН ГССР, рукопись 874.
254. Маисурадзе И. Село Хизабавра. — Рукописный фонд Ахалцихского краеведческого музея АН ГССР, рукопись 270.
255. Мачабели М. Пшавский материал, Артанское общество. — Институт рукописей АН ГССР, фонд М. Мачабели.
256. Мачабели М. Хевсурети. — Институт рукописей АН ГССР, фонд М. Мачабели.
257. Судадзе В. Село Грели. — Рукописный фонд Ахалцихского краеведческого музея АН ГССР, рукопись 877.
258. Судадзе В. Селения Грели, Тоби. — Рукописный фонд Ахалцихского краеведческого музея АН ГССР, рукопись 862.
259. Судадзе В. селения Мусхи, Грели, Чобарети. — Рукописный фонд Ахалцихского краеведческого музея АН ГССР, рукопись 874.
260. Центральный государственный исторический архив Грузии. Фонд 1448, дело 8711.

СОКРАЩЕНИЯ

ВЭК	— Вопросы этнографии Кавказа
ЗИРГО	— Записки имп. Русского Географического общества
ЗКОИРГО	— Записки Кавказского отдела имп. Русского Географического общества
Известия ИЯИМК	— Известия Института языка, истории и материальной культуры
КЭС	— Кавказский этнографический сборник
МЭГ	— Материалы по этнографии Грузии (на груз. яз.)
СМОМПК	— Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа
СМЭ	— Сборник материалов по этнографии, издаваемый при Дашковском этнографическом музее
ССКГ	— Сборник сведений о кавказских горцах
СЭ	— Советская этнография
ТЗА	— Труды Закавказской ассоциации
ЭО	— Этнографическое обозрение
ЮВ	— Юридический вестник

СПИСОК ИНФОРМАТОРОВ

1. Абуладзе Илья Георгиевич, 72 года, с.Квемо Чала, Картли.
2. Адамян Капитон Павлович, 74 года, с.Матходжи, Имерети.
3. Аколашвили Сандро Георгиевич, 81 год, с.Хелтубани, Картли.
4. Алавердашвили Ольга Дмитриевна, 70 лет, с.Ахалсопели, Картли.
5. Алиханашвили Саркис Иагорович, 78 лет, с.Хелтубани, Картли.
6. Арабули Мзиа Георгиевна, 76 лет, с.Архоти, Хевсурети.
7. Арабули Торела Гигиевич, 66 лет, с.Сиони, Эрцо-Тианети.
8. Ахвердашвили Георгий Георгиевич, 68 лет, с.Ниноцминда, Кахети.
9. Ахведиани Елена Мироновна, 85 лет, с.Лацორи, Лечхуми.
10. Бадурашвили Сандро Татариевич, 80 лет, с.Жебота, Эрцо-Тианети.
11. Балашвили Леван Захарович, 87 лет, с.Балаани, Ксанское ущелье.
12. Балашвили Лексо Матвеевич, 86 лет, с.Балаани, Ксанское ущелье.
13. Барабадзе Сардион Дмитриевич, 86 лет, с.Матходжи, Имерети.
14. Басилашвили Василий Егорович, 87 лет, с.Гиоргицминда, Кахети.
15. Бахбахишвили Василий Абрамович, 95 лет, с.Вардисубани, Кахети.
16. Башарули Екатерина Габриеловна, 65 лет, с.Дабакнети, Ксанское ущелье.
17. Бенделлиани Гайане Николаевна, 80 лет, с.Кулбаки, Лечхуми.
18. Бердзенишвили Чичико Ясонович, 68 лет, с.Хеви, Гуриа.
19. Бердзنيшвили Иосиф Соломонович, 72 года, с.Тортиза, Картли.
20. Бердзнишвили Самсон Георгиевич, 69 лет, с.Тортиза, Картли.
21. Бердзнишвили Сико Давидович, 71 год, с.Тортиза, Картли.
22. Берианидзе Шио Захарович, 95 лет, с.Даданети, Ксанское ущелье.
23. Берианидзе Ясон Иванович, 95 лет, с.Даданети, Ксанское ущелье.
24. Битарашвили Давид Зурабович, 67 лет, с.Ахалдаба, Ксанское ущелье.
25. Бунтури Като Захаровна, 86 лет, с.Цхавати, Ксанское ущелье.
26. Бунтури Лексо Дмитриевич, 80 лет, с.Тези, Ксанское ущелье.
27. Бунтури Пело Николаевна, 66 лет, с.Зодехи, Ксанское ущелье.
28. Валишвили Солико Фидиевич, 82 года, с.Пичвари, Ксанское ущелье.
29. Вардушвили Гио Абриеви, 65 лет, с.Матани, Кахети.
30. Габрелашвили Иосиф Иванович, 80 лет, с.Одзиси, Картли.
31. Гамсахурдашвили Михаил Спиридонович, 67 лет, с.Зеда Сазано, Имерети.
32. Гамхваташвили Ника Абрамович, 68 лет, с.Ахмаджи, Картли.
33. Гегია Елена Васильевна, 80 лет, с.Напагаури, Имерети.
34. Гзобава Герасим Максимович, 85 лет, с.Орбели, Лечхуми.
35. Гигаури Хвтисо Бецикович, 75 лет, с.Кудро, Эрцо-Тианети.
36. Гигашвили Николай Ражденович, 72 года, с.Кведа Зегани, Имерети.
37. Гигинейшвили Ивлиан Антонович, 69 лет, с.Набакеви, Имерети.
38. Гигишвили Бабе Георгиевна, 75 лет, с.Вардисубани, Кахети.
39. Гигишвили Нико Федорович, 87 лет, с.Вардисубани, Кахети.
40. Гикашуа Софром Александрович, 96 лет, с.Напагаури, Имерети.
41. Гиорбелидзе Мирон Алексеевич, 69 лет, с.Опитара, Лечхуми.
42. Гогатишвили Давид Петрович, 77 лет, с.Корбоули, Имерети.
43. Гогиашвили Евгения Николаевна, 55 лет, с.Ларгвиси, Ксанское ущелье.
44. Гогидзе Лексо Захарович, 79 лет, с.Зегдулети, Картли.
45. Гогиллов Михаил Николаевич, 70 лет, с.Вале, Месхети.
46. Гогиллов Петре Соломонович, 70 лет, с.Вале, Месхети.
47. Годзиашвили Вано Сосанович, 82 года, с.Вакири, Кизики.

48. Горелашвили Мосе Хвтисоевич, 83 года, с.Чекураантгори, Эрцо-Тианети.

49. Гурашвили Мтховара Михайлович, 76 лет, с.Бодбе, Кизики.
50. Дарджанна Степан Павлович, 77 лет, с.Оногиа, Самегрело.
51. Дгебуадзе Леонти Исидорович, 81 год, с.Диди Чкони, Самегрело.
52. Девидзе Гигло Иванович, 79 лет, с.Вардисубани, Кахети.
53. Джаджанидзе Леванти Бичиевич, 88 лет, с.Зоди, Имерети.
54. Джалабадзе Давид Васильевич, 90 лет, с.Корди, Картли.
55. Джалабадзе Иосиф Иванович, 75 лет, с.Корди, Картли.
56. Джалабадзе Ладос Семенович, 70 лет, с.Корди, Картли.
57. Дзеркурашвили Сандро Иванович, 71 год, с.Цирколи, Ксанское устье.

58. Доленджашвили Николай Егорович, 76 лет, с.Уде, Месхети.
59. Долиашвили Васо Арсенович, 86 лет, с.Жебота, Эрцо-Тианети.
60. Думбадзе Георгий Алфезович, 85 лет, с.Зомлети, Гуриа.
61. Жужунадзе Алексей Михайлович, 68 лет, с.Мусхи, Месхети.
62. Заридзе Боро Георгиевич, 67 лет, с.Ларгвиси, Ксанское устье.
63. Звиадаури Свимана Георгиевич, 67 лет, с.Сиони, Эрцо-Тианети.
64. Зерагиа Эле Илларионовна, 72 года, с.Кведа Горди, Имерети.
65. Зуровили Котэ Кимович, 94 года, с.Шрома, Кахети.
66. Ианугов Артем Павлович, 66 лет, с.Вале, Месхети.
67. Ианугов Михаил Соломонович, 72 года, с.Удэ, Месхети.
68. Илуридзе Таризл Иванович, 75 лет, с.Дорет-кари, Ксанское устье.
69. Какашвили Гига Гегенович, 79 лет, с.Сакобо, Кизики.
70. Каландадзе Венера Антоновна, 71 год, с.Дзимити, Гуриа.
71. Капанадзе Алексей Николаевич, 71 год, с.Квемо Никози, Картли.
72. Капанадзе Евсей Росапиевич, 88 лет, с.Пирвели Свири, Имерети.
73. Капанадзе Ладос Каихосрович, 75 лет, с.Корбоули, Имерети.
74. Караулашвили Георгий Сандроевич, 70 лет, с.Вардисубани, Кахети.
75. Картвелишвили Нико Григорьевич, 95 лет, с.Ламискана, Картли.
76. Картвелишвили Тедо Васильевич, 79 лет, с.Ламискана, Картли.
77. Кхелашвили Медико Гигоевна, 68 лет, с.Матходжи, Имерети.
78. Кацанашвили Иванэ Давидович, 82 года, с.Сиони, Эрцо-Тианети.
79. Квирикашвили Абрам Алексеевич, 82 года, с.Зедубани, Имерети.
80. Квришвили Ева Михайловна, 87 лет, с.Гиоргицминда, Кахети.
81. Кекенадзе Василий Николаевич, 78 лет, с.Зедубани, Имерети.
82. Кемашвили Нико Васильевич, 76 лет, с.Вакири, Кизики.
83. Кенкадзе Котэ Андреевич, 70 лет, с.Харбали, Ксанское устье.
84. Кикалишвили Аграфена Эрастовна, 80 лет, с.Матходжи, Имерети.
85. Кистаури Давид Георгиевич, 67 лет, с.Сиони, Эрцо-Тианети.
86. Кобнашвили Элисо Захаровна, 60 лет, с.Алвани, Кахети.
87. Кокозашвили Афрасион Павлович, 82 года, с.Урбниси, Картли.
88. Кравелидзе Леванти Николаевич, 85 лет, с.Чала, Имерети.
89. Кудашвили Гига Мирзоевич, 86 лет, с.Анага, Кизики.
90. Купрашвили Иосиф Гарсиевич, 90 лет, с.Аргвети, Имерети.
91. Куртанидзе Георгий Зурабович, 91 год, с.Скинатори, Имерети.
92. Куташвили Лексо Федорович, 68 лет, с.Цирколи, Ксанское устье.
93. Лекиашвили Леван Глахоевич, 78 лет, с.Земо Бодбе, Кизики.
94. Лондаридзе Михаил Георгиевич, 76 лет, с.Саро, Месхети.
95. Лукава Максиме Ночоевич, 86 лет, с.Диди Недзви, Самегрело.
96. Маглакелидзе Мариам Павловна, 88 лет, с.Бослеви, Имерети.
97. Мамаладзе Евгений Ясонович, 67 лет, с.Хеви, Гуриа.
98. Мамардашвили Надежда Антоновна, 82 года, с.Окурети, Лечхуми.
99. Мартиашвили Туха Андреевич, 80 лет, с.Мартини, Ксанское устье.
100. Махарашвили Иосиф Георгиевич, 70 лет, с.Ксвориси, Ксанское устье.
101. Махатадзе Владимир Илларионович, 71 год, с.Квалити, Имерети.
102. Мачавариани Михаил Платонович, 72 года, с.Квалити, Имерети.
103. Мгеладзе Элпите Николаевна, 68 лет, с.Дзимити, Гуриа.
104. Медзвели Григол Лавросиевич, 66 лет, с.Кинча, Имерети.

105. Мекокишвили Михако захарович, 90 лет, с.Гиоргицминда, Кахети.
106. Мекокишвили Сико Павлович, 67 лет, с.Ниноцминда, Кахети.
107. Меликадзе Евгений Александрович, 85 лет, с.Мусхи, Месхети.
108. Мерабишвили Иосиф Дарчоевич, 60 лет, с.Хелтубани, Картли.
109. Мидилаури Эстатэ Георгиевич, 72 года, с.Орхеви, Эрцо-Тианети.
110. Модебадзе Эсайа Павлович, 87 лет, с.Кацхи, Имерети.
111. Модебадзе Коциа Яковлевич, 91 год, с.Квацixe, Имерети.
112. Мchedlishvili Эстатэ Георгиевич, 72 года, с.Орхеви, Эрцо-Тианети.
113. Нахуцришвили Тома Николаевич, 70 лет, с.Ожи, Кахети.
114. Нижабадзе Илья Барнабиевич, 80 лет, с.Маглаки, Имерети.
115. Ноникашвили Павле Иосифович, 75 лет, г.Сигнаги.
116. Огадзе Миха Сосеевич, 55 лет, с.Папиани, Ксанское устье.
117. Оक्रमелидзе Вано Соломонович, 79 лет, с.Мусхи, Месхети.
118. Окруашвили Георгий Соломонович, 87 лет, с.Одзиси, Картли.
119. Оманидзе Эстатэ Димитриевич, 81 год, с.Гведи, Лечхуми.
120. Осепашвили Симон Алексеевич, 70 лет, с.Квемо чала, Картли.
121. Палишвили Михаил Габриэлович, 60 лет, с.Ламискана, Картли.
122. Папушвили Дата Исакович, 67 лет, с.Алвани, Кахети.
123. Папукишвили Давид Николаевич, 60 лет, с.Каралети, Картли.
124. Папукишвили Николоз Георгиевич, 96 лет, с.Каралети, Картли.
125. Парцваниа Сандро Гутуевич, 73 года, с.Рухи Самегрело.
126. Пицхелаури Кола Соломонович, 76 лет, с.Циркол, Ксанское устье.
127. Пикадзе Нитрофиле Лукович, 67 лет, с.Парцханаканеби, Имерети.
128. Ростомашвили Вано Гаврилович, 87 лет, с.Ниноцминда, Кахети.
129. Сабанадзе Васо Иванович, 71 год, с.Шиндиси, Картли.
130. Самадалашвили Миха Габриэлович, 69 лет, с.Зегдулети, Картли.
131. Самадалашвили Сардион Георгиевич, 70 лет, с.Хидистави, Картли.
132. Сартаниа Георгий Максимович, 79 лет, с.Хета, Самегрело.
133. Сибошвили Давид Хитоевич, 82 года, с.Патардзули, Кахети.
134. Сидомонидзе Эстатэ Георгиевич, 91 год, с.Тези, Ксанское устье.
135. Сисошвили Мосе Фомич, 72 года, с.Дореулеби, Эрцо-Тианети.
136. Соселиа Петре Павлович, 68 лет, с. Чхориа, Самегрело.
137. Сулаберидзе Калистратэ Габриэлович, 66 лет, с.Дзедзилети, Имерети.
138. Татунашвили Гогла Тедоевич, 80 лет, с.Канчаети, Ксанское устье.
139. Татунашвили Сандро Иванович, 84 года, с.Канчаети, Ксанское устье.
140. Тваури Алекси Иванович, 95 лет, с.Чвриви, Джава.
141. Тертерашвили Ольга Мелкоевна, 82 года, с.Матани, Кахети.
142. Торошелидзе Дата Уплисович, 92 года, с.Переви, Имерети.
143. Ушиташвили Иоба Иванович, 74 года, с.Икалто, Кахети.
144. Ханишвили Михака Димитриевич, 75 лет, с.Урбниси, Картли.
145. Ханишвили Самсон Гигиевич, 77 лет, с.Урбниси, Картли.
146. Хантадзе Иллармон Эстатович, 83 года, с.Нахахулеви, Имерети.
147. Харатидзе Василий Лазарович, 85 лет, с.Ниноцминда, Кахети.
148. Харатидзе Тимотэ Димитриевич, 81 год, с.Ниноцминда, Кахети.
149. Хецуриани Бартломэ Георгиевич, 72 года, с.Зеда Гвириши, Лечхуми.
150. Хидирбегишвили Константинэ Ростомович, 103 года, с.Гванкити, Имерети.
151. Хизанашвили Шакро Павлович, 85 лет, с.Урбниси, Картли.
152. Хорнаули Ольга Георгиевна, 70 лет, с.Пантиани, Эрцо-Тианети.
153. Хорнаули Тирузан Давидович, 100 лет, с.Пантиани, Эрцо-Тианети.
154. Хоситашвили Ника Егорович, 73 года, с.Гиоргицминда, Кахети.
155. Хубашвили Илеко Давидович, 116 лет, с.Бочорма, Эрцо-Тианети.
156. Хубашвили Матэ Давидович, 77 лет, с.Бочорма, Эрцо-Тианети.
157. Циклаури Баса Ефимович, 86 лет, с.Сиони, Эрцо-Тианети.
158. Цикуришвили Георгий Димитриевич, 79 лет, с.Хашми, Кахети.
159. Цинцадзе Николай Сардионович, 67 лет, с.Земо Парцхма, Гуриа.
160. Чабукцани Евгений Эстатович, 96 лет, с.Дехвири, Лечхуми.
161. Чавчавадзе Екатерина Лонгинозовна, 80 лет, с.Шрома, Кахети.
162. Чачканашвили Дарико Георгиевна, 68 лет, с.Алвани, Кахети.
163. Чегвариа Мариам Павловна, 70 лет, с.Ласхана, Лечхуми.

-
64. Чиковани Мариам Несторовна, 62 года, с.Гвесо, Лечхуми.
165. Чихладзе Эрмине Максимович, 89 лет, с.Кведа Бангвети, Лечхуми.
166. Чочуа Коциа Севастиевич, 84 года, с.Дабла Гоми, Имерети.
167. Чхиквадзе Севасти Эристович, 70 лет, с.Земо Парцхма, Гуриа.
168. Шакулашвили Мариам Георгиевна, 74 года, с.Каралети, Картли.
169. Шаматава Григол Бурдгуевич, 94 года, с.Кициа, Самегрело.
170. Шенгелиа Гвеве Сабович, 72 года, с.Джихашкари, Самегрело.
171. Шетекаури Кавтар Георгиевич, 60 лет, с.Чекураант гори, Эрцо-Тианети.
172. Шубитидзе Каплан Димитриевич, 100 лет, с.Чаловани, Имерети.
173. Эзнашвили Димитрий Петрович, 100 лет, с.Корети, Имерети.
174. Элошвили Миха Георгиевич, 65 лет, с.Элонани, Ксанское ущелье.
175. Эрадзе Ираклий Лукввич, 79 лет, с.Бахиоти, Имерети.
176. Эчишвили Анико Николаевна, 73 года, с.Алвани, Кахети.

УКАЗАТЕЛЬ ТЕРМИНОВ

А

Абаду II абандо — 35
 Агкветили дге — 24
 Акрдзალუли дге — 24
 Алавердоба — 89
 Алó — 66, 67
 Аловноба — 8, 42, 43, 55
 Амбазы — 55
 Амгали — 55, 92
 Ампа — 40
 Анагули — 52
 Анеули — 50, 51, 56, 63, 78
 Анхос — 17
 Аошва — 47
 Апеური — 52, 70, 71, 73, 75
 Арагаш — 84
 Арнади — 34
 Арона — 49
 Атэули — 23
 Ахалтэсли — 51
 Ахо — 26
 Ачача — 41, 48
 Ачутва — 47

Б

Бадали — 30
 Бани — 25
 Барати — 87, 88
 Баратис тави — 88
 Берлао — 31
 Болотриа — 25, 3

В

Велис кало — 34
 Вука — 28

Г

Гадабма — 55
 Гадахмарнеба — 31
 Галамбал — 84
 Гамис мехре — 57
 Ганаква — 27
 Гатреула — 13, 14, 89
 Гвай — 28
 Гведи — 52, 58, 69, 70, 72, 73, 75

Гегиога — 19
 Гинохваруа — 31
 Гиргитис мехре — 58
 Гопуна — 19
 Гуда — 45
 Гутани — 55
 Гутнеули — 54, 55
 Гутнис гамошвебис дро — 62
 Гутнис дасвенеба — 62
 Гутнис сагмрто — 89
 Гутнисдэда — 42, 43, 54, 56
 Гутниставис мехре — 58
 Гутниставис хареби — 57

Д

Даджибреба — 22
 Дадзахил муша — 26
 Дадзахили — 17, 25, 27, 31, 99
 Дакавебули анеули — 50
 Дакмазва — 35
 Данаква — 27
 Данацвлеба — 31, 33, 49, 79
 Данацвлебит мушаоба — 29
 Даотхеулеба — 18
 Дапаребули кало — 34
 Дапшвна — 27
 Дасамеулеба — 18
 Дастури — 39
 Дахалули — 59
 Дахарвезеба — 61
 Дгис мехре — 57
 Дгис нацвлоба — 29, 31
 Дгниури — 15, 67, 85, 98
 Джамбара — 52, 61, 70, 71, 72, 73, 75
 Джварис мамали — 31
 Джварис мамлоба — 31
 Джери — 59
 Джилга — 49, 51
 Джилгис дэда — 49
 Джини — 32
 Дзвелтэсли — 51
 Диди ало — 83
 Диди гутани — 50
 Дика — 35
 Долис пури — 51
 Дос шечаманди — 59
 Дэдабодзи — 34
 Дэдабодзис хари — 35

Зиари хари — 38
 Зиу — 28
 Зрохис шебман — 7

И

Имеджилнк — 28
 Ихниви — 38

К

Кабала — 38
 Кабдо — 62
 Када — 25
 Кадагададэбули дге — 24
 Калапориа — 68
 Кало — 27
 Карчи — 26, 41
 Кванти — 46
 Квелзе дахорбалзе швела — 33
 Квира-укмис мехре — 59
 Кевара — 75, 76, 83
 Кеварзе гамоквана — 75, 83
 Кеври — 33
 Кероба — 50
 Коди — 52
 Комаги — 17, 28
 Комоба — 6, 92
 Кона — 27
 Коркоти — 45
 Кочала — 18, 23
 Кристэкоркотоба — 90
 Курцхали — 77
 Кути ало — 13, 15

Л

Литра — 38
 Лурсмана — 61

М

Маинди — 36
 Мамад дакопа — 13
 Мамани — 6
 Мамитади — 17, 29
 Мамкали — 17
 Мамклис шекра — 17
 Мандави — 39, 93, 100
 Манджика — 32
 Маркапа мехре — 60
 Марша — 28
 Махнави — 13, 14
 Махохи — 45, 59
 Мдзрали — 47, 50
 Меаловне — 42, 43
 Мевеле — 67, 89
 Медзнеури — 18

Меквира-укме — 59
 Меквле — 41
 Мекоме — 55, 92
 Мемандаве — 39
 Месвеури — 23
 Месвреле — 24
 Месуриеле — 24
 Мети мехре — 60
 Меукмари — 91
 Меукме — 91
 Меукмиа — 92
 Меулое — 18
 Мехелеуре — 18
 Мехре — 41, 54, 56
 Мехрезе хвна — 80
 Мешабатэ — 13, 16
 Мешвели — 28
 Мкарчави — 41
 Мкис джвари — 23
 Мконави — 18
 Мобрунеба — 83
 Модгами — 8, 45, 48, 49, 55, 56, 92
 Модгем — 84
 Модгма — 92
 Мозверис ихниви — 38
 Мокврис муша — 24
 Мокврис нади — 24
 Момкал муша — 17
 Момкали — 18
 Монамгле — 55, 86
 Монареоба — 37
 Мондави — 39, 40, 41, 55, 92, 93, 100
 Моригеба — 83, 84, 93, 100
 Мортави — 28
 Мука — 13, 17
 Муша — 17
 Мушани — 17, 26
 Мушури — 19
 Мскоравай — 30, 32
 Мхвнели — 41
 Мцкемси — 43
 Мчедлис ало — 68
 Мчечелни — 28
 Мчутаи — 47

Н

Нагарис гамогeba — 60
 Нади — 13, 17, 28, 36
 Надури тохна — 36
 Намгала — 37, 86
 Намгало — 19
 Наоши — 50
 Напудзари — 32
 Нацвалгарда — 27, 29, 30, 31, 32, 35, 47, 48, 100
 Нацвалгардоба — 43, 79
 Нацвалгардоба харебиса — 30, 35
 Нацилоба — 59, 60
 Ничаби — 34
 Ноди — 36

Оровела — 63
Ортаглыг — 84
Ортити — 34
Орхела — 15, 40, 41, 45, 48
Отхи — 83
Оцеули — 23
Очхари — 12, 13, 17
Очхи — 12

П

Перхули — 19
Пехи — 23
Питнис шечаманди — 59
Пицали — 34
Поцхи — 34
Псони — 89
Пта — 62
Птэмокцеули — 23
Пурис харшо — 59

Р

Риг-рига — 30, 47, 67

С

Саахалтэсле — 50
Сабзевед — 33, 35
Сагмрто — 14, 68, 87, 89, 91
Садждоми хареби — 57
Саджеро — 59
Садзне уреми — 25, 32
Садили — 31, 45, 59
Сакветэли — 52
Сакевари — 53
Сакевар-угели — 53, 72
Сакмис сагамо — 28
Самадлод дахмареба — 12
Самалдэ — 71, 72, 75
Саменахиро ало — 67
Сами гадахтома — 62
Самхари — 31, 45, 59, 62
Самхвто — 15
Самхвто гутани — 15
Самхрис куди — 45, 59
Самчедло — 68
Санацвло мушаоба — 29, 30
Санничари — 9, 12, 13
Сасопло сагмрто — 89
Сатавквебо — 38
Сатитэ — 19
Сахвниели — 40
Сахниси — 52
Сацкепи хареби — 57
Сашечамандэ котани — 59
Сашуалис мехре — 58
Сашуало мехре — 58
Сашуврис мехре — 58

Све — 34
Сврели — 24
Сепе — 17
Сетквис дге — 24, 91
Сетквис укме — 25
Сурнели — 24

Т

Табаки — 34, 35
Табики — 52, 72
Табун — 88
Тави момкали — 22
Таоба — 69, 70, 71, 72, 76
Тердзва — 50
Толис дадэба — 57
Тхлис шечаманди — 59

У

Убани — 88
Угела — 69, 70, 75, 76
Угелзе гамоквана — 75
Угели — 52
Укмис данатвла — 25
Улами — 17, 26, 28
Уло — 18
Урук хашар — 28
Устабаши — 87

Х

Хадили — 17
Ханулоба — 36
Харазнис мехре — 58
Харис ихниви — 38
Хармахнави — 13, 14
Харташвебис дро — 62
Хелеури — 18
Хелис кети — 27
Хелнацвлоба — 29, 31, 40, 48
Хештави — 92
Хмели мехре — 56
Хмиади — 90
Хуцеси — 25

Ц

Цала — 74, 76
Цалазе гамоквана — 74, 84
Цасакравис мехре — 59
Цедис — 84
Цера — 23
Церила — 23
Цина мехре — 58
Цина угели — 57
Цискрис варсквлави — 61
Цхави — 34
Цхрили — 34

Ч

Чаква — 24
Чанахи — 44, 98
Чеки — 31, 61
Чути — 47

Ш

Шабатоба — 13
Шебма — 7

Шенахули дге — 24
Шенцооба — 16
Шуа мехре — 58

Э

Элиоба — 91

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава I Трудовая помощь несостоятельным семьям	11
Глава II «Дадзахили»	17
Глава III «Нацвалгарда»	29
Глава IV Супряги	36
§ 1. Супряги при работе пахотными орудиями простой конструкции	37
1. Супряги в горной части Восточной Грузии	37
2. Супряги в предгорной части Восточной Грузии при работе пахотными орудиями простой конструкции	45
3. Супряги в низменной части Восточной Грузии при работе пахотными орудиями простой конструкции	47
§ 2. Супряги при пахании джилгой	49
§ 3. Супряги при пахании большим плугом	50
1. Большой плуг	50
2. Состав модгами и функции его членов	56
3. Режим труда, отдыха и питания	61
4. Очередность пахания	66
5. Продолжительность работы модгами	67
6. Распределение дней пахоты	68
7. Своеобразие модгами в некоторых частях Кахети	84
§ 4. Разделение труда по полу и возрасту	88
§ 5. Верования и обычаи, связанные с пахотой	88
Глава V Трудовые объединения для совместной работы по найму	96
Заключение	99
Список использованной литературы	102
Сокращения	112
Список информаторов	113
Указатель терминов	117

Напечатано по постановлению Редакционно-издательского совета
Академии наук Грузинской ССР

ИБ 3231

Редактор издательства Ц. Тодуа
Художник Н. Г а б у н и а, Г. Л о м и д з е
Техредактор Ц. К а м у ш а д з е
Корректор Э. Г о г а в а

Сдано в производство 15.11.1985; Подписано к печати 9.3.1987; Формат
бумаги 60x90^{1/16}; Бумага офсетная; Печать офсетная
Усл. печ. л. 7,8; Усл.кр.отт. 8,1; Уч.-изд. л. 9;
УЭ 00858; Тираж 1000; Заказ 212;

Цена 1 руб. 40 коп.

გამომცემლობა „მეცნიერება“, თბილისი 380060, კუტუშოვის ქ., 19
Издательство «Мецниереба»; Тбилиси 380060, ул. Кутузова, 19

Типография АН Груз. ССР, Тбилиси 380060, ул. Кутузова, 19
საქ. სსრ მეცნ. აკადემიის სტამბა, თბილისი 380060, კუტუშოვის ქ., 19

Тамара Шалвовна Геладзе

**ФОРМЫ КОЛЛЕКТИВНОГО ТРУДА В ЗЕМЛЕДЕЛИИ
ВОСТОЧНОЙ ГРУЗИИ**

(ПО ЭТНОГРАФИЧЕСКИМ МАТЕРИАЛАМ)

ТБИЛИСИ
«МЕЦНИЕРЕБА»
1987

თამარ შალვას ასული გელაძე

**მიწათმოქმედებასთან დაკავშირებული კოლექტიური
შრომის ფორმები აღმოსავლეთ საქართველოში
(ეთნოგრაფიული მასალის მიხედვით)**

„მეცნიერება“

თბილისი

1987

800/2

T 863
3 3440550
800/2010033

